

Лариса ШЕВЧЕНКО

ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВО

12+

Лариса Яковлевна Шевченко

Её величество

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51882124

SelfPub; 2020

Аннотация

Четвертая книга серии «Вкус жизни» – «Ее величество» – посвящен подробному житейскому, эмоциональному и философскому анализу женщин судьбы одной из подруг, поведавшей о проблемах в своей семейной жизни. По сути дела это гимн женщине, ее стойкости и терпению. Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь к ложным идентификациям, не ищите себя среди моих героев. Не забывайте, что это художественное произведение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«В произведениях Л. Шевченко всегда чувствуется истин-

ный дух и высокая степень внутренней свободы автора. В её очередном романе «Её Величество» всё максимально, «обжигаяще» достоверно. Она ведёт открытый и честный разговор о взаимоотношениях между мужчинами и женщинами в не очень счастливых семьях и на абсолютно правдивых жизненных примерах делает попытки провести исследование некоторых аспектов причин их разлада. Её цель – приблизиться к человеку, к его реальным проблемам и их решению».

«В книге звучит беспокойство автора за судьбу молодого поколения, хотя для неё его позитивное будущее не оставляет сомнений».

«Лариса Яковлевна в каждой книге цикла «Вкус жизни» признается в любви Родине и своему поколению, рождённому в годы Великой Отечественной войны и вскоре после неё, которое считало своей главной жизненной задачей приносить пользу родной стране и своему народу. Но в то же время она замечает, что жизнь не всякого человека достойна ревиема. Её герои – романтики, верящие в приоритет добра, люди с обострённым чувством справедливости. Собственно, тема справедливости красной нитью прошивает все произведения этого писателя».

«Читателя привлекают своеобразная манера автора рас-

крывать означенную тему в форме диалогов между героями и только ей присущая их неповторимая интонация. Поражает неожиданное, удивительно сильное впечатление от произведения, в котором как будто нет динамичного сюжета и, казалось бы, ничего не происходит с главными героями. Они просто беседуют. И всё это потому, что книга не о событиях в стране или в семьях, – они служат только фоном, – а о непростых переживаниях и размышлениях людей. Персонажи Л. Шевченко разнообразны и понятны читателям. В книге есть над чем подумать. И как говорил об одной своей героине фильма известный режиссёр Станислав Говорухин: «С нею можно в чём-то не соглашаться, но ей можно верить».

Произведение Л. Шевченко «Её Величество» – монументальное обобщение трудных женских судеб и своего рода гимн Женщине».

Выдержки из рецензий читателей

Алиса

– За ужином ты обещала мне рассказать о жене Василия, – капризным тоном обратилась Жанна к Инне.

– Без проблем, – спокойно ответила та, хотя её раздражала жеманность и кокетливость бывшей сокурсницы.

«Чего выкаблучивается? Не перед мужиком же», – удивлённо фыркнула Инна внутри себя, но рассказывать начала без промедления.

– Жена Василия Алиса – примечательная личность, в ней всегда ощущалась неистовая жажда жизни. Она из тех женщин, которые могут решительно взять дело в свои руки и ни при каких условиях не выпускать. Алиса привыкла действовать напористо, смело и самостоятельно. Её принцип: вступила на выбранный путь – иди до конца. Одно время я отводила ей в своей жизни не последнее место. Ты, Жанна, права, её история заслуживает отдельного рассмотрения.

До перестройки Алиса работала в нашем НИИ экономистом, а теперь у неё свой серьёзный бизнес. Она и меня хотела свести со своими менеджерами, предлагала сойтись с нужными людьми. Мол, приходи, если заинтересуешься, двери для тебя всегда открыты. У неё имелись веские причины желать соединения наших усилий. Это было бы ей на руку. Но я по натуре одиночка, не люблю делиться. Алиса много чего интересного и полезного порассказала мне насчет её вхождения в бизнес.

– Обрисуй картину, хотя бы акварельно, – попросила Жанна.

– Досталось Алисе крепко. Её откровения подействовали на меня удручающе.

«Начну с того, что в бизнесе, – поведала она мне, – необходимо догадаться, чтобы не бродить впотьмах, и решиться. А ещё, чтобы уйти на вольные хлеба, надо уметь пахать. Я в самом начале перестройки поняла, что требуется предпринять, чтобы мой поезд не ушел, но в то нестабильное вре-

мя с нашим совковым менталитетом трудно было решаться на необкатанные эксперименты. Имело смысл сначала в себе найти точку опоры, потом определить в чём сила и слабость каждого партнера и конкурента.

Один мой знакомый при коммунистах, когда предпринимательством ещё и не пахло, крупно приторговывал джинсами и в перестройку продолжил энергично стричь купоны, поэтому быстро разжился деньжатами и смог выложить на открытие дела приличную сумму и быстро развернуться. Его вынесло наверх уже в восемьдесят пятом. Он действовал решительно и не сомневался в успехе, что характерно для обладателей шальных денег. От бедности он никогда не страдал. У него не было надобности жаться из-за каждой копейки. Сомнения присущи тем, кто приобретал накопления постепенно, тяжким трудом.

Я в студенческие годы водила с ним дружбу на почве шмоток. Встречи наши были редки и коротки, но он запомнил меня и пригласил к себе как экономиста, чтобы я помогла ему организовать производство. Для осуществления проекта ему нужны были опытные специалисты. Эта работа гарантировала мне приличную выгоду, молчаливо предусмотренную уставом предприятия для руководящего состава. Я подумала, что сама удача в руки мне идёт. Мы быстро поладили, и я поторопилась согласиться, предварительно оговорив условия, но не зафиксировав их на бумаге с печатью. Привыкла в Союзе работать на партнёрском доверии. Тогда ведь

почти не было профессиональной зависти, ревности, откровенной конкуренции и подлой лжи. И деньги платило государство, а не хозяин. Это теперь устные заверения – слишком зыбкая опора для утверждений, которые имеют юридические последствия.

Перво-наперво, рассчитывая на взаимную откровенность, я выложила ему, не скрывая, всю как есть правду о себе, изложила свои идеи и перспективы в его проекте. Я наивно полагала, что соучредители не должны иметь тайн. А он утаил о себе многое и, когда я выполнила поставленную задачу, заменил меня неизвестно откуда взявшимся партнёром, в недавнем прошлом спортсменом. Меня же решил подставить, счел человеком, на которого можно безнаказанно переложить груз ответственности за свои махинации.

Сначала я не прониклась серьёзностью своего положения и отказывалась верить в то, что натворил мой новоиспеченный шеф. Не ожидала, что мои проблемы – дело его нечистых рук, думала, они результат его некомпетентности. Я знала, что он не сможет обойтись без экономических знаний, и это, как мне тогда казалось, было гарантией стабильности и надёжности моего положения в фирме. Только он этого не понимал. «Кому я помешала? Это же не умно и не логично! Он считает такое поведение как нечто само собой разумеющееся? Неслыханная наглость! Ему в бирюльки играть, а не руководить! Не хочется спешить с выводами, но уже сейчас можно предположить, что пытается втравить меня в авантю-

ру», – полыхала я в мыслях, начиная кое-что подозревать. Это потом я поняла, что добродушным романтикам не место в бизнесе.

Я не поддавалась, боролась, а шеф всеми правдами и неправдами закрывал мне доступ к документам, врал, что истинное понимание ситуации придёт ко мне позже, не утруждал себя ответами на мои «несанкционированные» вопросы, а потом сухо поставил в известность, что «само твоё присутствие здесь под большим вопросом». Лапу на всю прибыль за год наложил. Оставил меня на нуле, предоставив поддельные расписки об огромных долгах предприятия. «Обул» меня с помощью своего адвоката и, не в силах более выносить «торжественности» момента, противно пошутил: «Быть у воды и не напиться?» И добавил грозно: «Уноси ноги, а то ещё хуже будет. Понятие того, что допустимо, а что нет меняется со временем, как длина юбок у женщин. Орлеанскую деву Жанну д'Арк сожгли на костре только за то, что она позволила себе носить мужское платье». «Не за это! – возмутилась я. У меня даже скулы от досады свело. – Они испугались. Женщина сделала то, чего не смогли мужчины, вот и не захотели возвести на пьедестал, а дискредитировали и уничтожили».

Ты представляешь, я наладила ему производство, а он мне в душу наплевал! Я не теряла время даром, но мои старания не были вознаграждены. Вроде бы считалась башковитой, а не додумалась, как выскочить из ситуации без потерь.

Не сталкивалась раньше с махровой ложью, опыта в подобного рода делах не имела, всё думала о том, что прилично, а что нет. Только границы приличия и порядочности, как оказалось, за последние несколько лет сильно изменились. Чтобы осознать и оценить логику шефа, мне приходилось насильно ввинчивать в свои социалистические мозги новые истины и понятия. А он быстро смекнул, что пришла свобода ловчить, дурить простаков, обманывать компаньонов, понял, что для него облапошить порядочного человека труда большого не стоит. Торгашеский опыт помог ему быстро встроиться в новую систему отношений. И вот он – порождение жадного ума – стоял передо мной с ухмылкой дьявола, невозмутимо скрестив руки на груди, и с непробиваемым хладнокровием ненавязчиво напоминал, что нельзя путать божий дар с яичницей.

Хватил шеф в моём случае через край. Просто выгнал, по миру пустил, объяснив это прискорбное обстоятельство распадающимся производством, хотя мне было доподлинно известно, что он продал большую часть оборудования по поддельным документам своему родственнику. Покупатель, видите ли, хороший подвернулся. Влез в махинации, а мне ни гу-гу. Я сама это обнаружила, когда разгребала его хитроумные завалы. Ну и высветила ему этот факт. В работе я не терпела ни тайн, ни недомолвок. Я считала, что в экономике они недопустимы.

Поначалу я принуждала себя соблюдать долг вежливо-

сти и корректности. Говорила, мол, не делайте вид, что это неважно. А он не воспринимал моей повышенной тревожности. Иронизировал: «Приспичило попсиховать? Не бери на себя избыточной ответственности. Хочешь быть лидером? Гибкость теперь больше ценится». Он ложь и изворотливость гибкостью называл.

Потом, естественно, пошла на обострение отношений, строго, не по чину, но как специалист делала ему замечания, требовала урезать расходы, в пух и прах разбивая его аргументы, вправляла мозги, выговаривала, мол, подведёте под статью, объясняла, что в экономике и в бухгалтерии существуют чёткие границы дозволенного, что честные документы – альфа и омега порядка; мол, запомните раз и навсегда, что подобные фортели до добра не доводят. Как ребёнку, ей-богу, морали читала. За что и пострадала. Умные «дураки», как известно, в бою всегда впереди, и им не разминуться с пулей. Шеф поддакивал, соглашался со мной, говорил о полном примирении сторон, время тянул, а сам за моей спиной проворачивал и раскручивал в обход налогов, без кассовых чеков не всегда завершавшиеся успехом дела, а мне подсовывал липовые договоры. Он как-то быстро оброс сомнительными связями. А причина всему была простая – не хотел делиться. Нет, конечно, что-то мне подсказывало, что дело тут нечисто, но не верилось. Считала, что с хорошим специалистом не должны так поступать.

Я опять вывела шефа на чистую воду. Но он упрямо не

хотел меня слушать. Я грубить стала. Мол, если сами лезете с головой в яму с дерьмом, так за собой не тащите других, не вытягивайте их в свои грязные аферы. Вот тут-то и почувствовала, что в компании я не вполне своя и – что греха таить – испугалась увязнуть, сделаться пешкой в его игре, крайней. Посадят, а там поди разберись, кто прав, кто виноват. Если шеф погорит, то уж точно прихватит меня с собой, мы же с ним повязаны подписями на документах. Нельзя исключать и того, что испугалась за своё доброе имя, побоялась шумихи в СМИ. Мне же здесь жить. Кто-то из моих друзей сказал, что предпочтёт быть под властью чиновников, только не прессы. Мол, они кого хочешь угробят. И без того надо мной как ядовитое облако уже зависали сплетни, которые неумолимо быстро просачивались сквозь стены ближайших фирм. Женщина без мужа – самый незащищённый объект в смысле личной жизни. Шеф и этот метод использовал, чтобы избавиться от меня. Мол, слишком много требует за... свои услуги. Сволочь он поганая».

«Старый как мир приём: запачкать женщину и тем посадить её на крючок или испортить карьеру», – зло заметила я.

«Всё это не могло не взбесить. Меня душила обида: не хотелось уходить обманутой и оболганной. Но уже не прельщало продолжать работу в таких условиях. Мне стало мерещиться, будто кто-то, стоя чуть сзади, за спиной, говорит мне на ухо: «Беги, беги... » Где друзья, на которых можно положиться, те, что подпирают один другого, когда больше

всего нужны?.. Всегдашняя проблема, а теперь, во времена начала перестройки, в особенности. Не так уж много оказалось тех, на которых я смогла рассчитывать. А воображалось, что от желающих помочь будет не отбиться. А тут ещё дикость наших законов, только внешне дающих сладкое чувство надёжности. И зверское коварство налоговой системы, и вообще полная неразбериха во всём. Ты же знаешь...»

Я понимающе усмехнулась. А Алиса продолжала:

«Заметалась я, как тигрица в клетке. Не знала, за что хвататься. Совсем покой потеряла. Сбивчиво перескакивала с пятого на десятое, и так, и этак прикидывала – не получалось с выгодой уйти, не перепало мне от «щедрот» так называемого шефа. Ноги бы унести. Стала искать пути, чтобы хотя бы без потерь от него откреститься.

Помню, как в кабинете шефа резко вскочила, побелела, потом взорвалась, мол, не потерплю подобного, это неправомочное, непоправимое безрассудство, вы идёте вразнос! В отчёте у вас всё вкривь и вкось... Жгуче хотелось врезать ему по наглой роже. Молодой, бедовой была. Потом долго сидела молча, отчуждённо, пытаюсь равнодушно-сурово осмыслить происшедшее. И всё же решила уйти, предварительно подготовив себе документацию на случай преследований бывшего непорядочного начальника.

А его нетерпячка замучила. Дундук чёртов, тупарь, захваченный азартом. Хотел в одночасье разбогатеть, надеялся всех обскакать. Крыша у него поехала при виде пачек денег.

Уже и море ему стало по колено. Заманчиво было предположить что, не зная экономических законов развития производства, он скорее выйдет в дамки. Вообразил, что Бога за бороду ухватил, и это ставит его выше всех смертных. Глупец! Уверился, будто крутой, вот и получил по мозгам.

Я только диву давалась беспечности шефа. Он совсем не думал о последствиях своих действий. Я понимала, неймётся ему, радости, как говорят, полные штаны под завязку. Но от эйфории, как и от паники, тоже часто тонут. А он безоговорочно верил в свой талант предпринимателя и в силу денег: в случае чего – выручат, спасут. Ему не внушало тревогу мое волнение за его промахи.

Не стану недооценивать артистичности шефа: держался всегда красиво, уверенно. И этот его гипнотизирующий, недоступный, неуловимый, ускользающий взгляд тоже многого стоил на первых порах. Вот он и поверил во внезапно свалившееся на него счастье, в свой звездный час. Думал надолго взял быка за рога. Не предполагал, что обстановка самым недвусмысленным образом может выйти из-под контроля, если, до конца не разобравшись в сути, подмахивать финансовые документы, и что трюк, который не так давно недосыгаемо вознёс его над остальными, может так же быстро опустить его ниже уровня земли. Но такова бравада ловцов удачи».

«Ты тогда была ещё избыточно добрым человеком», – заметила я подруге.

«Я шефу позарез нужна была только для разбега, но вообразила, что пересеклись наши взаимные интересы. Такого вот партнёра подбросила мне судьба в начале моей предпринимательской деятельности. Жизнь учила и лишала «невинности»-наивности молотком по голове. Не с той карты пошла, промахнулась и проиграла. Помню, глупая, всю свою ярость вложила в наш последний с ним разговор. Мол, не отступлюсь, хотя знаю, что не во всяком человеке импульсу жестокой агрессии противостоит добро. А он смеялся мне в лицо. Потому что хищник.

Знакомый юрист, увидев меня, убитую горем, после того как я ему живописала свою историю, иронично пожурил меня и очень просто прокомментировал ситуацию: «Знаю, у тебя слова не расходятся с делом, но всё равно плакали твои денежки. Поверь мне на слово: теперь закон что загон. Как в старину говаривали? Закон что дышло, куда барин захотел, туда и вышло. Тебе бы раньше ко мне обратиться, а теперь твой поезд ушёл». Прямым текстом он объяснил мне, «что такое бизнес и с чем его едят». Втолковал дура наивной азы современной жизни. Да я и сама уже поняла, что доли в бизнесе моего нанимателя мне не видать. Отделаться от меня захотел начальничек и преуспел. Пришлось мне спешно и постыдно покидать офис под сочувствующие и утешающие взгляды персонала. Шла и в уме жестоко, на чём свет стоит костерила шефа. Не успела я сама уйти, как щенка молочного выбросил он меня на помойку. Вот так теперь воспитыва-

ется в людях достаточная внутренняя зрелость. Это раньше всё больше словами, уговорами... Мы же родились под другим небом.

После неудачи я некоторое время была сама не своя: присмирела, поутихла как-то. Горько было, обидно, стыдно. Вроде бы умной считалась, а подседа на лживые обещания дешёвого торгаша. Получается, обстоятельства оказались выше меня? Пути Господни неисповедимы? Пыталась себя оправдать. А бывший шеф ещё и досаждал, с колкой насмешкой подтрунивал при встрече, ломал передо мной комедию, притормаживая рядом со мной с демонстративной неистовой удалью свою шикарную серебристую иномарку с непроглядно-затемнёнными окнами. И небрежно так, с непристойным смешком ронял, что, мол, пришло время узнать тебе правду. «Мне не впервой обувать честных наивных дурочек. Верила? Я угораю! Заладила одно и то же: конструктивный подход, прогнозирование. А в бизнесе то пруха, то понос, то золотуха. Включи свои аналитические мозги, пересмотри свои социалистические взгляды, проведи сравнительный анализ. Ты же дотошная, въедливая, скрупулезная... Пеняй на себя, упрекнуть меня не в чем, я ничего не обещал, сама в охотку потрудилась на капиталистической ниве как при социализме, без навару... Или, если хочешь, – по глупости. А теперь сидишь как на иголках? Непреклонная, неповторимая! Прими предельно аргументированное, прозрачное решение – и скатертью дорога из бизнеса. На

кой хрен ты так искренне носилась со своими идеями? Вот и утрись ими! Утихомирься, мы квиты. Усекла? Эта наука проще пареной репы. Наше общение было прелестно и ни в какое сравнение не шло с тем, что я испытывал, получая барыши», – издевался он в открытую. Считал, что оба мы остались при своём. Уверовал, гадёныш, в свою наглую удачу, безнаказанность и прямо-таки крысиное чутьё. «Но дьявол тоже умеет смеяться над тем, кто продаёт ему свою душу», – со слезой думала я пристыженно. Досталось мне и на орехи, и на семечки. И как на грех ответить было нечем. Я даже не пыталась возражать. Представляешь, честность поставил мне в вину! Ну ладно бы безграмотный недосмотр или халатность меня подвели, а то ведь глупая совковая вера в порядочность!»

«Ты можешь кому-то нравиться своей напористостью и прямолинейностью, кому-то нет, но никто не скажет, что ты плохой специалист, – успокоила я Алису. – В своей профессии ты на двадцать метров вглубь видишь».

«В общем, нахлынула на меня минутная мерзкая, почти истеричная жалость к себе. Сотрясали рыдания, ноги подкашивались. Не в силах была совладать с отчаянием и обидой. Ведь иногда и себя хочется немного пожалеть, когда никто больше не сочувствует. Я думала: «Хотя бы малейший всплеск доброты или сожаления в его голосе! Хотя бы копеечная надежда на глубоко закопанную в недрах души порядочность!» Наши родители, крещённые огнём и голодом,

были покрепче духом».

Алиса закрыла глаза, словно хотела защититься от нахлынувших горьких воспоминаний, и плотно сжала безвольно расслабленные губы. Потом резко изогнула их в выразительную своенравную породистую линию и продолжила:

«И ведь не косвенно, не намёком, напрямую, вполне ясно дал понять, что я дура. Обидно. Я в глупых никогда не значилась. Ох уж этот мне обезоруживающий цинизм! Перебарщивал шеф, упивался моей бедой. Убила бы гада! «Откуда берутся такие гниды?» – бесилась я. Обычно мало что на работе могло вывести меня из себя. Только ведь сама виновата, необдуманно в пекло полезла, что же теперь плакаться и вскипать горячим гневом? Что-то и я получила от этого фарса. Горький урок прежде всего. Иногда он бывает дороже любых денег. Ты, наверное, считала, что я буду вспоминать свои прошлые ошибки с известной долей иронии? Не получается. Душа-то нежная, чувствительная, женская. Ты не находишь? – Алиса грустно усмехнулась. – Конечно, я тогда уже понимала, что, к сожалению, в нынешней жизни, руководствуясь только честностью и порядочностью, человек остается в минусах, действует себе во вред. Не надо подличать, но хитрить и быть настороже не возбраняется. Есть какие-то там допуски, припуски, которые можно себе позволять. И чиновники наталкивали на эту мысль, с лёгкостью и большой охотой принимая подношения. «Но должны же всё-таки существовать допустимые границы!» – злилась я,

не желая мириться «с неизбежностью» законов современно-го реального, теперь уже капиталистического мира.

К слову сказать, этот мой наниматель ещё некоторое время продержался на плаву, а потом глупо всё просадил. Как в нашей среде говорят: размахнулся, да промахнулся. И како-во же было его изумление, когда налоговая отозвала лицен-зию. Он обанкротился и настолько подорвался в материаль-ном отношении, что не смог больше всплыть. Ничем хоро-шим не обернулись его наглость и некомпетентность. Наде-ялся изловчиться, вывернуться. Не вышло. Знаний не хвати-ло. Чего больше всего хотел, тем и захлебнулся. Думал, мне до него как до звезды. И где теперь его самоуверенная хвале-ная удача? Всё-таки есть Бог. Встретила как-то своего быв-шего нанимателя, с трудом признала. Шёл какой-то опущен-ный, обтрёпанный, глаз от земли не отрывал. Может, поум-нел с тех пор? А я ещё долго и мучительно искала свой соб-ственный путь. Страх и неуверенность гнездились в душе».

«Рузвельт в свое время утверждал, что единственное, чего нам следует бояться, так это страха», – вылезла я со своим замечанием.

«Стоит отметить, что после краха предприятия мнение моего бывшего нанимателя обо мне претерпело столь же глубокое изменение, как и моё о нём. Вдобавок ко всему мне небезынтересно было узнать, что когда он чуть-чуть очухался от неожиданного провала, то «вентилировал поч-ву» на предмет моего настроения и даже предпринял сла-

бую попытку подбить меня ещё на один проект. Мол, нам стоит произвести перезагрузку наших отношений. Помыслы мои были совершенно чисты и безобидны. Я добросовестно пытался создать что-то особенное, из ряда вон выходящее. Ну, получилось чуть хуже, чем хотелось, но то были в высшей степени досадные обстоятельства. Этому немало способствовал тот факт, что вы ушли от меня. Но всё это мелочи жизни... «Не прельститесь ли моими новыми идеями?» – бодро предложил он мне без малейшей тени смущения. Щеки продолжал надувать. Но ситуация изменилась, и его поведение выглядело комичным. «С чего это он снова хвост павлином распустил?» – удивилась я, уже всерьёз не принимая его в расчёт. Как говорится, провинившегося по головке гладить – себе гадить. Я не стала делать вид, будто не заметила его «невинной» хитрости и открыто безжалостно врезала ему. «Вы же считали меня не заслуживающей вашего внимания, а дружба хороша только среди равных», – ответила я с ледяной ехидной улыбкой, придавая голосу соответствующую интонацию, и рассмеялась, сделав пренебрежительный жест рукой: точно смахнула его в придорожную пыль. А потом, не моргнув глазом, рубанула со всем своим «умиляющим» простодушием, потому что не получилось у меня простить ему моё унижение: «Прочисть мозги. Цена твоим идеям – копейка в базарный день. Ты для меня слишком мелкая сошка».

А сама подумала: «Попользовался и угомонись. Хватит

распоряжаться чужой судьбой! Легковерной дурочки больше нет. Ничего больше не удастся тебе из меня выжать». Не премину заметить: его лицо вытянулось от злости. Можно подумать, не ожидал отказа. И всё же он взял себя в руки и отшутился, правда, весьма скованно и своеобразно: «И что же во мне вам не приглянулось? Понимаю, прошлые обстоятельства мало способствуют нашему дуэту. Вполне разумно рассуждая, сознаюсь, что напрасно вбил себе в голову надежду осчастливить вас и теперь предусмотрительно оставляю её».

«Что за двусмысленные намеки? – изумилась я. – Это ты-то хотел меня осчастливить?! Ну никак не может мужчина уйти побеждённым! Хотя на лживых уверениях, да вознесется перед женщиной, теща своё оскорблённое самолюбие!»

Теперь он опять где-то что-то покупает задёшево и пытается продать втридорога. Как я могу прокомментировать этот случай? «Кто сеет ветер, тот пожинает бурю», – с некоторым стервозным удовольствием думала я тогда. Было бы преувеличением сказать, что я стопроцентно обрадовалась его неудаче. Людей жалко, они рабочих мест лишились. Когда сколотила небольшой капиталец, некоторых взяла к себе, но у меня тоже не благотворительное заведение. Мне лучшие из них потребовались.

Среди наших общих знакомых, за исключением моей дочери, ты единственный человек, который знает этот постыдный факт начала моей предпринимательской карьеры».

– Таковую вот исповедь я услышала от своей подруги десять лет назад. Это уже история, – грустно сказала Инна и продолжила рассказывать о мытарствах Алисы уже на путях создания собственного предприятия.

– Времени на раздумья и сомнения у Алисы было не так уж много, да и не привыкла она ждать у моря погоды. Огляделась немного, восстановила прошлые связи и снова в бой, по ходу дела продумывая и просчитывая очередной шаг в сложной и жестокой игре, называемой бизнесом. В партнеры ни друзей, ни родственников не брала и мужчинам больше не доверяла. На пушечный выстрел не подпускала их к своему «детищу». Все делала сама, и свои идеи предпочитала держать при себе. От всех предложений уходила скромно, без вызова: «Поживём – увидим». Одна рогом упиралась. Отвечала за всё только своей головой. Успехи превзошли ожидания: через год она получила аккредитацию и лицензию. Теперь процветает.

Алиса сама себе дорогу пробилла, сама правит бал и в этой ипостаси достигла изрядных высот. Меня до сих поражает исчерпывающая точность её прогнозов на перспективу не только собственного бизнеса, но и всей отрасли, в которой она работала. Смеялась, что совковый менталитет не всё в ней задавил. Она не суетится, в опасные игры не играет, денег ни у кого не занимает. Боится, чтобы подло, намеренно не обанкротили и не поставили на счётчик. Сколько таких

случаев вокруг! Остерегается всё ещё штормящей действительности, хотя прав и защиты у предпринимателей теперь не в пример стало больше. Нет особой надобности подчёркивать, что отличается чрезвычайной умеренностью запросов, осторожная, потому что слишком много шишек набил, пока добилась стабильности своего предприятия. Шутит: «Хоть Бог хранит простаков и жалеет дураков, но слепо надеяться на это не стоит. Пятящимся и ежеминутно опрокидываемым и Господь не успевает подстилать соломку».

Алиса как-то рассказывала мне: «В моих бедах просматриваются социальные мотивы. Загнали, буквально затолкали проблемы в нищету».

– А твой принцип жизни: не отодвигать их в сторону, а взваливать на себя», – заметила я.

– Для организации бизнеса потребовалась мне сумма, невысказанно большая по тем временам. Для получения ссуды пришлось прибегнуть к услугам чиновников. Я-то и раньше о них слышала нелестное: будто бы все беды идут от них и что львиная доля прибыли предпринимателей прилипает к их рукам. Их алчность, продажность, нежелание ничего менять, пассивность, поиск лёгких путей – вечные враги любой личной инициативы. Ещё будто бы они всегда дают понять, как сильны, что в сговоре с судами и милицией. Но при Советах они боялись воровать по-крупному и до нитки инициативных людей не обирали».

«С чиновниками заводиться – дохлый номер. Себе в убыток», – согласилась я.

«Едва-едва я наскребла кое-какие деньжата и загорелось мне поскорее фирму зарегистрировать. «ООО», сама понимаешь. Я не имела ни малейшего представления о том, как общаться с чиновниками. Чего только со мной не выделявали эти наши «пастухи» – гнилая лицемерная элита, думающая только о себе, – пока я обивала пороги их кабинетов! Какие только препятствия не ставила, какие препоны не чинила мне их орда! Обложили со всех сторон. Идёшь, бывало, трясешься: а ну как опять откажут!»

«Я технарь, и для меня элита – не чиновники, не гламурные артисты, а наши великие ученые», – подчеркнула я свое согласие с подругой.

«Простой народ понимала, профессоров тоже, а вот чиновников – не получалось. Стоит им занять кресло, как они тут же забывают, что не мы для них, а они для нас существуют. Они считают не только возможным, но и необходимым душить всякого, кто просто выражается не так, как им хочется, и это даже при условии, что суть произносимого их вполне устраивает. А если не устраивает, они ищут в твоих словах такой подтекст, который ты и вообразить себе не можешь. Они мыслят другими, непонятными и неприемлемыми для нас категориями. И фразы говорят какие-то округлые, скользкие: есть мнение, есть видение, есть понимание...

У них там все вежливо, чинно, любезно. Прекрасно встре-

чают, прекрасно провожают, но ничем не помогают. Обещания иного слушаешь – ну прямо пир души. Соловьём заливаются. Отлично симулируют добродетель. И это данность. Поначалу безоговорочно веришь всему, что говорят. Но толку нет. Потом начинаешь приглядываться, соображать. У кого выражение святости в лице, у кого завышенное чувство собственного достоинства просматривается. Таким надо непременно окоротить посетителя надменным взглядом, продолжительным молчанием или мерным постукиванием карандаша по столу. Это тебя сразу настраивает по-иному: превращает в трусливого просителя.

«Изысканная», капризная публика. Помню одну особу. Раньше была директором школы, где училась моя дочь. Хотя она рядилась под порядочную, мы уже тогда понимали, что она блатная, из бывшей партийной элиты. Видно, потеснили её наверху и временно спустили в нашу школу, где она и пересиживала трудные времена, выжидая лучшего места. И дождалась. В своё время она горячо кляла коррумпированность, а сама стала самой жесткой из всех встреченных мной женщин-чиновниц. Сполна проявила свой непотребный характер. Максимально торговала возможностями, данными ей новой властью, давила поборами, требовала улещивать подарками, очевидно считая их неотъемлемой частью своих доходов. Понятное дело, не одну тысячу положила в свой карман. Настаивала на оскорбляющем просителей чиновочитании. Чувствовала себя на своём месте. Наконец-то

нашла себя! Но с чего она такая борзая?

Выслушала меня с холодным любопытством, посмотрела долгим презрительным взглядом и надменно отфутболила, поняв, что я бедна как церковная мышь. Ты бы видела убогость её лица, говорящую об отсутствии интеллекта. Одна хищная наглость, высокомерие и превосходство, навеянное должностью. Тогда у меня ещё не было чувства страха перед начальниками, потому что не знала об их подлой мстительности. А подобострастием я и сейчас не отличаюсь. Может, поэтому достаточно спокойно, даже с долей юмора перенесла эту первую встречу.

Я всегда с некоторым подозрением относилась к людям, которые слишком уж точно совпадают с ориентирами своего времени. Я не имею в виду наш социализм, о переходном периоде говорю. Мне кажется, что они становятся такими, перечеркнув своё прошлое, отказавшись от всего, что с ним было связано и хорошего, и плохого. Внешне они полностью отмежевываются от него, что не делает им чести, а на самом деле просто перекрашиваются, оставив своё пакостное нутро прежним. А дальше дело техники: варьируют своими знаниями в угоду новому времени, новой ситуации в стране, суждения меняют как перчатки, льстят, это уж как водится, и нашим, и вашим. И, естественно, сходят за своих. На полную катушку используют старые связи, которые вдруг становятся новыми. У них это как «умение внашивать в любую обувь». Хаос в стране, мутная водичка – это и есть их родная

среда. Не чиновники, крепкие профессиональные эксперты должны нами командовать».

«Поставила клеймо на всей чиновничьей братии и яркий ярлык повесила, мол, будьте бдительны: эти люди – совершенно особая статья. И никаких на этот счёт иллюзий? – фыркнула я неодобрительно. – И всё же ты связывала с ними определённые надежды. Думала: а вдруг помогут?»

«Коммунисты – молодцы, даже перекрасившись, своих верноподданных холуев, «делающих под козырёк», не бросают. Хорошо отлаженная десятилетиями система. Неустрашимы, потому что неуловимы, или крепки круговой порукой? Есть ли у них совесть? Смешно поднимать этот вопрос. Обмелевшие, остывшие души, усохшие от постоянной коварной подковёрной борьбы за портфели и кресла, не могут понять страждущих, им подавай «заслуженное»... С гнильцой народец».

«Подпорченные, с душком, – поддакнула я. – Но не сломать им хребет. Живучи, как вирусы. Жестоко борются за своё место под солнцем. Амбициозны, деспотичны. Постоянно мутируют».

«А у некоторых чиновников слышится этакая стервозная ласковость в густом вальяжном баритоне. Мол, тут такое дело... надо бы... а как же без этого... при этом, заметьте, я вам советую... предупреждаю... Их не мучают размышления на предмет удобно-неудобно, страшно-нестрашно, ни на мгновение не омрачит их ум совесть. Тот, кто начи-

нает ласковостью, заканчивает властью над тобой. Мнимой заботой будто бы оказывает тебе услугу и тут же командовать начинает. Знала я таких умников. Деньгами их оскорбить невозможно. Помню, стою перед одним, ног под собой не чувствую, ватными стали. И чего тряслась? Пытаюсь честно следовать голосу совести, но хитрые переплетения его слов заставляют пугаться, трепетать. Меня заклинивает, и я отвечаю зомбированно и коленопреклоненно, украдкой поглядывая из-под полуприкрытых ресниц: «О чём речь, конечно, пожалуйста». Он бесстрастно выслушивает и кивает, мол, идите с миром. А сам искоса остро всматривается в моё лицо и оставляет в «счастливом неведении».

Тем не менее я почему-то ухожу от него полная надежд, хотя и «поджав от волнения хвост». А ведь если рассудить, что моя зарплата по сравнению с его запросами? Слёзы, а не деньги. Иду и думаю: «Должен же замолвить словечко перед тем, кто выше стоит, к кому мне, бедолаге, как до Луны самой не добраться. Мы – старшее поколение – привыкли верить на слово. Нас учили профессора советской выделки.

Но что удивительно: время шло, а дело с места не сдвигалось – хоть расшибись об эту стену. Одна говорильня и пустая чиновничья круговерть. Зачем тогда было мурожить понапрасну? Конечно, и там, наверху, человек человеку – рознь. Всякие встречались, особенно среди женщин, с их накрашенными губами, искривленными презрительными улыбочками: и гниды, и такие, что ничего ещё, просто прибед-

нялись, хитрили, хотя всё ясно было – белыми нитками шито. И вспомнилось мне тогда смешное замечание моего друга о чиновниках – ему довелось попасть на завод, где управленцев было больше, чем рабочих, – о том, что они – «чудесный пример размножения людей неполовым путём». Они там все перегрызлись, подглядывая друг за другом и стремясь доказать свою значимость в работе, используя основной лозунг: «Знание – сила, особенно если знать кое-что плохое о ком нужно».

Дали мне чиновники прикурить. Запомнила я эту эпопею на всю оставшуюся жизнь. Самое главное, вели себя так, что можно подумать, будто и солнце без них уже не всходит! За каждую бумажку, за каждую подпись требовали платить. Но откуда у меня деньги, если я только начинала разворачиваться? А у них рука руку моет. Обдирали просителей без зазрения совести. На всех этажах начальственной лестницы у чиновников парализована чувствительность. С ними по-свойски каши не сварить. Понимали, что, обращаясь к ним с просьбой, ты посвящаешь их в свою личную информацию и уже тем попадаешь им в зависимость. «Они по-братски только чужое готовое делить согласны. О какой тут помощи можно мечтать или о судьбе страны думать!.. И так у нас во все века было, – думала я обреченно. – Но при Советах явно меньше».

Многие из тех, с кем я начинала, не выдержали, бросили «хождения по мукам», мол, «выходит, не на себя горбатить-

ся приходится, а на дядю Ваню, да еще впустую. А раз нет ходу без взятки, так проще влачить нищенское существование, отсиживаться дома. Зато ни клят, ни мят и голова ничем не забита. Ради чего на ушах стоять? Нам из-за их потребностей последние зубы на полку класть? Они-то в работе не переломятся. Обрыдло всё. Хватит им глаза мозолить, радовать своей беспомощностью. Их, этих нахлебников, на одного с сошкой семеро с ложкой. Нам хоть удавись, но плати. Всё равно чиновники считают, что все мы далеко не таланты и мерзавцы. Думают, мы на седьмом небе от счастья, получая из их рук скудные подачки из государственной казны. А может, дело не в силе их натиска, а в том, что нет им должного сопротивления? Интеллигентничаем, вот и вырастает их эгоизм над нуждой и страданием народа. Для них страна и люди становятся своей вотчиной, частью их собственного «я».

Теперь-то я понимаю, что истребить эту прослойку нельзя, можно только уменьшить, как-то ограничить её непомерные желания. Всегда охотники на лёгкие деньги находятся... Но деваться мне было уже некуда, я всерьёз запряглась. Боялась, что если остановится моё дело, тогда хоть в петлю лезь. Пришлось «расшевелить и смягчить» холодные, равнодушные, ленивые и скупые души только одним им и мне известным методом... опуская долу глаза, с блёстками гнева и ненависти.

Но один раз не выдержала. Задел меня чиновник за жи-

вое, старикашка чёртов, оскорбил этак подленько и гаденько. Такому не мешало бы уже подумать о мире ином, а ему каверзничать приспичило. Сначала даже не удостоил меня кивком головы, явно давая понять, на какой ступени он и где я. Но я хороший специалист и привыкла к уважению. Потом он ещё учить меня взялся после беглого знакомства с моей просьбой: «Тут смотря как дело повести. Принимая во внимание, что промахи неизбежны в каждом деле... это будет вам помехой...» А в жестах просматривалась недосказанность», – рассказывала мне Алиса, уморительно копируя осторожные, но узнаваемые движения рук и старческое шамканье. – Нет, ты представляешь, из ерунды, прямо из ничего на глазах слепил мой отрицательный образ! А сам, чувствую, ни сном ни рылом в экономике; так, общие слова ещё из работ Маркса и Энгельса без учёта конкретной обстановки в нашей стране мне преподносил. Неприятно меня покоробили его слова, но я опять стерпела по свойству своей доброй оптимистичной натуры, подавила в себе негативные чувства и ответила ему мягко и ненавязчиво: «Это, положим, не довод, и не стоит относиться к моим идеям с обидным недоверием, потому что я имею не только понятие, но и опыт, и знаю, что моё время не ушло. Я не сомневаюсь в успехе. Когда человек убеждён, он всё осилит. Ведь так нас всегда учили? Всем сейчас приходится разрываться, но я умею совмещать в себе и бухгалтера, и директора. Я экономист и разбираюсь в решающих и основополагающих моментах затевае-

мого мной бизнеса, умею выстраивать мосты между клиентами – при социализме в договорной системе трудилась, – никогда не довожу отношения до конфликта, зная по горькому опыту друзей, чем кончаются иски в суде», – говорила я, идиотка, всё больше воодушевляясь. Я считала почву уже достаточно подготовленной.

Понимаешь, нам легко отождествлять себя с теми, кто наверху, а им представить себя на нашем месте куда сложнее. Вот и не находим общего языка.

«А может, наоборот?» – усмехнулась я, не сумев представить себя в роли чиновника.

«Чиновник слушал внимательно. Ну, думаю, это хороший знак, на этот раз мы смотрим на вещи одинаково, вот-вот вслед моим словам грянет положительный ответ. Умно ведь всё обосновала, даже процитировала недавно «сверху» спущенный указ о поддержке предпринимательства, эрудицию проявила. Посчитала, что восхитит его моя осведомлённость, невольно зауважает. Не зря же перед походом к нему как студентка засела за конспекты и газеты. Загодя готовилась, чтобы не попасть впросак. Корячилась, красноречием блистала перед гадом, надеялась, что оценит. Но в азарте не заметила насмешки в его тусклых глазах и скептически искривленного рта. Дубина стоеросовая. А ему, если можно так выразиться, моя опытность не пришлась по нраву, задела его самолюбие, костью поперёк горла встала. На деловую непредсказуемую бабёнку, да ещё юридически подкованную

нарвался, какую голыми руками не взять. Понадеялся, что дилетантка, а учить-то меня, оказалось, нечему. Коту под хвост теперь его непререкаемый авторитет. Ясное дело, не пристало ему с его-то опытом попадать в подобные ситуации.

Смотрю, чиновника неприятно передернуло, потупился, сразу не нашёлся что ответить. Лицо сделалось ещё суше, суровее. Сидит, не мычит, не телится. Поскучнел как-то. Чувствую, погрузился в думу и никак не может оттуда вынырнуть. Что-то меня во всем этом насторожило, но я не реагирую, терпеливо жду его «приговора». И тут старикашка сменил презрительно-унижающее выражение лица на невыносимо-обжигающее, злое, потом – на каменно-беспощадное. Сидит точно памятник мифическому повелителю мёртвых. Похоже, обнаглевший от безнаказанности, сладко вообразил себя Голиафом. Ну, думаю, такой за милую душу проглотит. Опять потянулись минуты тяжёлой паузы. Я чуть не застонала от нетерпения. Совсем невоготу мне стало. Чувствую, я на грани. Ещё минута – и я рухну. Долгое молчание меня очень обеспокоило.

«Держу пари, не посмеет отказать», – больше себе в утешение подумала я.

И вдруг злая улыбка перекривила его бледные синеватые губы и маленький подбородок приподнялся уверенно и надменно. «Ну – решила я, – убить не убьёт, а нагадит крепко». И он зло этак прошипел: «Не по чину себя ведёшь. Надеюсь, на телеса твои клюну?» «Уйди», – прибавил несколько

тише, но ещё более ядовито и так повелительно, что я мгновенно повиновалась.

И конечно... накося, выкуси... Ему я была неминуемо обязана окончательным провалом. И ничто больше не оскорбляло немедленно воцарившейся тишины. Долго соображал, но придумал-таки чем меня унижить и найти повод для категоричного отказа. «Я перед ним на цырлах стояла, а он и не помышлял помочь мне! – психовала я потом, пытаюсь утолить восплавленное желание мучительной мести. – Я его интеллектом, а он – гнида! подонок! – оскорбить меня решил гадким намёком, будто я готова была с ним, со старикашкой, в постель лечь! Я научу тебя свободу любить! Ты у меня, зараза, ещё попляшешь на горячих угольках! В мою честь будет играть музыка! – распалялась я обидами, как сухим хворостом, швыряя свой многострадальный портфель с документами то на стол, то на диван, а то и об стену. – Думаешь, я безгласная! Если захочу, я то же самое над тобой смогу проделать. Ты у меня как ужаленный подскочишь!» В пространство кричала...

А на самом же деле всё внутри меня гулко опустилось, опало. И в пустой душе будто собака завывала горько и безнадежно. Я была в плену страданий. От всех проблем хотелось нырнуть в тихий тёмный уголок или даже запить. Откуда в нас это физиологическое чувство раба? Как избавиться от униженного почитания власти, от страха перед ней? – сдерживая совсем уж грустные нотки, прорывающиеся в го-

лосе, жаловалась мне Алиса. – И поделом мне. Не нарывайся. Чиновники воспринимают и усваивают только информацию, подслащенную комплиментами, любят, чтобы им поддакивали. Тогда они слушают и млеют. Даже простой народ не против, чтобы ему тёплую лапшичку на уши навешивали.

А следующий оратор на меня стал. Нравилось, видно, покрикивать да командовать. Взглядом прожигал насквозь. Думал, я из страха перед его чином вынуждена буду помалкивать в тряпочку и всё исполнять. Я могу уважать за ум, за руки золотые, но не за кресло, добытое по блату. Напряг он меня. Ох и дорвалась я! В надлежащем порядке выдала ему всё, что о нём думала, выплеснула в его наглую рожу всё, что накопилось во мне, пока бесполезно блуждала по коридорам власти. Дала волю нервам... Чёрт дернул меня высказываться! Вне всякого сомнения, благоразумие подсказывало не задираться, притихнуть в присутствии чиновника. У нас даже шутка тогда между предпринимателями появилась: «Человек – хозяин своего молчания». А я сорвалась, как бешеная колотила руками по столу. Ну и чего добилась? А, да бог с ним: сгорела хата, гори сарай! Так в моем детстве говорили», – с трагическим надрывом закончила Алиса.

«Я бы ещё в рыло заехала», – успокоила я подругу.

«Знаю, отстаивая свою точку зрения, ты могла бы... Вот и я вознамерилась справедливость восстанавливать! Ясно как день, что глупо себя повела. Ему же от меня ничего, кроме денег, не надо было. Но так вдруг захотелось порядочности!

А она всякий раз ускользала... как сквозь пальцы. Смотрю, глаза у чиновника сделались бешеные. Чувствую, пора лить. Не слишком я огорчилась, знала исход. Долго учили меня «жизни». Не я одна оказалась такой по-советски непонятливой. Повальное тупо-умие было и неосведомленность. Мы привыкли, чтобы всё в нашей жизни было расписано до мелочей. Поучительная история. Но ведь обидно, время упускала.

Вспоминается мне нервно ропщущая толпа людей, оказавшихся в длинном перечне лиц, не попавших к кормушке, – я ни в коей мере их не осуждаю, даже сочувствую, – тревожным диким табуном рванула она в приёмную, где их и перехватили... Некоторые, которые поумней или предупрежденные осторожными друзьями, миновали скандала, отхлынув в боковую дверь. Мне тогда невероятно повезло остаться на месте... Всякое было. Душу мне чиновники вывернули наизнанку. Только и помню пренебрежительную жестикуляцию их рук, то и дело отсылающих всех куда-то вверх, поверх голов. На таких кулак сам лезет. Тому отстегни, другому... Одни траты. Теперь я их не боюсь, потому что ничего от них не жду.

«С гоголевских времен ничего не изменилось в России», – беззаботно-невозмутимо прокомментировала я слова подруги.

«И все же я в основном считаю причиной моих бед в бизнесе не систему власти, а личные качества некоторых, встре-

чающихся на моём пути людей, их гнусную природу. И при социализме такие вот перекрывали кислород, требуя мзду или твою неприкосновенную плоть. Они тоже могли отторгнуть, отхватить что-то уж совсем никаким боком им не принадлежащее. Но денежные ставки были меньше, боялись. А теперь беспредел.

В общем, не дали мне чиновники ни копейки и тем обрekli на самостоятельное выживание. Да и надоело мне становиться в строй просителей по денежному ранжиру. Сама справилась. Ты же знаешь, я та ещё штучка. Многие боялись мне пальцы в рот класть. Недаром мужчины шутили: «Где чёрт не сможет, там женщина управится». Это теперь законы появились, государство ошутимее помогать стало. Но я всё равно больше никуда не суюсь с протянутой рукой. Бог с ними, я не блатная и откаты никому не хочу делать».

«Ты определись с терминами «не хочу» и «не могу». Наведи между ними порядок», – пошутила я.

Но Алиса продолжила серьёзно:

«В те трудные времена начала перестройки многое в человеческой натуре, едва различимое ранее, стало чётко проявляться, становиться более выпуклым, рельефным. И плохое, и хорошее тоже. Долго чиновники и разного рода начальнички в мутной воде ловили рыбку, пока в стране наводился порядок. Да и теперь ещё достаточно любителей содрать чужую шкуру на свой полушубок. Всех не переловишь. Из давних лет тянется эта верёвочка. Особенно если

городок небольшой. А всё это

безобразие ложится на плечи простого народа.

Дочка, бывало, увидит, как я убиваюсь, жалеть меня начинает: «Ну что ты, мама, надо не надо трепыхаешься, как воробышек? Стоит ли брать в расчёт такие мелочи? Всё образуется, обойдётся. Береги себя. Тебе обязательно надо самой всюду поспевать? Может, я чем смогу помочь?» Боялась без меня остаться, студенткой тогда была. Конечно, вовремя и к месту оказанное содействие никому бы не помешало, но я не сидела у власти на коленях и помощи ни от кого не ждала. Совковая наивность – моя ахиллесова пята, но осторожность – мой внутренний редактор по жизни: надеюсь на лучшее, а готовлюсь к худшему. Меня один из бывших друзей детства предупредил в самом начале моего пути: «Если собираешься хоть чуть-чуть возвыситься над массами – готовься к большим проблемам. Иначе в нашем деле нельзя. В этом есть свой резон». И я его совет учитывала.

Бизнес мой набирал обороты, поднимался на новый непоставимый уровень. Но, как выяснилось, нельзя долго оставаться независимой и успешной одиночкой. Конкуренты не позволят. И зависть не забывает творить своё чёрное дело. К тому же откуда-то набежало слишком много желающих на халяву прибрать к рукам моё маленькое отлаженное производство со всеми его потрохами. Все, кому не лень – нашествие бандитов! – кинулись на беззащитную женщину. Слов-

но из-под земли вырастали молодые подонки. Только голову начинаю поднимать, а они тут как тут. Некоторые вкрадчиво прозрачно намекали на якобы объединение, другие откровенно угрожали. Как выйти из щекотливого положения? Сначала я не сочла правильным откликаться на их предложения, отмалчивалась, как глупая старушка непонимающе хлопала глазами. А в голове крутилось: «Фиг вам, так вот сразу и побегу, спешу и падаю! Вода и масло не соединимы». Но как ни крути – стычек не удавалось избегать. Опутали, обвили меня, как опоясывающий лишай. Долго кошмарили. Такая вот недоля.

А тут ещё бывшие спортсмены ринулись со всех сторон предлагать свои высокооплачиваемые услуги, милиция вязалась. И мне ничего не оставалось, как постоянно держать ухо востро. Я всех осторожно отшивала. Иначе оглянуться не успеешь – вмиг всё растащат по кусочкам за милую душу. Своих неприятностей я сроду ни на кого не вешала, и чужие мне не нужны. А меня «грузили» по полной программе. Человек я в основе своей излишне лирический – есть такой недостаток, признаю за собой, – но чтобы позволять чужим нос в свои дела совать – ни-ни!

Я не торгаш, и все же «крыши» избежать не удалось. Не убереглась, подстерёг меня тут один и присосался по-тихому. Не бог весть какой умный, но хитрый, и рожа для поборов самая что ни на есть подходящая. Взгляд ледяной, подавляющий. Сидит в кресле надутый, чванливый, мститель-

но гоняет желваки. Я, когда первый раз гадкая судьба свела нас, в страхе застыла. Показалось, будто из-под земли передо мной монстр вырос. От него веяло мертвечиной. Самодовольный, не сворачиваемый в сторону, гордый своей уверенностью. Ненавижу таких!

«Это сколько же надо пережить и перетерпеть, чтобы сказать такие слова!» – подумала я тогда об Алисе.

Отчего же не иметь сомнений, если в карманах... оружие. Совесть бессильна, власть бессовестна. Бандита нельзя представить в затруднительном положении. Он кого угодно легко уничтожит и переварит всякого, кто попытается помешать ему положить ноги на чужой стол. Такой и должок не простит, и отсрочки платежа не даст. Такому вынь да положь – хоть тресни. Каждый месяц на огромном джипе с охранником объезжал «должников» по всему городу, а может, и по области. Чиновник, по телевизору его часто показывают. На угрюмом лице печать собственной значимости».

«Небось при своём начальстве на нём выражение, будто на одну зарплату живёт?» – рассмеялась я.

«Заломил неслыханную, грабительскую сумму за свои «услуги». «Ну, думаю, этот своего не упустит, не миновать разборки: пришлёт бандюков. Выпотрошит этот мордovorot за милую душу, раздолбает мой бизнес. Его не колышет, что я женщина, что из последних сил рвусь. Слезы не возымеют на него реального действия. Нет чтобы проявить благородство по отношению к слабому полу. И рядом оно с ним

не ночевало! С этим у него глухо. И всё же подумала: «А вдруг пронесёт?» И ещё одна мысль мелькнула: «Неужели не найдётся смельчак по его душу?» Попыталась договориться. Долго держалась. Признаться, струхнула один только раз и сразу на его крючок подседа, когда поняла, что разговоры реально грозят перейти в действия.

Увидела перестрелку совсем близко, подробно, зрелищно. Сама оказалась стиснутой со всех четырёх сторон. Может, это было нечто незапланированное, но только страшно мне стало, чуть ли... не того... в штанишки... Все надеялась, что до меня, ни в чём неповинной, не доберётся устрашающий миг чужого воздаяния – и такой, оказывается, бывает. Но не минул меня этот страшный рок. Увы и ох! Вот где они у меня, эти неожиданные параллели страха и бизнеса. Изогнулись и сошлись в точку. И, как говорят у нас в деревне, настало время молитвы. Помню, ну и денёк выдался! «Всё, – подумала – часы мои сочтены, не выдержу проверки на прочность». Душа точно в пятки опустилась. Повалилась я на пол, зашлась слезами. Орала как оглашенная, совершенно не осознавая своего поведения. Оплакивала и одновременно проклинала тот час, когда взялась за бизнес. Никогда такого искреннего, глобального ужаса не приходилось переживать. Это был уже не кулуарный трёп или немые крики души, не грошовой дамские переживания. Не сыскать человека, который встретил бы подобное спокойно... «Зря понадеялась на свои силы, – решила я. – Что же я никак не могу

выйти из прошлого и постоянно попадаюсь на совковых иллюзиях! Брошу всё к чертовой матери и буду в мире с самой собой и со всей вселенной». О эта подлая минута страха!..»

У каждого, наверное, в сердце есть боль, которую не стоит показывать. Я осталась жива благодаря – прости, Господи, мою душу грешную! – смерти случайного человека. Вот ведь говорят: не запрашивай у Бога лишнего... (А может, всё-таки он был целью бандитов?) Я сама собиралась кинуться убежать по этому переулку, но почему-то остановилась как вкопанная. Какая сила отвела меня от смерти? Но видеть того, кто ни за что, по чистой случайности положил свою жизнь... Ужасное зрелище... Что произошло в следующий момент, не поддаётся никакому описанию... Цепкая темнота. В момент вспышки вижу: руки-ноги разбросаны по кустам, что росли вдоль асфальта рядом с моим офисом. Даже кубики металлических гаражей зашатались. «Раздобревшие» от бронезилетов, не снимающие пальцев со пусковых крючков чёрные, как ночные тени, сгорбленные фигуры... Мысли и чувства мои были похожи на бушующее море. Волны страха в груди набегали, сталкивались, закипали и пенились, но не гасили друг друга. Вот тут-то я и поняла фразу: «В такой ситуации каждый за себя». Из всех событий того дня я не могла выделить ни одного часа, где логический ход вещей был бы мне до конца ясен.

Додалил чиновник меня этой «картиной маслом», сдалась я. Удалась ему, сволоте, «невинная шалость»... Прости, про-

сти Инна. Это не то, что можно обсуждать без сердечной боли...»

Алиса стиснула ладонями виски и неподвижно замерла минуты на три.

«А он, гад, потом при очередной встрече в его кабинете, не в силах до конца скрыть своё торжество, старательно сгоял с лица недоразвившуюся улыбочку, прятал глаза и умело проводил отвлекающий момент, уводя разговор в нужную ему сторону. Мол, «лучше я один, чем милиция со всей её вертикалью власти и субординацией. Знаете, сколько их нанижется, как бусы на леску-удавку? Вы своё выполняйте, а остальное предоставьте мне. (Что остальное?) Я предельно ясно выразился?» Таков мне был дан совет. Потом в виде «дружеского» назидания погрозил мне пальцем и сказал: «Не смею задерживать». А сам с мстительным удовольствием наблюдал за моим преобразившимся лицом. Ему очень нравилось потешаться над чужим страхом. Я подарила ему уникальную возможность познакомиться с его женским вариантом. Наверное, по его шкале развлечений это был высший пилотаж.

...И вдруг под каким-то благовидным предлогом вошел его начальник. Голос и манеры моего мучителя странным образом переменялись. Передо мной оказался не требовательный, жестокий, надменный тип, а сама доброжелательность. Какая открытая располагающая внешность! Как он сыпал вежливыми словами! Я даже оторопела от такой неожидан-

ной трансформации личности. А я, как ты знаешь, не девочка с периферии, многое повидала. «Высокие должности похожи на крутые скалы: на них взбираются только орлы и пресмыкающиеся». Это я ещё в школе поняла, когда мы на уроке литературы Максима Горького изучали. И хотя закономерность без сомнения прослеживалась, я окончательно так и не решила для себя: в сговоре он с начальником или только для себя меня будет обдирать? Последнее время я перестала доверять своей интуиции. До сих пор плачу этому гаду. И ведь не за то берёт, что может чем-то помочь в работе, а только за то, что не будет мешать! Ненавижу эту сытую самоуверенную рожу! Не думай обо мне хуже, чем я есть на самом деле. Я вспоминала о тебе, о том, как бы ты отнеслась к этому, если бы была рядом. Что бередить раны? Как ни стараюсь разуверить себя, всё равно продолжаю считать себя слабачкой. Но ведь взорвёт, сожжёт, сволочь... Понимаешь, слишком многое поставлено на карту: моя семья, судьбы людей, поверивших мне. Думаешь, мне легко? Считаешь, мораль – этот стержень человеческий – вещь генетическая? Я что-то в последнее время совсем запуталась в философских понятиях, а когда-то была отличницей, не поверхностно знакомилась, осознанно, вдумчиво училась. Может, это до известной степени мешает мне легко, как некоторым, перешагивать через препятствия? Мне до сих пор страшно неприятно протискиваться и двигаться вперёд мимо поверженных, скорбящих, разорившихся. Мне еще повезло, деньгами всё

закончилось. А бывает так, что и жизнь, и карьера человека оказывается в руках одного чиновника, опытного аппаратчика. И тогда его судьба зависит от сиюминутного настроения этого монстра – вот что страшно!

Некоторые мужчины обвиняют нас, чего-то добившихся своим каторжным трудом женщин, в жёсткости, утверждают, что изысканная бессердечность стала символом женской независимости. Это далеко не так. Всё зависит от того, какие мужчины поперёк нашего пути становятся. Один даже обозвал меня «бизнес-Кармен». Мужское начало в нас поднимает голову и требует уважения поневоле. Может, это и плохо, только процесс не остановить. Не дают нам мужчины оставаться нежными. Без сильной воли нельзя противостоять всем напастям, обманам и подставам. Нам приходится быть стойкими, иначе конкуренты сожрут с потрохами и не подавятся. А они ещё и подшучивают, мол, «только критические дни напоминают вам о том, что вы женщины?»

Был бы рядом со мной стоящий мужчина, может быть, он шуганул или вообще вышиб бы этого паразита из кресла, и я с радостью вновь приняла бы приятное женское обличье. Но в помощники мне напрашиваются только нахлебники и приживалы. В основной массе своей я их быстро выпроваживаю. А иногда с боем. И всё же ещё жива оборотная, внутренняя сторона моей души, которая не даёт мне озлобляться, звереть, затачиваться на одно – на достижение прибыли, обирать своих работников и клиентов. В наши бурные вре-

мена многим не хватает простых вечных истин – я о молодых говорю. Они, эти истины-заповеди, у них сейчас не в чести. Может, поэтому я считаю: «лучше меньше, но надёжней». Зачем завистников плодить? Они за превосходство по головке не погладят. В один миг обрушат всё, что выстраивалось мною годами. Теперь ты представляешь себе просто-го предпринимателя перед лицом этих диких обстоятельств? То-то и оно.

И ещё один важный момент. Я никогда ни у кого не одалживаю денег. И у государства не беру займы. Такой у меня жесткий принцип – рисковать только своим капиталом. Думаешь, на воду дую? Да. Поэтому и не проигрываю последнее время, сумела вписаться в структуру, отвоевав себе жизненное пространство. Ещё, наверное, женская интуиция выручает. Часто бывает, что ощущаю приближающуюся неприятность. А почему такое происходит – не знаю. Это не поддаётся «прочтению» и пониманию. Просто чувствую, грызёт меня что-то и всё. Естественно, начинаю искать причины и принимать меры. Как-то банк поменяла. А предыдущий через месяц обанкротился. И плакали денежки у тех, кто в нём остался.

За эти годы и неожиданные взлёты случались, и падения. Конкуренты то взвинчивали цены, то опускали, пытаюсь меня разорить, потом снова вздували их. Часто страх ошпаривал нутро горячим паром. Понимала, что иногда пулю в голову могла схлопотать за несговорчивость. Вне вся-

кого сомнения, жизнь преподавала мне уроки то жестокости, то абсурдной терпимости. Хорошие договоры никто не спешил давать. А перебивать и отнимать я не умела и не хотела. Впаривали мне поначалу, как охламону, всякую ерунду, предлагали сомнительные связи, пытались втягивать в липовые предприятия за обладание квадратными метрами. Вела борьбу ни на жизнь, а на смерть. Но, разъяренная очередным коммерческим поражением, не сдавалась. Уходила обманутая, пусть даже в мелочах, на прощанье со всей силы лягнув дверь. Душил беспомощный гнев, кипела обида, но преподанный урок запоминала на всю жизнь и начинала искать новые связи. И каждый раз это была новая баталия. Многие не платили за выполненную работу, потому что я верила слезным обещаниям. Потом были бессмысленные суды... Некоторые по привычке требовали отстегивать... Борьба за договоры – самый сложный аспект в моей работе».

«В НИИ принято говорить «договора». По типу Мурманск, а не общепринятый Мурманск», – напомнила я Алисе. Она, усмехнувшись, кивнула.

«До сих пор приходится надевать разные маски – это надёжное средство высвобождения или сокрытия личности, – представляться белой, мягкой и пушистой, бросаться комплиментами, метать бисер перед нужными людьми, опять-таки терпеть заносчивость чиновников – у них же там гад на гаде сидит и гадом погоняет! – стоять перед ними на цырлах. А самой в то же время делать шаг влево, шаг вправо, хамить

конкурентам, предотвращая их подлые выходы, остерегаться нового рэкета. Что там ни говори – это такие дополнительные моральные нагрузки для меня, идеалистки, взращённой при социализме! Работа руководителя предприятия – гонка, работа на износ: ни выходных тебе, ни праздников.

Мужчины не щадили меня, особенно молодые. С ними тяжелей всего. Они смелы, раскованы в общении, свободно называют вещи своими именами, насмешливы, абсолютно несентиментальны. С ними совсем по-другому приходится выстраивать отношения. У них иное мироощущение, новые принципы отношения к жизни. И вокруг них спланивается такая же истовая компания. Их доминанта – деньги. Нравится это мне или нет – их не волнует. Я, стыдно признаться, побаиваюсь их. Такие типчики и к физиономии приложиться могут. И, если это возможно, я уклоняюсь от взаимодействия с ними, стремлюсь ускользнуть от их нахрапистого давления. Учусь у них. Смешно, согласись? А что поделаешь?

Когда друзья упрекают меня в излишней щепетильности в вопросах бизнеса, я им обычно отвечаю: «Сами попробуйте покрутиться. Критиковать всегда легче, чем самим делать». Жизнь перевернулась с ног на голову, но она продолжается. Много чего пришлось пережить, но это стоило того. «В конце концов, – убеждаю я себя, – через это сейчас не по своей воле проходят все те, кто, не имея мохнатой лапы, стремится наладить пусть небольшое, но настоящее производство, что-

бы выжить самому и дать работу ещё нескольким десяткам людей».

Компьютер имею. Собственные технологические программы делаю. Вот чем похвастаться не могу, так это знанием языков. Мой немецкий оставляет желать лучшего, а минимальный английский я освоила, работая на компьютере. Это подкашивало меня сильно. Дочку припахала. Сначала она на подхвате у меня была, теперь выучилась: и в языках, и в экономике сильна. Я хотя и не сразу, но поняла, что означает для некоторых современная фраза, что «человек определяется тем, что у него можно отнять – у одного орден, у другого возможность работать, а у кого-то деньги», – и выдержала-таки и соперничество, и прессинг, и противостояние.

Легче стало, когда обозначились основные направления развития страны. Наступило странное зыбкое спокойствие, похожее на стабилизацию. Но до сих пор не покидает чувство, что меня пытаются надуть все кому не лень. Может, когда-нибудь и справятся с коррупцией или хотя бы хвост ей прижмут. Ведь, как было принято по-марксистски утверждать в старые добрые времена: «нарастание внутреннего конфликта неизбежно, что, собственно, и приведёт к необходимости борьбы». Мы употребляли, но не понимали эту фразу, пока на своей собственной шкуре не почувствовали её жестокую силу.

На жизнь не обижаюсь, не ною. В детстве мама говори-

ла мне: «Не тони в слезах, не падай духом. Оглянувшись назад, задумайся: сколько лишней муки ты создаешь себе самой преждевременными волнениями. Не помогут тебе страхи. Каждая пролитая слеза отнимает силы, а каждая побеждённая беда – возводит человека на новую ступень возможностей. Приведи в порядок свой внутренний мир, как приводишь в порядок свою внешность. Меньше думай о себе, больше о деле». Потрясающе мудрой была. Я хорошо запомнила её слова, но всё равно непрестанное соприкосновение с людьми, с их порывами злости и отчаяния, с их горем и слезами очень утомляет меня. Да и у самой обидные проблемы случаются. Обучаешь, воспитываешь человека, а он, получив крепкую базу знаний и практику, в другую, более крупную фирму уходит, где платят больше. Прессовать, доставать, заставлять вернуться? Нет, конечно. У каждого должна быть свобода выбора. Люди ищут себя. Это естественный процесс. Только от понимания ситуации мне не легче.

Многое у человека зависит от уровня его ожиданий. Я знала, что никто не подготовит мне место под солнцем, не надеялась получить всё и сразу. Понимала, что никто ничем мне не обязан, что самой необходимо заставлять реальность поворачиваться ко мне значимой стороной или придётся приспособливаться, поэтому была терпелива и вкалывала первое время по-чёрному. Переживала, конечно, неудачи, но относилась к ним философски, мол, такова теперешняя жизнь. Советские пряники кончились, и это надо понимать.

Я барахтаюсь в жизни, как та лягушка в горшке со сметаной. Никто не принуждал, сама взялась за гуж. Самой пахать, самой и по башке получать, если оказалась в чём-то недостаточно ответственной или совершила промашку. Если кого и поругиваю за неосмотрительность или недалёковидность, так только себя. Что поделаешь, крутиться приходится в мощном потоке новой жизни. С большим трудом удаётся вырывать и выныривать на поверхность из затягивающих в глубь проблем воронок. Работы пока много – только успевай поворачиваться. Это бесконечно радует, значит – живу! Правда, иногда друзья упрекают меня в излишней осторожности, мол, бизнес не брезглив. Ну это кому как. У некоторых, как запахнет деньгами – все принципы летят... к той самой прабабушке. Мои потребности не велики. С собой ещё никто на тот свет не смог прихватить наворованного.

Могу дать совет: если не испытываешь склонность к бизнесу, лучше не берись, выбирай себе более приемлемый путь выживания и процветания. Главное не прозябать! (*Не позабылись старые лозунги!*) Вот, например, героическое дело – внуков растить мне не по характеру. Одна моя подруга с ума сходит от счастья, общаясь со своей малышкой – у неё их целый выводок; другая же балдеет от разведения георгин. Каждому своё. А захочешь – я всегда рада буду тебе помочь. Ты человек надёжный. Все мы варимся в одном котле, но кому быть счастливым, а кому несчастным – зависит от характера каждого из нас. Я вот не могу без бурной деятельности,

хоть и устаю до потери пульса. Меня спасает только то, что когда мне невыносимо грустно или очень тяжело, я на короткое время погружаюсь в трогательно-патриархальное время, связанное с годами моего счастливого детства. Там черпаю силы. Маму, бабушку вспоминаю.

Принято считать, что женщины гибче, терпеливее мужчин. А я так скажу – всякие есть и среди мужчин. Смотря что им в детстве привили. Вот моя терпеливость – результат самовоспитания. А сколько среди мужчин тупых и бездарных, но хитрых! Не счесть... Как ты думаешь, что помогает мне жить, что стимулирует? Да что и всегда – мой ребёнок, моё чудо. А теперь ещё и внученька – счастье моё разьединственное. Наглядеться на них не могу. Всё для них сделаю, лишь бы были они здоровы и к делу достойному приложены. И сама я еще кое-что могу. Не набалована судьбой.

Ненавижу, когда ругают страну, в которой живут, унижают своих сограждан. Некоторых хлебом не корми, только дай обгадить. Не постучишься – не откроют. Вкалывать надо, а не разводить политесы и слюни распускать на чужую, как некоторым кажется, удачу. Собственно, это распространённое и глубинное заблуждение многих россиян, продиктованное первым впечатлением, которое считается у нас самым верным. Не стоит путать удачу и адов труд. Наверное, это общий недостаток нашей культуры. А там кто его знает? Не специалист я в высоких материях. Не могу объяснить почему, но не чувствую я доверия к нематериальным сфе-

рам в приложении к реальной жизни. Только верю, что всё у нас наладится, если разберёмся с коррупцией. Разболталась я что-то с тобой...»

«Бернард Шоу как-то сказал: «Разумный человек приспосабливается к миру; неразумный упорно пытается приспособить мир к себе. Поэтому прогресс зависит от неразумных людей».

«Так выпьем же за неразумных», – поддержала меня Алиса. И добавила: «Ты спрашивала как выстраивать отношения с чиновниками? По возможности от них дистанцироваться и опираться на знания и свою природную мудрую женскую интуицию».

Мы с ней слегка приняли на грудь, и она грустно закончила свою мысль:

«Многое в своей жизни я предпочитаю не выставлять на всеобщее обозрение. Есть вопросы болезненно важные для меня. Не люблю, когда трогают интимные стороны моей жизни. Для чего я тебе всё это рассказываю? Наболело. К тому же ты понять можешь. Тебе тоже доставалось... Не было у тебя, как и у меня, ни настоящих помощников, ни защитников-утешителей. «Мужчины, мужчины, мужчины! Вы помните званье свое?» История замалчивает и этот факт?».

– Весь мой разговор с Алисой был выдержан примерно в том же тоне и стиле. Я могу смело утверждать, что передала её слова с большой степенью достоверности. Ну, может

быть, только с излишней эмоциональностью. Ты же знаешь мой неугасающий темперамент. Да, трудная, и пока, слава богу, ещё незавершенная у Алисы судьба. Но при всем при том дочери прекрасную квартиру построила. И у внучки теперь есть своя крыша над головой и достойное будущее, если ничего в стране не случится...

– Какой смысл теперь Алисе вспоминать о прошлых обидах и проблемах? Сейчас для неё настало время всех прощать. Может, прорежется поразительный, почти религиозный талант всех любить, всем помогать? Да пребудет с нею успех! Это материя самого высокого порядка. А как ты думаешь? – заинтересованно спросила Жанна.

Инна с подозрением взглянула на неё и сказала:

– Разве постоянно прощая чужую подлость, мы не губим свои души? Твоя совесть не бьет в колокол? Подумай над этим. Как-то я похвалила Алису. «Что ты! – ответила она. – Какие там таланты? Я всего-навсего раба своего беспокойного характера. Да, я нестигаемая, я стоик, но только потому, что у меня не было другого выхода. Я вцеплялась руками и зубами, чтобы не упасть в пропасть».

– Скромничает. Мол, так выживали все культурные люди в некультурных обстоятельствах, – усмехнулась Жанна. – Откуда в ней такая жизнестойкость? Наверное, некоторые гены в нас спят и начинают просыпаться, только когда жизнь прижмёт.

– Ещё в самом начале своего самостоятельного пути Али-

са весьма настоятельно приглашала меня к себе, – напомнила Инна. – Во время одного из периодов «грустной застойной задумчивости» я чуть было не согласилась, но потом пошла в НИИ к Елене. А сейчас тем более предпочитаю спокойные и надёжные методы добывания дополнительного приработка к пенсии. И пусть солнце тысячекратно не отражается в зеркалах моего жизненного пути, я им довольна. Не волнует меня всё затмевающая прелесть зелёных бумажек. О продлении лет своих на земле Всевышнего молю. Как проста жизнь, когда человек здоров!

Жанна удивлённо и недоверчиво посмотрела на Инну, но ничего не сказала. Она не знала о её проблемах со здоровьем.

Ирина и Борис

– Ирина! Я ею всегда восхищалась. Чемпионка страны, красавица, умница! А она, с присущей ей скромностью, свой успех объясняла только трудолюбием, о таланте не заикалась. Расскажите что-нибудь о ней. Сложилось у них с Борисом? Как она его любила! Ирина из тех нежных и тонких натур, для которых слова из песни: «И не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами...» в применении к себе были флагом, фетишем. А Борис, как мне тогда со стороны казалось, только снисходительно принимал её любовь. Не замечала я в нём уважения к ней, да и вообще к девушкам.

– Ты ожидала увидеть почтительное рыцарское восхище-

ние и преклонение? – фыркнула Инна в ответ на Ленино откровение.

– Его, с моей точки зрения, отличало потребительское отношение к окружающим. Он на всех смотрел сверху вниз из-под полуприкрытых глаз. Избалован был высокопоставленными родителями, ни в чём не знал отказа. Самонадеянный, упрямый, заносчивый. Может, конечно, я и ошибалась. У меня тогда были провинциальные, слишком стерильные взгляды на жизнь, – улыбнулась Лена.

Инна с готовностью придвинулась к подруге и начала свой грустный, насыщенный сочувствием монолог.

– Помнишь, что Лариска учудила в колхозе, куда нас загнали на уборку картошки? Борька как-то не очень уважительно в присутствии нас высказался о девушках, а она мгновенно вспыхнула как спичка: «Ирина! Борис по сравнению с тобой, ноль, ничтожество! И почему мы влюбляемся в недостойных? Один приглянулся – оказался подлым. Красавчик! Так в том не его заслуга, матери. Второй вроде неплохой был парень. И вдруг один случай опустил его в моих глазах ниже некуда. Мелкий, примитивный. Фу! Сейчас ещё один за мной увязывается. Так он ни себе, ни людям... Никак не отошью, не отлипает. Ничего в нём интересного, замечательного. Ему бы только крыльями хлопать, да, задрав голову, орать «кукареку», созывая легковерных клуш. А несёт себя выше некуда! Неужели так и не встречу достойного, родственную душу?» Она резко развернулась и ушла, оставив в онемении

и смущении оторопевших слушателей. Грубо, с обидой сказала, но правильно. Интересно будет завтра узнать, повезло ли ей в жизни?

Ну, так вот, об Ирине. Вы обе оказались правы. Семь лет она с Борькой мучилась, жила под аккомпанемент его нытья и ругани. Каждый день проходила урок терпения и самообладания. Ты не представляешь, как тяжелы порой в обыденной жизни невыдержанные эгоистичные люди! Всё его что-то не устраивало, разговаривал с Ириной с выражением победоносной иронии. Его манеры и до свадьбы не очень соответствовали поведению воспитанного человека, а после женитьбы и вовсе всё плохое у него пошло развиваться по нарастающей. В начале семейной жизни Ира, как большинство из нас, была слишком неопытна, вот Борька и «выстроил» ее под себя, думаю, можно так сказать. Как она ни подступалась к нему, желая наладить отношения, старания оказывали действие прямо противоположное желаемому. Напрасно она взывала к его совести. Он нагло отстаивал свои позиции, забывая о правилах приличия и о мужском великодушии.

В представлении Ирины любить – значит, всё отдавать и ничего не просить взамен. При этом душа не разоряется, а укрепляется, и человек открывает в себе глубину, чувствует силу, поднимающую его над повседневностью. Она считала, что гармония семьи состоит не в том, чтобы все её члены думали и делали одинаково, а чтобы в искренне расточаемой ими любви и радости все были приятны и полезны друг дру-

гу. И тогда они проникают в таинство, при котором из двоих любящих сердец получается одно целое. Надо только стремиться удерживать и продлять эти чудные мгновения жизни. Идеалисткой была. Любовь – это прежде всего зависимость. Мы всегда боимся за тех, кого любим. И солировать в семье нельзя. Ирине хотелось делиться с мужем своими проблемами, заботами, но он не интересовался ими, хотя она немало сил прилагала для их сближения. И она, не умея сократить дистанцию между ними, от обиды впадала в вязкое опустошающее забытие. Борис относился к Ирине и её взглядам на жизнь свысока, презрительно-снисходительно. Она слова доброго от него не слышала. Его передёргивало всякий раз, когда она, прильнув к нему, с сожалением заговаривала об их внутренней разъединённости. Считал разлад в их семье следствием её нежизненного простодушия. Ему в голову не приходили высокие материи. Он был слишком циничным. Ирина уже догадывалась, что она в любви отдаёт всю себя, а Борис – лишь небольшую часть. «В семье оба должны быть дороги друг другу и идти путём гармонии, а они идут кто как умеет», – горько констатировала она.

Борис был по-своему интересным человеком, много читал, мог увлечь приятным разговором. Иначе Ирина не полюбила бы его. Только, видно, внешняя культурность, не затрагивающая душу, не равнозначна духовной. Борис вёл себя с женой примитивно-нагло, вызывающе. Утверждал, что каждый муж мечтает уйти в разнос, что не поддавалось её по-

ниманию. Уже перед самым разводом Ирина говорила ему: «Ты живёшь как дикарь. В любви и заботе надо проявлять эмоции, а в ссорах – сдержанность. Учись находить мягкие формы для выражения своих пусть даже очень неприятных чувств. Был бы ты больной на голову, тебя надо было бы пожалеть и простить, но ты нормальный, так зачем же мне спускать тебе невоздержанность и просто элементарное хамство? Твоё странное поведение – имитация силы слабым человеком, целенаправленное желание неуверенного или завистливого мужчины обидеть любящую его женщину. Может, тебе кое-что пересмотреть в твоём отношении ко мне и сыну? За семь лет я ни разу не повысила голос, не позволила себе ни одного непорядочного поступка. Для меня между нами не мог встать какой-нибудь мужчина, сама мысль об измене не укладывалась в моей голове. Я не могла отъединить себя от тебя. Понимаю, трудно изживать плохие привычки, но попробуй, я помогу. Ты находишь, что я не права? Ты не устаёшь от самого себя?»

А Борис, переполненный чувством собственного превосходства, в ответ отчеканивал то брезгливо, то враждебно какую-нибудь унижающую жену пошлость. У него была манера выражаться твёрдо и категорично в любых ситуациях в независимости от того, прав он или нет. Собственно, он всегда считал себя правым и не принимал возражений. Ты же, Лена, знаешь, такие мужчины вместо того, чтобы согласиться с очевидным, кричат: «Это ваша женская логика! Раску-

дахталась. Тебе бы только воду мутить!» А всё почему? Лень вникнуть в суть вопроса, терпеливо разобраться. А ещё из страха быть побеждёнными в споре. И вот за эту лень, за трусость и нежелание понять нас по законам формальной логики мы ещё должны делать им послабление?» – фыркнула Инна.

– Многое в Борисе не сходилось с обликом того человека, за которого он до свадьбы себя выдавал. С ним в ее жизнь пришло то, о чем раньше она не догадывалась. Ирина не раз говорила мужу: «Я теряюсь в догадках, как может подниматься со дна твоей души всё самое плохое именно тогда, когда я стараюсь сделать тебе что-то приятное? Что вводит тебя в иступление? Взгляни на себя в зеркало в момент крика. В минуты гнева ты похож на эпилептика или на больного, поражённого церебральным параличом. Тебя же корёжит, как грешника в аду на раскалённой сковороде. Неприятное зрелище, скажу я тебе. Уважающий себя человек не позволит себе так вести ни в присутствии близких ему людей, ни при чужих. Сказывается отсутствие воспитания или, напротив, воспитание вседозволенности? Но умный человек меняет себя всю жизнь, он настойчиво корректирует свои недостатки. У тебя абсолютно отсутствуют тормоза. Когда разойдёшься, ты не способен мыслить на два хода вперёд. Вот почему ты сейчас на меня накричал? Опять вымещал на мне свои неудачи? Как бы ни было мне трудно на работе, я не переносу свои неприятности на тебя. Я хочу, чтобы ни-

что плохое во вне не отразилось на климате нашей семьи. Ты же хороший, не спеши давать людям повод к неверным о тебе заключениям, неправильно истолковывая вспышки твоего непредсказуемого раздражения. Не навлекай на себя дополнительные проблемы», – пыталась внушить мужу Ирина.

В наших беседах я поддакивала ей и выдавала свои тезисы: «Знавала подобных субчиков. Распинаются о своей любви к семье, а на самом деле тираны. Такие люди – преступники не меньше, чем воры, крадущие чужие ценности. Они отнимают у близких людей чувства, радость, жизнь. Мужчина, не владеющий собой, постоянно переживающий пароксизмы раздражения и приступы бешенства – дикое двуногое животное. Он просто больной».

«Борис не понимает меня, не ценит моей любви и заботы о нём», – жаловалась мне Ира.

«Заботу больше ценят в старости, а в молодости, сама понимаешь, интересуется другое...» – грубовато шутила я.

Для Бориса их ссоры были сущими пустяками. В его жизни никогда не было места ни чьим слезам, ни ропоту. Легко шёл по жизни. Он будто и не подозревал, какие бури чувств переживала Ирина от их размолвок, а ведь хотя он и сковывал её своей резкостью, она не раз обнажала перед ним раны своего страдающего сердца. Но он не пытался обуздать себя. Конечно, научиться видеть различные грани другого человека можно только с опытом, и то если хочешь этого.

Просто доходит только себе созвучное. Не умела Ирина разгадать и постичь потаённый смысл поведения мужа. Сам же он никаких серьёзных попыток к примирению не предпринимал. Горько ей было от бессилия, от ощущения ненужности. Даже сынок, видя, что творит отец, разделял глубокую неудовлетворённость мамы их совместной жизнью. Но сама она никому в этом не сознавалась. Несла своё страдание так, чтобы от него не терпели боль другие. Решительно отказывалась с кем-нибудь из близких обсуждать эту тему, хотя тяжёлые мысли постоянно не шли у неё из головы, так и рыскали по отдалённым уголкам ее сознания. Они зомбировали, растравляли душу, оставляя Ирину в полном смятении. Даже мне она редко открывалась.

Уроки жизни никому не даются легко, но сердце Ирины до замужества не знало драмы любви и скорби, поэтому, надеясь на лучшее, она трогательно и храбро делала вид, что всё у неё хорошо. Она жила, оберегаемая светлой силой своей любви, и долго не могла осознать, кем на самом деле является для мужа. И только когда беда нашла дорогу в их дом и открыто вошла в него, высокая поэзия любви Ирины стала проваливаться в чёрную яму боли, и она очнулась от прекрасного сна своих фантазий и поняла, что в её жизни с Борисом одни потери. А когда осознала, что причина ярости мужа не в ней, а в нём самом, то ей пришлось понимание их неизбежного разрыва. Зло наполняло этого человека не потому, что его в избытке вокруг, а потому лишь, что «внутри

его сердца бурлил кратер жестокости», а неудачи только подливали горючее в огонь. «Вот так и догнала меня его нелюбовь...», – сказала мне как-то Ирина печально.

Нелепость жизни состоит в том, что подчас только несчастья помогают человеку понять своё место в жизни другого и толкнуть на решительные действия. Ещё с самого начала их дружбы, когда Борис одним взглядом сразил её, она вообразила, что он всецело принадлежит ей, что она – его первейшая забота, и всю ценность своей жизни он видит только в ней. Как и она в нём. Она считала, что цельные натуры не могут отдавать свои сердца наполовину. Как она ошибалась!

– Если девушка увидела в молодом человеке принца, то ничто не спасёт его от её любви, – усмехнулась Лена.

– На самом же деле большинство увлечений Бориса не имело никакого отношения к интересам жены. Он не знал чувства привязанности к семье. Ему была ближе гармония мыслей и вкусов его друзей. К тому же он так и не порвал с привычкой воспринимать близких ему людей как полную опору только лично себе. Слова «мама», «папа» и связанные с ними возможности и потребности не отошли на второй план. Взрослым человек становится тогда, когда научится рассчитывать только на себя. А этот вечный мальчик, капризный маменькин сынок так и не стал отцом семейства. Детство мы все хороним трудно. Хотя и по разным причинам... Но когда-то мы обязаны становиться взрослыми. Может быть, скорби, потери и разочарования быстрее учат жен-

щин избавляться от иллюзий?

– Я была знакома с очень богатым человеком, но восхищалась тем, как он воспитывал своих сыновей. Обожал, баловал и в то же время закладывал в них чувство собственного достоинства, понимание своей ответственности и уважение к людям, – поделилась Аня своим наблюдением. – Я экзаменовала его детей по математике. Меня пригласили за мою принципиальность. Знали, что за деньги я не стану незаслуженно нахваливать мальчишек.

– Женская любовь способна что угодно оправдать, – прозорливо заметила Жанна, вникнув в рассказ Инны.

– Да, упустила из виду: Ирина таки ушла от Бориса, но после моего с ней разговора один раз всё же предоставила ему шанс хоть частично загладить перед ней вину. Надеялась, что утихомирится, может, даже пересмотрит свою жизнь. И как муж себя повёл? Он не собирался укрощать свой нрав. Убеждённый в собственном величии (за папин счёт, конечно), вразнос пошёл. Ирине было противно вспоминать ту встречу.

Борис предстал перед ней с торжествующим видом: элегантный, самоуверенный, властный, голосом и взглядом выражая бесконечное к ней презрение. Стоял невозмутимо победно, говорил с напором. Глаза горели. Губы цвета раскалённого железа. Бровями поигрывал, хмыкал, довольный собой. Петух в оперении орла. Да, он был не из числа умных и порядочных. Привык оскорблять всех, кто не мог в силу

своего деликатного воспитания ответить ему тем же. Едва ли будет преувеличением сказать, что изображал гордое снисхождение. «Сама позвала!» Он наслаждался её унижением и не сомневался, что она окажется у его ног. Вообразил, что она «приползёт к нему на коленях». Это был его последний удар... Он не учёл, что всему бывает предел, и абсурдному терпению тоже. Любовь – она ведь как ртуть, её не удержишь, сжав руки в кулаки.

«Скошенные травы и цветы сильнее пахнут. Не затем ли Борька садистски мучает тебя?» – спрашивала я Ирину. Но она разубеждала меня: «Безразличный он».

Порезвился Борька, нечего сказать. Его выходка перешла все мыслимые границы. Эта его издевательская фраза «сама приползла!» – нарочито показная, рассчитанная на уязвление, произвела на Ирину впечатление выстрела в сердце. Она не хотела верить в человеческую подлость и получила по полной программе. Вот тогда-то на неё окончательно повеяло отрезвляющим холодом и она взорвалась: «Не прикасайся ко мне! Убирайся! От тебя только смрад в душе». Борька не ожидал от жены такой мощной враждебности и растерянно пробормотал: «Что ты мелешь? Ты соображаешь, что говоришь? Ты даёшь мне от ворот поворот?!»

Он неожиданно оказался не на высоте и потому взбешенно прохрипел: «На кону судьба твоего ребёнка. Запомни, предпочтение будет отдано мне. Папа добьётся». И отступил.

Стало быть, не допускал, что Ирина всерьёз может от него отречься. А когда понял, что это не минутный порыв, то уже в следующее мгновение оттолкнул её с такой яростной решительностью, словно готов был убить. И выскочил вон.

«Я знала, что мой топор войны давно уже наточен, но не представляла, что смогу его занести», – говорила мне Ирина после этой их встречи.

Пока Борис не верил, что Ирина может оставить его, он был к ней безразличен и считал, что вправе третировать жену сколько душе угодно. Но теперь, когда это произошло, его инстинкт самосохранения стал искать болеутоляющее средство для своей открытой раны самолюбия. Он всегда тяжело сносил любые огорчения, и, будучи тщеславным, неподвижную потерю жены переживал злобно и мстительно. Состоятельные мужчины – если они не зарабатывали своё богатство – часто ведут себя как красивые глупые женщины, – сделала вывод Инна.

– Откуда в Борисе тщеславие? Психологи утверждают, что из детства, мол, если ребёнка мало хвалили, то, становясь взрослым, он добывает недополученное. Но мне кажется – наоборот, от излишней незаслуженной похвалы, получаемой в юном возрасте, – ответила Аня на свой же вопрос. – Мне кажется, за тщеславием и грубостью часто скрывается неуверенность в себе, в своих способностях.

– Скромные люди тоже часто в достаточной степени не ве-

рят в себя и ждут похвалы и подтверждения своим возможностям на стороне, от других людей. Но это не приводит их к негативному тщеславию, – возразила Жанна.

– В этом я согласна с тобой, – сказала Инна. – Не стану анатомировать переживания Бориса, я их не знаю и тешить себя выдумками не стану, но думаю, память об Иренином отречении ещё долго причиняла ему боль и будила не глубокую печаль, свойственную добрым людям, а ненависть. Собственнический инстинкт разгорался и вздымался в нём с огромной силой. Он надеялся, помирившись, со временем с лихвой отплатить жене, получить за оскорбленное самолюбие компенсацию. Ведь только тогда к удовлетворению будет примешиваться не смутно-тревожное чувство жалости к себе, а удовольствие. Он не мог поверить в то, что его бросили и своё непомерное себялюбие стремился утолить любым способом.

Этот развод в жизни Ирины я могла бы назвать беспрецедентным, даже революционным. Разве он не доказывал, что долготерпение должно заканчиваться разрушением оков? Да, это больно. Да, это как смерть части себя, и ты будто тонешь... Но жизнь слишком коротка, чтобы ее тратить на таких вот экземпляров, как Борис. Но я Ирине тогда сказала: «Поверженный кумир перестал держать тебя в своей власти. Я слышу в твоём голосе нормальные эмоции. Борис хотел, чтобы ты принимала его манеру жить вне семьи, по сути дела, как единственно правильную, мол, все так сосу-

ществуют, вот и пусть остаётся при своём мнении, а ты живи, уважая себя». В личной жизни Ирина, в силу своего воспитания, была слишком робкой, и я была рада, что ей хватило решимости положить конец неудачному сценарию их семейных отношений. Это был её первый, и, уж поверь мне, не последний решительный шаг. И я не вижу в этом ничего предосудительного. За себя надо бороться. Разве это счастье, если их глаза смотрят в разные стороны?

Разведясь, Борька продолжал безобразно вести себя с Ириной. Ему хотелось умничать перед ней, скрывая свою ничтожную натуру. Он не давал затухнуть своему костру непомерной злобы. И это уже не оспаривалось ею. Ирина уже жалела, что, дав Борису шанс на примирение, и попытавшись пролонгировать их отношения, она ещё больше уронила себя, сделала из себя посмешище. И уже не защищала мужа. Это раньше тёмные стороны его жизни служили предметом её бесконечных споров с самой собой. Мне ли не знать, как сильна искупительная сила слов в жизни тех, кто пусть даже временно, как Ирина, теряет или на самом деле не имеет собственного «я». Ей, как, может быть, никому другому, всегда нужна была эта спасительная ниточка, этот виртуальный диалог, это самоочищение, благородное самобичевание.

С Борькой Ирина познала зло, боль и страдание. Они доводили её до полного изнеможения. Какая вообще возможна личная ответственность за что-то хорошее в семье, когда в другом, рядом живущем человеке сплав порочных качеств?

Я бы на месте Ирины возненавидела Борьку до конца жизни. Кто-то сказал, что никакой добротой не иссушить реки мирового зла. Понимаю, очень пессимистичное заявление. Но знаешь, Лена, если пристально всмотреться во все печальные жизненные истории, которые я слышала от женщин за всю свою жизнь, то не такое ещё можно сказать или хотя бы подумать.

Помню первую исповедь Ирины. Она в тот вечер доверила мне тайну своего сердца. Конечно, у всякого свой жизненный путь и пройти хотя бы малую толику чужого – невозможно. Но облегчить страдания сочувствием по силам даже мне. Тронули меня её тихие слова. Такая мучительная горечь звучала в них! Ирина так спешила выговориться, будто боялась, что другой раз такого случая ей не представится. Она словно открыла до сих пор задранные шлюзы, сдерживавшие годами копившиеся обиды. На её лице при этом проявился прямо-таки первозданный ужас детской души. Тогда страх остаться без любимого был в ней сильнее любых доводов разума.

Я явилась к Ирине самым неожиданным образом по своему поводу, а попала в самый разгар печальных событий её жизни, в момент, когда у неё возникла настоятельная потребность исповедаться. Боже мой, какие у нее при этом были пустые, скорбно расширенные глаза и взгляд, полный муки разочарования и смертной тоски! Я увидела в нём па-

нихиду по её любви и браку. Этим глазам предназначалось смотреть с любовью, а доля им далась – плакать. Ира казалась мне жалкой, пришибленной. Она сидела растрёпанная, несчастная, обречённая, с почерневшим страдальческим лицом.

Оказывается, накануне, самым скандальным образом обнаружилось, что Борис путается с очередной женщиной. Ира, исповедуя верность, порядочность и всепрощение, тешила себя мыслью, что всё плохое уже в прошлом, а он опять ударил наотмашь... Он метался по квартире, как воздушный шарик, со свистом выпускающий воздух. Он лгал, выкручивался, оскорблял, нападал. Альтиметр его гордыни зашкаливал.

Слово за слово... Не совладала Ирина с ревностью, видно, в ней произошёл эмоциональный срыв. Не знаю, как такое классифицировать. Не помня себя, она вцепилась ему в волосы и давай колошматить. Её смелость не имела никакого отношения к мышечной силе. Моральных сил на тот момент в ней было намного больше, чем физических. Вот что нервы с человеком сотворили. Такая милая, нежная и вдруг такое обескураживающее поведение... полный конфуз... Ну, ты, Лена, понимаешь. Она впервые сорвалась. Ей казалось, что все несчастья уже позади. Она уже готова была поверить и простить. И ничего не предвещало беды, а он... «О любовь! Сколько лжи говорится во имя твое!» И почему же у лгущего не немеют губы и не отсыхает язык?.. Нет, всё-таки чело-

вечество переоценивает свою заикленность на счастье.

– И на Боге... – осторожно заметила Аня.

– «Мы разные. Мужчина, влюбившись, не в пример женщине, не способен продолжительное время довольствоваться платонической любовью. Женщины гораздо лучше умеют говорить «нет». Любить одного по большей части тоже привилегия женщин. Брак – это много больше, чем любовь, но не всем мужьям он по плечу, отсюда измены. Когда нет сил для любви, остаётся только ревновать. Сердце и ум имеют пол. Только мысли бесполое... Я к тому времени уже многое испытала, а Ирине такое пока в голову не приходит, – думала я, с грустью глядя на заплаканную подругу. – Как поддерживает нас наивная вера в вечное, безоблачное счастье! Как низводит нас обида!»

А Ира совсем потеряла волю к жизни и только тихо бормотала:

«Отчего люди часто несчастны? Не находят достойного своей душе человека?.. Моя жизнь была насквозь пропитана Борей. Я утвердила себя в мысли, что он – одно из необходимых и неизбежных слагаемых моей жизни. Я ни разу не высказала ему своего разочарования в связи со своими расстроившимися планами, ни разу не выразила что-либо похожее на досаду, не мелькало и раздражение, что было бы обычно для моей ситуации, будь на моём месте Борис. Хотя я и не берусь определить, что такое счастье, но я на самом деле бывала счастлива, когда мы по вечерам всей семьёй со-

бирались дома. Мне большего не хотелось и не требовалось.

А измена, ты же знаешь, опрокидывает все понятия и снижает розовые очки. Ужасно жить пронизанной, отравленной, изъеденной ревностью. У одних эта боль годами гниёт внутри, других сразу приводит к суициду... Я лелеяла в душе идею совершенной семьи, теперь понимаю, недостижимую, как бы прискорбно это ни звучало. Оказалось, что моя собственная семья – юдоль страданий. Этот ужас невозможно стереть из памяти, он остаётся на сердце глубокими шрамами. Моя любовь не достигала Бориного сердца. Он похитил мою радость, по пустой прихоти своей сгубил. Я повержена, изломана, я совсем одна... забытая и одинокая».

«Полмира плачет – это о нас, женщинах, а полмира скачет – это о мужчинах, сама понимаешь», – пробовала я пошутить, чтобы убавить накал эмоций Ирины. Не получилось.

«Я жила в вымышленном мире, была переполнена искренней любовью, и для строгого рассудка не оставалось места. Я думала, мы завязаны друг на друге, мечтала об идеальном счастье, и никакого другого мне было не надо, потому что во мне любовь замерла в той максимально высокой точке, в которой она находилась еще в юные годы, в пору влюблённости. Я мечтала всю жизнь идти рука об руку с любимым. Как пишут в книгах. Это ли ни счастье... которого мне не досталось... Для меня любить – это как дышать. А теперь для меня пропали цвета, звуки, запахи, всё лучшее, что было между нами. Во мне почти не осталось жизненных сил», –

сквозь судорожные вздохи делилась со мной Ирина.

А я думала: «В каких мощных красках проявляется в каждом из нас малейшее обожание, пока между нами нет сексуальных отношений! А потом оно вместо того, чтобы расти и шириться...»

«Родился сынок, и я решила, что он укрепит наши отношения, Боря научится любить, быть нежным, а у нас, наоборот, всё пошло вкривь и вкось. Он так и не осознал, что детей можно любить до слез, до дрожи, до умопомрачения. Но, понимая, что я не захочу лишиться сына отца, Борис почувствовал себя хозяином положения, выворачивал мою душу, как карманы, подминал меня под себя, изматывал. А теперь, когда я узнала... по мне будто дорожным катком прошлись. Корчится от боли, стонет моя душа... Наверное, есть люди, которые переносят такую беду гораздо легче. Может, для этого какая-то мудрость нужна или особое смирение? Но куда уж быть смиреннее? Мне кажется, что женское страдание много глубже и сильнее мужского. Я ошибаюсь?» – спрашивала меня с отрешенным меланхолическим выражением глаз Ирина.

«Разве ты не слышала, как наглеют некоторые мужья после рождения детей, считая жён закабалёнными материнством? Ты не примеряла на себя случай с Машей из нашей группы? Ты думала, твой не такой? – удивилась я. – Предлагаю завести лёгкий адюльтер. Обычно срабатывает. Постарайся вознаградить себя за холодность мужа. Маленькая ра-

дость – лучшая гигиена души и тела», – привычно закончила я серьёзный совет простенькой шуткой.

«Это не в моей природе. Я в такие игры не играю», – смутилась Ирина, и тень брезгливости пробежала по её лицу.

Взяв себя в руки, она добавила спокойнее:

«Я не вижу радости во временном, ненадёжном и унижительном».

«Прости, я неудачно пошутила. Надеюсь, рассмеёшься, отвлечёшься», – спохватилась я, поняв, что сказала пошлую чушь.

«Для Бориса стало истинным удовольствием наблюдать, как я страдаю, и моя мама для него не препятствие. А она сердилась, мол, не хватало ещё выполнять каждый каприз мужа! Но я сразу не всполошилась, не прислушалась к маминим словам. Если бы я не любила Бориса, у него не было бы надо мной этой кошмарной власти. Меня словно подменили. Он полностью взял надо мной верх, я попала в силки своей любви.

А он, как оказалось, всегда вёл себя как совершенно свободный человек, и, женившись, оставил за собой право иметь и осуществлять бесстыдные, запретные желания, – рыдая, рассказывала мне Ирина, преданная и верная спутница, приносившая любимому мужу в жертву свою единственную жизнь. – Я сперва не знала. Потом стала кое-что подмечать и открылась эта горькая тайна. Представляешь, я, бледная, озябшая до нервной дрожи, окутанная страхом неизвестно-

сти, неслышно кралась по разбуженным ветром теням деревьев и кустов, по тёмным переулкам... задними дворами... пряталась за киоски... И эта тусклая стареющая луна над головой, и черные тучи... Я увидела полыхающие дерзким призывным сладострастием глаза, и тела, насквозь пропахшие солнцем и алкоголем на неостывшем ещё после дневного жара песке пляжа... их яростные ритмичные движения...

У меня в голове ни единой мысли, только изумление. Я в безгласной истерике, закусив губу, извиваясь, как в судорогах, каталась за кустами по земле, приминая влажную от ночной росы траву, не замечая, что вся вымокла. Меня разрывали эмоции. Лицо моё горело, во рту пересохло так, что язык не мог пошевелиться, пальцы сжимались в кулаки. В голове стучало невыносимо громко. Я задыхалась... Потом ноги ослабели, сделались точно вялые обезвоженные стебли растений. Сердце превратилось в тяжелый холодный камень, я его уже не слышала. Я не могла подняться. Дозналась себе на горе. Меня будто изодрали, исполосовали, переехали... Обманутая, опозоренная... лишняя».

«Затравленная, осмеянная, одинокая. Загнанная ревностью. А «для танго нужны двое», – добавила я грустно, вспомнив свою первую любовь. Это нелегко осознать, в это трудно поверить. Ревность – ненасытная бездна, она, как чёрная дыра, засасывающая в себя слабого человека, самому себе накидывающего петлю на шею. Возьми себя в руки, мобилизуйся. Ты в разладе с самой собой. Ты не долж-

на себе позволять, чтобы твоя минутная слабость обернулась постоянным сценарием жизни. Спрячь обиды в самый глубокий колодец своей памяти и действуй. Сама покончи со своей бедой и отрешённостью и прекрати свои злключения. Ты осрамлена, пристыжена, принижена. У тебя страхом исковерканы и затоптаны самые главные инстинкты, ревностью отравлен рассудок. Ты наглухо закрыта для множества возможных вариантов. Борись наперекор обидам и неблагоприятию. Ты тонешь в море своей печали. «Спокойствие – душевная подлость», – писал Толстой. Я бы слово «спокойствие» заменила на «безразличие». Действуй без промедления. Ничего хорошего в жизни с Борисом у тебя больше не будет».

«Выходя замуж, мы не знаем, каков на самом деле тот человек, которому собираемся посвятить свою жизнь. Наша с Борей женитьба – его прикрытие, ширма для меня, а не для других женщин. Он, оказывается, приходит ко мне, когда ему наскучит в компании, всеми помыслами оставаясь там, вне семьи. Нимало не смущаясь, он лжёт мне. Я жду его ласковых слов, прикосновений, а получаю скучные или мрачные взгляды. Он бесчестит меня, а я терплю и хожу с высоко поднятой головой, изображая, что живу смело, свободно и красиво. Мы сами делаем из мужей богов, а они, возгордившись, нас же предают и топчут».

«Я тоже не была избавлена от подобных унижений, потому-то многое в своей жизни проворонила, пропустила, на-

писала начерно, а надо было бы сразу начисто, – словно пытаясь своей бедой ослабить боль Ирины, говорила я. – А та... хоть хороша? Оглушительно красива?» – спросила я тихо, осторожничая.

«Не так чтобы... на любителя. Не скульптурная красота. Наглая, резкая, прожжённая женщина, далеко не молоденькая. Самовлюбленная, королевой себя держит. Но он перед ней стоял на коленях и говорил: «Вот перед кем я могу склонить свою непокорную голову. Ради тебя я без сожаления брошу всё, что мне когда-то было дорого: мечту, веру, семью». Книжные слова, много раз повторяемые...»

«Эта женщина из тех, что восклицают: «Где мои мужчины? Где мой верноподданный народ!» И те сбегаются как мухи на мёд. А она уж из них выбирает». – Я опять попыталась пошутить.

«Семья, доверие. Да было ли всё это ему на самом деле когда-либо дорого? – болезненно сжавшись, пробормотала Ирина. – Правильно говорила моя мама: «В любви, как и в диагнозе, главное не ошибиться».

«Ей виднее, она же у тебя врач, – улыбнулась я, обнимая подругу. – Некоторые мужчины стремятся к тому, что им недоступно. Их притягивает призрачное, несбыточное, с их точки зрения, неземное. О эти чары непредсказуемых долгожданных удовольствий! Холодные загадочные стервы их с ума сводят. Сами-то мужики земные, обыкновенные, но желают небесного, фантастического, эфемерного. Умные и хит-

рые женщины, зная мужскую психологию, умеют это использовать: включают рычаги «влияния» и предоставляют требуемое».

«Борис как-то сказал, что если бы встретил ещё одну подобную, опять пошёл бы за нею, потому что такая женщина – праздник. А в чём ее праздник? Не знает быта, не обременена детьми? Раскованна, живёт ради секса? Кутит на чужие деньги? Хотела бы я её увидеть дома одну, без мужчины. Думаю, она наверняка злая и тоскливая. А что мой муж сделает для такой женщины? Да ничего! Не женится же. Потешит себя, бросит ей к ногам наши общие деньги – герой! – ползает перед нею на коленях и домой вернётся. Всю жизнь так жить невозможно. Только он мне после этих игрищ тоже не нужен! Принять его назад? Ни за что! Обидно, что история моей любви и жизни с Борисом оказалась такой тривиальной. Боже мой, что за всем этим стоит?!.. За что?!» – упавшим голосом спрашивала меня Ирина.

А я отвечала: «Не казись. Ревнивая растревоженная память похожа на шар. Куда ни пойдёт, всё равно вернётся в ту же точку, откуда начала движение, к той беде, которую ни забыть, ни вычеркнуть. Не спрашивай у Всевышнего «за что?». Этот вопрос обращён в прошлое. Попрошай «зачем? для чего?» И смотри в будущее. Не дай гневу и обидам поглотить тебя».

«Я не могла бы оставить семью, изгваздать её... В моей жизни всё обязательное, а у него только желаемое, говоря

языком спортсменов, – показательное выступление, произвольная программа. А это совсем другая система ценностей. После подсмотренной встречи на пляже я каждую ночь просыпалась на отдельном диване в ледяном поту и в слезах. В голове тяжело шевелились, перемалывались и пульсировали мерзкие обидные эпизоды... Они вызывали во мне тошнотворное отвращение. Я много думала... И поняла, что Боря не из тех мужей, потерю которых можно остро и больно почувствовать. И сама поставила точку в наших отношениях.

Я так и не поняла, куда вела Бориса эта странная, неодолимо безжалостная влюбленность? Почему, бегая за этой женщиной, он не испытывал колебаний, почему не считал себя предателем? Чем эта женщина его изумляла, притягивала? Ведь знал, что с нею его ждёт унижение, и был готов к нему? Ему достаточно было мечтать о ней, ползти за ней? Рабская любовь к недостижимому, труднодостижимому? Это же не любовь, а дикая, звериная страсть, лишённая нежности, трепетного обожания! Этого ему не хватало в нашей семье? Он любил в ней её опытность, злость, язвительность, её бесчисленные связи с другими мужчинами – то, что нормальный человек должен ненавидеть. Ничто в ней не останавливало, не отталкивало его. Что она давала Борису? Почему он так к ней рвался? Почему сходил с ума? Это просто голая страсть достижения победы? Может, отвергая духовность в любви, он стремился достичь максимума в телесном вождении?

Как, в какой момент возникает такая странная влюблен-

ность? Может, она всегда была в голове Бориса и только ждала объекта приложения? Он считал себя эксцентричной натурой? Он зомбирован своей страстью, как игрок? Кто их познакомил, кто внушил ему, что она представляет собой что-то особенное? Почему он не смог устоять? Не хотел? В ней было нечто, на что слетались мужчины? Что представляет собой это нечто? Невероятный взлет бесконечной вселенной чувственности? Иррациональная любовь другого измерения? Это вопрос особенности путей достижения мужского оргазма, основанного на способности к ярким фантазиям? Это Боря искал в той женщине? Нашел ли? Мне он не ответил. Может, даже максимально распалив себя, но не достигнув желаемого, он не мог в этом признаться, потому что самолюбие не позволило?

Я видела фильм, в котором женщина доводила жажду мужчин обладать ею до иступления, месяцами не допуская к себе, но обнадёживая и выманивая у них огромные деньги. Так она разжигала их желание. Добившись, многие были недовольны её холодностью, но помалкивали, провоцируя своих знакомых на те же «подвиги» тем, что страшно гордились, что были её любовниками, что обладали ею. Может, и эта проститутка ведёт ту же игру, внушая и обещая мужчинам неземной рай? И накал их телесных чувств чаще всего уже не зависел от того, что они получали от нее на самом деле. Я же тоже любила человека, который не заслуживал высоты моей любви».

«Я знаю женщину, муж которой ежедневно доводил её до состояния блаженства. Он и не догадывался, что особенный. Думал, все мужчины такие...», – зачем-то сказала я.

Ирина остановила меня:

«Понимаешь, эти мысли делали мне больно, но не подталкивали действовать. Оступение, что ли, меня сковывало? Себя ли винила? Я словно боялась подвергнуть случившееся глубокому анализу и принять радикальное решение. Я не пыталась привести в порядок свои мысли. Гиблые эмоции владели моим разумом. Я страшно мучилась обидой и непониманием. Психологи и невропатологи в такой ситуации не советуют молча глотать обиды, утверждают, что надо больше говорить с мужем, чтобы не получить наслоения обид типа торта «Наполеон». А как его заставить говорить, если он не хочет, они сами не знают. И хотя чары любви развеялись, я убеждала себя, вопреки очевидным фактам, что нельзя, чтобы случившееся ворвалось в нашу жизнь и разрушило её. Никому не хочется верить в горькую правду. И я пыталась скрывать от самой себя то, что узнала о муже. Потребность сердца в любви бесконечна. Её и так нам постоянно не достаёт. И я страшилась потерять свою».

«Сердце без любви что алмаз без огранки», – соглашалась я.

«Мне так хотелось чувствовать тепло простой мужской нежности! Как же жить без любви, ведь она придаёт смысл всему, что мы делаем. Как трудно, оказывается, быть люби-

мой... Все трагедии возникают и настаиваются на любви и нелюбви. Боже мой, почему всегда кажется, что такое может произойти с кем угодно, только не со мной?! Но, видно, подспудно я уже понимала, что это начало конца, потому что беда, как я её ни маскировала своими логическими построениями, вылезала из всех щелей моего сознания, преследовала ежеминутно... Но я еще хотела быть рядом с любимым, единственным...»

«Все мечтают об единственном, ищут и не находят», – встала я на защиту неудачливых.

«Я испытывала робкое посвящение себя любимому как наивысшее блаженство... В угоду Борису я забывала свои привычки и желания, даря ему каждую свободную минуту. Я ни в чём не могла ему отказать. А как же иначе, если любишь? Доверие – стержень семейных отношений. Иначе лучше не жениться, чтобы не мучиться, – считала я. – И моё искреннее доверие не осталось безнаказанным...»

Теперь меня бросает то в жар, то в холод, я вздрагиваю от каждого телефонного звонка. Я постоянно пребываю в прострации, в сотый, в тысячный раз проигрывая в памяти сцену, увиденную на пляже, и моя обида нашептывает мне мрачные советы. Ревность – всегда путь к беде, но от неё невозможно избавиться: она мучает, гложет, убивает. Личная жизнь для меня сомкнулась в сплошную глухую зону обид. Я заблудилась в ней. Время ожидания мужа с работы – слишком жестокое время. За один миг испуганное вообра-

жение успевало пролететь бездны чёрного отчаяния, унося меня в самую гущу безжалостного ужаса. Я задыхалась от безысходности, проводила наждачным языком по небу пересохшего рта и не могла вымолвить ни слова. Не было сил даже стонать. Я вся была комочком боли. Боже мой, какая мука ждать и не верить. Она горше смерти. Каким эликсиром исцелить выжженную бесплодными ожиданиями душу, чем её заполнить? Мой главный мучитель – надежда.

... Часто ли для Бори «законом жизни становилось неверное сердце», я не знала. Но это уже было неважно. Одна из величайших тайн жизни – беспредельное желание единственной, при полном безразличии к другим, ему была недоступна. Он претворял в жизнь собственные навязчивые представления и преобразовывал кризис своей личности в мои мучения, в боль, от которой заходило сердце и туманились мозги. «Как он мог требовать от меня то, чего сам не умел потребовать от себя? Разве может интеллигентный человек так себя вести?» – думала я. Во всяком случае, при всех его недостатках, я раньше считала его таковым.

Боря обрёл меня на унижительное существование. Я не знала, как обезопасить себя, как сбросить бремя горьких обид и отмахнуться от унылых и скорбных мыслей. Я понимала, что ревность – патологическое проявление любящего сознания, искажённого болью обид. Но непомерные страдания поглощали меня целиком. Я находилась в каком-то полубморочном состоянии, была нервной, дерганной, делала

бесмысленные вещи. Я старалась уклоняться от обид, отдаваясь мутному потоку ежедневных забот, успокаивала себя своей жертвенностью, довольствовалась малым, но это не приносило облегчения. Неясность, неопределённость нагнетали депрессию. Медленно тянущееся время ощущалось как физическая боль. Иногда я чувствовала кратковременную смертельную ненависть к своему обидчику и угнетателю. Она еще больше обессиливала, и тогда я тонула в сером малопроницаемом тумане своей тоски.

Считая мужа незаслуженно без меры осчастливленным, я попыталась победить свою боль гневом, но не смогла. Не хотелось жить. Мечталось исчезнуть мыслями в недавнем прекрасном прошлом – в детстве. Вспоминала свои поездки к бабушке в Сибирь. Знаешь, я где-то читала, а потом многократно испытывала на себе... что если долго глядеть на мир из окна движущегося поезда, то забываешь о себе. Остаётся только то, что видишь: горы, реки, поля... И вдруг краем сознания замечаешь, что за окном непостижимо прекрасный пейзаж существует без тебя и потом будет существовать без тебя... И если вдруг... то в мире ничего не изменится, кроме того, что сынок станет несчастным в бесприютном окружении чужих людей. А это уже совсем простая, не требующая осмысления концепция...

Я испугалась и пошла на попятную. И хотя чувствовала себя предателем, решила, что соглашусь со всем, что бы Борис ни предложил. Думала: «Что я натворила? А как же

сын будет без отца? Может, муж больше не станет переступать черту?» А он даже не обещал. Говорил, что жизнь по наезженной дороге неинтересна, что совершать безумные нелогичные поступки – это счастье. «Ну и совершай их сколько хочешь, только без меня. Делай что тебе нравится и только собой плати за это», – отвечала я. А сама себе противоречила, закрывала на всё глаза до тех пор, пока не поняла, что ничего уже нельзя улучшить.

Это же безумие, когда все помыслы сосредоточены исключительно на одном человеке, а остальной мир просто перестаёт существовать... Но ведь ребёнок... По правде сказать, я потеряла всякое чувство реальности. Я словно была на грани... Никогда не ожидала от себя такого. А может, эта паразитическая особенность моей души ниспослана мне свыше?.. Конечно, Богу можно вечно поклоняться, Он неизменен. Но воспитание... Я уже не знала кому направлять свои молитвы и просьбы о помощи. В моей голове всё перепуталось: ребёнок, муж, попытки верить в непонятное... Глупо творить из объекта своей любви кумира, тем более что моё чувство привязанности, испытываемое к мужу, постоянно наталкивалось на чинимые им препятствия, – говорила Ирина, нервно проводя рукой по лбу, точно стирая с него тоскливые мысли. – Смешно, но Борис ревновал меня даже к сыну. То же отклонение? А еще он говорил: «То, что я прощу любому, лишь тебе я не прощу», – добавила она со странной улыбкой.

«Это объяснимо. Когда мужчина сам легко идёт на вре-

менные связи, он подозревает, что его жена такая же, как он, лживая, готовая переметнуться к любому, кто её позовёт. Гуляки – самые страшные ревнивцы. «А может, – думает он, – она, как и я, гордится своими победами и тем уже счастлива?» По себе меряет. Интересно, был бы Борька так же счастлив на стороне, не имея надёжного тыла – верной жены?»

«Как на духу тебе скажу: в Борисе есть что-то такое, что я не могу ни понять, ни забыть, оно влечёт меня к нему. Мне не дано это осмыслить. Видно эта премудрость для избранных. Он взглянет на меня... поверх головы – и меня нет. Уничтожает... Говорят, «можно любить и цепи свои, и око-вы»...

«Плоха любовь, если она рабски связывает по рукам и ногам. Как крепка бывает железная клетка человеческих страстей и пороков! – сочувственно заметила я. – Только мне кажется, что не Борька к себе притягивает, а твоя любовь как магнит влечёт тебя к нему. А это разные вещи».

«Я была несчастна с Борисом. Но теперь, когда я в мыслях уже одна, мне всё равно невыносимо тяжело и кажется, что душа расстаётся с телом. Он же часть меня самой, а я хочу его отрезать. Я слышала, будто подсознание не знает логики. Наверное. Меня оно завело в непролазные дебри...»

«Не волнуйся, время лечит. По себе знаю», – успокаивала я Ирину.

«Мне всегда хотелось подтверждения Бориной любви, а

его непонимание и главное нежелание изводили меня. Душа моя жива, пока в ней есть любовь. Тогда есть чем жить и для чего жить. Я живу своей и его любовью ко мне. Мне надо, чтобы меня любили и доказывали это. Но навязать любовь нельзя. Ссоры всё больше разрушали наши отношения. «Зачем ему нужна жизнь, омраченная бесчисленными скандалами?» – горестно недоумевала я. Борис довёл меня до чего-то такого, чему и названия нет в русском языке. По крайней мере, я не знаю такого медицинского термина. Я думала: придёт ли для него время беспощадного неумолимо-отчаянного раскаяния? Не пришло. Наша вера – вечная инфекция идеалистических соблазнов!.. Возможно, ему казалось, что моя любовь беспредельна, но она оборвалась, истаяла, истлела вместе с верой в его любовь... А хотелось, чтобы мы как две яркие звезды горели одинаково и одновременно. Несбывшаяся мечта.

Боже мой, семь лет непереносимых кошмаров! И ради чего? Такого варианта своей жизни я не предусматривала. Я считала замужество одним из главных прекрасных моментов жизни. Но счастье требует от обоих партнёров высокой внутренней культуры. И почему, чтобы что-то изменить в лучшую сторону, нам обязательно нужны трагедии?.. Потом я словно прозрела. Весь мир стал иной, и я смогла преодолеть себя. Я ушла от Бориса и считала, что больше не отрекусь от своего решения. Наверное, это был акт отчаянной храбрости, а может, просто непредсказуемый жест безысходно-

сти. Иногда мы совершаем важные шаги, даже оказываясь в условиях совершенной обезличенности, или когда вдруг на какой-то момент нам кажется, что мы олицетворяем что-то очень значительное – допустим, оберегаем детей – и это служит нам источником силы и вдохновения. Правда, ненадолго...»

«А некоторыми руководит лишь подленькое желание расчитаться с кем-либо за свои неудачи. Но я думаю, что подобные желания, как правило, не доводят до добра. Такими людьми движет внутренняя потребность любым способом защитить себя, даже неправого. И это прискорбно. Вражда в любом случае губительна. Но во имя мнимого добра тоже совершается много зла. Ловушки всегда открыты. Но ведь можно туда и не войти...» – говорила я Ирине общие фразы. Но они не отвлекали её.

«Подумать только, неужели я когда-то видела в Борисе самого главного для себя человека? Я разве что не молилась на него, а он растоптал мою любовь. Я желала нежного проникновения в души друг друга: прикоснуться, взглянуть, улыбнуться – и вот оно счастье! Он же не чувствовал его, не подпускал к себе, отталкивая грубостью, капризным упрямством. Скажу больше: основные атрибуты возбуждения моего мужа – слова. Боре требовалось, чтобы ему каждый день во весь голос кричали «Я люблю тебя!». А мне казалось, что любовь не нуждается в громких воззваниях, что они её огрубляют, упрощают. Истинные чувства в повсе-

дневной жизни должны проявляться скромно, нежно. Моя любовь к Борису была музыкой в душе, у меня к нему было столько нежности! Я окутывала его ею как облаком и стремилась унести с ним в небо. А он не улетал... Ему нравилось, что я люблю его, и этого ему хватало. В этом он видел свое наслаждение и счастье. «Я же прихожу к тебе ночью. Я молодец. Я муж, я Бог, я твой! Хвали меня». Но такое же удовольствие, но более сильное, он испытывал от того, что нравился другим женщинам, тем, «особенным».

«Я знаю мужчин, которые не замечают красоты природы. Она им не нужна. Они глухи к ликующим звукам природы. Это вовсе не значит, что у них нет чувства прекрасного. Они не ощущают себя обделенными, потому что любят что-то другое. Например, какие-то виды музыки, литературы. Они хорошие люди, у них работа, семьи. Может, вот так же некоторые люди не замечают красоты чувств другого человека, потому что сами их не испытывают», – предположила я.

«Но это же трагедия! Любовь – это вершина положительных человеческих эмоций. Даже обезьяны проявляют нежность друг к другу. Мне иногда хотелось, чтобы он просто обнял меня, прижал к себе, сказал доброе слово. Я устала, мне грустно, мне нужна моральная поддержка, а он не понимал и опять предлагал постель как замену всех возможных чувств, которые он не испытывал и поэтому считал выдумкой, ахинеей. Для него проявлением любви мог быть только секс. В моей любви Борису трудно, он в ней словно по глубо-

кой воде ходит. Она мешает его свободному передвижению.

Я вдруг представила нашу дальнейшую жизнь: женщины зовут Бориса и он, подчиняясь животному зову плоти, идёт за той, какая заывает призывнее. Всегда кто-то будет его притягивать, и всегда он будет куда-то бежать. Пока не постареет. А дома его должна ждать верная жена, которая обязана принимать его, от кого бы он ни приходил. Она нужна ему вместо мамы, – ей надоело с ним возиться, – как домработница, как необходимое приложение, которое можно использовать в любых жизненных ситуациях и так, как ему заблагорассудится. Вот что он видел во мне. А я искала в нём глубину и не находила. Я считала, что прочные отношения не могут опираться только на секс. Я верила, что надо идти по жизни с постоянным чувством высокого и прекрасного... Боже мой, в каком угаре я жила! Зачем столько лет несла груз внутреннего разлада? Кому я отдавала свою любовь? Он же примитивный. У него абсолютно нет уважения к чужой жизни, к чужой душе. Получается, что я вовсе не умная...»

«Любовь иногда оглушает, – грустно подтвердила я Ирину острожное предположение. – Главное, чтобы ненадолго».

«Когда я покинула Борю, он продолжал преследовать меня, поддразнивать, подковыривать, устраивать грандиозные скандалы, не стесняясь соседей. С каким трудом я выпроваживала незваного гостя! А ему было забавно моё горе. Он настойчиво и страстно втолковывал мне, что я дура, что мне

надо развивать свои мыслительные возможности. А я училась в ответ холодно усмехаться. Он сделал унижение меня одним из самых острых, самых сладостных своих развлечений. Даже пытался руки распускать, похоже, забыл, что я спортсменка. Донимал и по телефону. Номер пришлось сменить. Борис мстил мне за уход, потому что он не из тех, кто прощает. Как я посмела оставить его, такого богатого и красивого! От злости он приходил в бешенство, терял голову».

«Далеко не образец утонченности», – прокомментировала я слова Ирины.

«Когда я первый раз огорошила Бориса своим решением, он обрушил на меня лавину гадостей, а я лишь вяло огрызнулась, потому что не хотела продолжения ссор. Я устала от них. Сказала – отрезала. Конечно, Борису, как виновному в происшедшем, разумнее всего было бы самоустраниться, но не по силам ему было преодолеть свой эгоизм. Раненое самолюбие руководило его действиями. Неужели он не мог трезво оценить своё поведение? Собственно, чему я удивляюсь? Мне моя любовь туманила мозги, ему – себялюбие... Многих скорбных размышлений стоил мне этот шаг, но я перешла Рубикон. На деле это оказалось много труднее, чем в мыслях. Я точно вытаскивала из сердца огромную занозу. А Борис понятия не имел о сострадании, сопереживании. Лишившись своей привычной игрушки, он стал ещё более неистов, груб, непримирим, уничтожал меня гадкими словами, лгал, оговаривал, оглашая руганью весь подъезд. В об-

щем, спускал на меня всех собак».

«Это уж как водится», – грустно усмехнулась я, припоминая свои жизненные коллизии, и смахнула с щеки слезу своей боли.

– Лена, ты же понимаешь, что нам с Ириной нечего было стыдиться друг друга. Мы обе на тот момент были безумно одиноки. Слушай о чём она поведала мне дальше:

«...Борис растоптал мою душу. Я не могла сомневаться в свидетельстве собственных глаз и ушей и больше не хотела мириться с ложью. И тут вовсе ни при чём то, что я одержима жаждой справедливости. Сколько из-за Бориса на меня обрушилось непоправимо жестокого! Он так круто изменил мою жизнь, что я сама уже стала задаваться вопросами «а что дальше?», «моя жизнь – кучка пепла?», «я никогда с ним не обрету покоя?», «мне стыдно и за него, и за себя?» «Это не пустые слова, с меня хватит, я не собираюсь отступать! У меня уже нет ни малейших сомнений, что я смогу, устою. Я слишком долго откладывала кульминационный момент, но теперь он наступил. И это правильный ход. Теперь каждый сам за себя, и уже никто не сможет меня переубедить в этом. Наши отношения исчерпали себя», – убеждала я сама себя.

«Предай их забвению», – поддержала я Ирину.

«Я не допущу издевательств над собой. После измен Бориса в моем сердце больше не существует алтаря. Мы разошлись настолько, что уже никогда не сможем дотянуться

друг до друга, и это, наверное, к лучшему. Может, и правда, лишения и беды учат мудрости...», – думала я, ещё не предполагая, какую огромную часть своей души придётся потратить на ликвидацию последствий распада нашей семьи».

В голосе Ирины не звучало ничего похожего на воодушевление. Она констатировала неизбежное, необходимое, но такое трудное для неё, выстраданное решение, и явно не ждала с моей стороны каких бы то ни было комментариев. Она хотела выговориться, ей нужен был терпеливый, внимательный слушатель её длинных бессвязных монологов. А я и не собиралась попусту трещать. Не та ситуация.

«Инночка, я так устала. Мне надо дать короткую передышку своему измученному сердцу, отдохнуть от Бориса и от самой себя. Единственный, кто меня сейчас волнует, так это сынок. Но он меня понимает и одобряет. Ему, наверное, тоже хотелось бы радоваться при виде отца... Конечно, желательно переменить сыну обстановку, свозить его куда-нибудь отдохнуть, но это невозможно. Мне неловко перед тобой. Расхныкалась. Раньше я считала себя сильной. Но такой я была, когда дело касалось меня одной».

«Расскажи это кому-нибудь другому. Моё сердце, не однажды иссушавшееся скорбью, неспособно осуждать другого бедолагу или тяготиться чужим горем и слезами. – И я увлекла Ирину в водоворот своей гораздо более неудачной жизни. Ведь у нее был ребёнок – её счастье. – Ты не можешь упрекнуть себя в несправедливом отношении к Борису. Что

открылось тебе в браке? Нельзя любить человека, который не умеет управлять своим настроением, который тебя уничтожает. Но сравни свою беду с горем матерей, потерявших детей, и пересмотри взгляд на своё несчастье.

Поведение Бориса – факт его биографии, а не твоей. Ты не должна строить свою жизнь исходя из его прихотей. Выплачься всласть и суши вёсла. Отпевать тебе себя ещё рано. Нельзя от себя отрекаться. Сделай небольшую передышку, только ненадолго, не продляй переживания, а то они затянут тебя в тоску – имею опыт, – и в бой за лучшей долей, – энергично советовала я Ирине, настраивая её на оптимизм. – Для того чтобы смягчить горечь жизни, нам дарованы три очень даже полезные вещи: сон, смех, пусть даже ироничный, и работа. Вооружайся ими до зубов, мудро принимай изменяющиеся обстоятельства, меняйся сама. Я понимаю, во многом ты сейчас не согласна со мной, но пройдёт время, и ты поймёшь, что я была права. Одна знакомая как-то сказала мне: «Я дошла до бездны, убедилась, что там нет ничего интересного и в обратный путь пошла дорогой юмора и иронии».

«Знаешь, слыша наши ссоры, одна соседка все время толковала мне о длительном страдании. Она призывала к продолжению добровольного самоистязания. Не понимаю, почему я должна искупать грехи мужа? А другая соседка советовала мне простить его. Мол, поменьше выступай, прощение – это прекращение отрицательных эмоций к этому человеку. Нет обиды, нет и губительных чувств. Ты даже отдалённо не

представляешь, насколько это верно. Возможно, она и права, но я же не могу мгновенно задавить в себе все свои негативные чувства. Я совсем запуталась. Столько свалилось на меня... Я в смятении хватаюсь за голову... Может, соседки зря суются не в своё дело? Беду не разгребёшь чужими руками. Ты, Инна, единственно разумная женщина, я тебе доверяю. Конечно, ещё и мама. Но она предвзята, потому что очень любит меня».

«Непозволительная роскошь жить в зле и ненависти. Лучше разбежаться. Я никогда не растягивала подобные «удовольствия». Говорила себе: «Когда?» И сама себе отвечала шуточной фразой: «На днях... или раньше». И вперёд! Я не сомневаюсь, что твоя мама со мной солидарна».

«Ты права. Боже мой, Боже праведный», – застонала Ирина и бурные слезы опять полились из её опухших глаз.

Вижу, Ирина совсем до точки дошла, раз Всевышнего на помощь призывает. Я сама была в панике, но всё больше и больше воодушевлялась, желая спасти подругу. Я чувствовала себя вовлечённой в проблемы жизни Ирины и потому ответственной за ее решения. «Так вести себя с беззаветно любящим тебя человеком! Даже немой в такой ситуации способен изречь слова сочувствия!» – заводилась я. Конечно, я понимала, что, берясь помочь ближнему своему, надо трезво оценивать свои возможности и делать всё так, чтобы помощь не привела к недоразумениям и обидам. В этом залог успеха «скорой помощи». Я не собиралась улаживать и при-

водить к общему знаменателю отношения Ирины с Борисом. Я разговаривала с ней достаточно резко и определённо. Иногда это действует как сильное лекарство и оказывается более уместным, чем всякие «сю-сю и лю-лю». Я была совершенно уверена, что помогает не тот, кто плачет вместе с обиженным, а тот, кто действует, кто добавляет бодрости и уверенности. Моя позиция была сильна. Я имела достаточно большой опыт по части приведения в чувство подруг после подобных трагедий. И это давало мне право презирать мужчин и быть беспощадной к женским слабостям.

Прежде всего, я плеснула Ирине в лицо холодной водой. Точнее сказать, окатила её, чтобы прекратить бурные слёзы. Тому, кто бьётся в истерике, бесполезно советовать взять себя в руки. Человек в таком состоянии ничего не воспринимает. Потом я заговорила чуть грубовато, без приторных нот:

«Не лезь в бутылку. Перестань причитать и копать в своих переживаниях, ты слишком склонна к рефлексии. Не растравляй себя, заканчивай путешествие в страну абсурдов, спустись на грешную землю. Не тешь себя иллюзиями, не подсчитывай моральный урон. Постарайся в полной мере осознать поистине животворное значение этого исторического момента в твоей жизни. Жизнь так устроена, что радость редко ничем не омрачается, безоблачное счастье обычно бывает кратковременным, но пусть это не вселяет в тебя страх, не стоит заранее мучиться всеми грядущими бедами. Живи настоящим, строй его по собственному разуме-

нию. Как говорится, если пришло время бить в набат, так бей. Выдержи характер, будь твёрдой до конца.

Рано или поздно тебе всё равно стало бы невмоготу и пришлось бы пересматривать свои взгляды на вашу жизнь. Ты же осознаёшь, что ваше счастливое будущее, мягко говоря, уже под огромным вопросом? Разве ты не сыта по горло фокусами мужа? В твоём отношении к нему остались только жалость, сожаление и обиды – всё что угодно, только не любовь. Счастье не должно состоять из одной боли, потому что это уже не счастье. Разве ты чувствуешь себя с Борисом спокойной? Уверенность в завтрашнем дне вытекает из твоих размышлений? – долбила я вопросами Ирину. – Что пригорюнилась? Не поддавайся эмоциям. Один раз на все случаи жизни планы не заготовишь. Прочитанные страницы надо уметь переворачивать. Не собирай осколки, которых уже не склеить. Отстранись от Бориса, вычеркни его из жизни. Правильно сказала тебе соседка: к чему вновь и вновь переживать сердечную боль? И Борьке более чем полезно получить щелчок по носу. Небольшая встряска ему не помешает, может, образумится, одумается. Хотя в этом я как раз очень сомневаюсь. Мы не «чеховские интеллигенты» и должны чётко понимать происходящее. Теперь, когда для тебя всё прояснилось, ощути смехотворность ваших отношений. Разве ты много теряешь? Сделай шаг в сторону, а на самом деле он окажется движением вперед, к новой жизни. Развод – поворотная точка в твоей судьбе. Измени тактику своего пове-

дения, возьми всё в свои руки. Будь готова к любым трудностям. Ты умная и сильная женщина. Это мужчины могут позволять себе жить по принципу «будь что будет». Я склоняюсь к мысли, что не повредит тебе задуматься и о своём здоровье, оно тебе необходимо для воспитания сына. И твоя задача, среди многих прочих, не забывать о карьере. (*Как невообразимо многословны эмоциональные люди!*)

Не стоит сокрушаться из-за несовершенства окружающего мира. В одиночку нам его не изменить, но в свою жизнь мы обязаны вносить существенные коррективы. К сожалению, менее сложные люди часто уничтожают более глубоких и тонких. Жизнь, если задуматься, вообще штука несправедливая, а любовь между мужчиной и женщиной – до сих пор неразгаданная тайна. Эти отношения – вечный замкнутый, часто порочный круг. Ладно, обойдём эту тему стороной. Сделай над собой усилие, отбрось всякое беспокойство по поводу мужа – допёк уж! – и пусть тебя больше не одолевают демоны абстрактного философствования, старайся не подпускать их к себе на расстояние выстрела. Хватит, настрадалась. Твоя любовь сопровождалась болью, стыдом и злой досадой. Разве этого тебе мало для понимания? Есть слова: «выстрадать свое счастье», а ты ради чего страдаешь? Может я чего-то не знаю? – распекала я Ирину. – Зачем тебе всё это «добро»? Ждешь, когда зловонные миазмы лжи окончательно погубят тебя? Мне еще привести аргументы в пользу развода? Махни на Борьку рукой. Пойми, чувство собственного

превосходства – хотя бы в чём-то – чуждо обиде, поэтому-то оно иногда полезно, а может быть, даже в некоторых случаях необходимо. Вспомни, какой ты была: прелесть девчонка, умная, уверенная в себе! Подумай, в чём ты лучше мужа. Оцени его ничтожность. Положи всё это на весы и убедись, что он не стоит тебя. Не реви. Ты понимаешь меня? – тормозила я Ирину. – Не опускай рук, успокойся, наведи глянец на физиономию и начни новую самостоятельную жизнь. Как говорят сильные люди? «Хочешь войны? Ты её получишь!» Но ты готовься к бою в первую очередь с самой собой. Победив себя, ты победишь Бориса и любого, кто ещё встретится на твоём пути».

Я и сама тогда не подозревала, какие пророческие слова произносила.

«Хотелось бы не согласиться с тобой, но боюсь, что у меня на самом деле уже не получится вернуться к прежней жизни рабыни», – пролепетала Ирина, всё ещё не избавившись от слёз.

Она понимала, что, несмотря на примитивные понятия, к которым мне приходилось прибегать в нашей беседе, я была близка к истине.

«Говорят, – продолжала я бомбить подругу, – что мужчины, когда их отвергают, нарочно отыскивают в женах мелкие недостатки и, раздувая их в своём воображении до невероятных размеров, принижают ими, чтобы было легче пережить разрыв. А я тебе предлагаю честную арифметику. И

ещё запомни: чувство осознания собственного ничтожества необходимо только для понимания пределов возможностей твоего терпения, иначе в критике себя можно дойти до грани, до полного разрушения своей личности. Что расквасилась? Оглянись, кем ты стала? Ты же молодая и красивая, у тебя всё впереди. Горе, с моей точки зрения, обязано высекают искры, а не источать слёзы. Но искры высекают только сильные личности. Вырви Бориса из сердца. Повторяй чаще: «Он подлец, подлец, подлец...» Смотри не возвратись к прежней жизни, а то потом об этом очень пожалеешь. Попытайся начать всё сначала, займись тем, что радует душу. Так будет лучше для тебя же самой. Ну, так как, Ирина? Мне станет легче, если я смогу хоть что-то для тебя сделать. Пусть наша встреча станет началом возврата тебя к себе прежней».

Много чего я наговорила Ирине. Но ей нужно было время, чтобы переболеть своей бедой. И дело тут даже не в том, что она очень долго страдала – такое нередко случается со многими из нас, – ей надо было окончательно решиться поменять судьбу. Но трудно достигнуть ободряющей объективности человеку, обладающему на тот момент отрешённой созерцательностью и когда в голове творится хаос. Я понимала, что время для строгого анализа было не вполне благоприятным. Перед тем как совершить решительный шаг, Ирине для начала требовалось выплакаться и трезво оценить ситуацию. Именно поэтому в ответ на мои резкие слова она только тихо пробормотала:

«Свергают тирана, когда ненавидят, а я не могу ненавидеть Бориса. Я только в своём обиженном воображении готова разнести в щепки всё, что с ним связано... Я не отвечаю за весь мир, за насилие в целом, я всего лишь хочу, чтобы в моей семье не было лжи».

«Все хотят, – ответила я резонно. И добавила шутливо: «Только ведь ты знаешь, что невозможно построить коммунизм в отдельно взятой стране».

– Глядя на страдания Ирины, я ощущала бессильную ярость и подкрадывающуюся тошноту, потому-то и сама заплакала, чем невольно помогла подруге расслабиться. Мне неловко признаваться, но я на самом деле тогда испытывала к Борьке удушающий спазм ненависти. Бедная Иришка! Лена, ты же, как никто другой, знаешь, что люди тонкой душевной организации много видят, остро чувствуют, их терзают многочисленные противоречия, они лезут в подробности, когда это меньше всего нужно. Помнишь прекрасную книжку «Физики шутят»? Там была великолепная фраза о внесении бесконечно малых величин в бесконечно большие государственные дела одним великим математиком, которого сделали чиновником. С Ириной, с некоторыми поправками и допущениями, по сути дела, происходило то же самое. Она стремилась подходить ко всему детально, подробно, на «молекулярном уровне». Но мелочи запутывают, делают людей нервными, неприспособленными к жизни. Им не хватает

умения просто и объективно констатировать факты, мгновенно делать необходимые выводы. У Ирины именно такая надрывная сентиментальность. И как она при такой чудовищной чувствительности могла достичь огромных успехов в спорте? Наверное, любовь к мужчине – отдельная строка в человеческой психике.

Как-то я, не подумав, спросила Ирину: «Не покажется ли тебе нескромным, если я спрошу: устраивает ли тебя Борька? Может быть, в силу своих консервативных сексуальных предпочтений ты сама не склонна...» Тень неловкости прошла по лицу Ирины, и я не смогла продолжить разговор. А ведь меня трудно смутить чем бы то ни было, я привыкла выспрашивать больше, чем допускают рамки приличий. Но тут растерялась и замолчала. По натуре я неисправимый любитель суматохи, обожаю чужие драмы – своя-то жизнь серая, – но тут меня нимало не позабавила роль утешителя. Успокаивая Ирину, я неожиданно для себя довольно остро испытала неприятное чувство полной её беспомощности и Борькиной безнаказанности как свою беду. До этого печального случая я об этом не задумывалась. Может, застыла своей болью? Я часто видела в чужих жизнях интересные сюжеты о слепых порывах юности и молодости, так необходимые моему ненасытному любопытству.

Я не злока, но тогда, обнимая несчастную Иру, я определённо думала о том, что не хотела бы быть свидетелем благоденствия её обидчика... Не забываются муки страданий тех,

кто испытал калечащую душу несправедливость. Вот вспоминаю Иру, и темнота её того беспросветного существования переполняет меня. Нет, все-таки хорошо, что Борька так и не сумел тогда внушить и навязать ей своё мнение. Молодец, Ирка, устояла! Судьба дала ей шанс изменить свою жизнь, и она сделала-таки решительный шаг. Ира долго думала о причинах своего неудачного замужества и пришла к казалось бы абсурдному выводу, что не сумела стать любимой потому, что была абсолютно не эгоистична и не расчётлива в любви. Её чувства возобладали над разумом. В человеке всего должно быть в меру, даже доброты. Доля эгоизма обязана присутствовать в характере и защищать от таких вот экземпляров, как Борис. Эгоизм в малых дозах и умеренных пропорциях позволяет трезво взглянуть на ситуацию, сложившуюся в процессе взаимодействия двух индивидов.

Я тогда в шутку сказала Ирине: «Теперь я могу засвидетельствовать, что ты и впрямь поумнела». Она не обиделась, только тяжело вздохнула, будто с сожалением проводила в небытие свою юношескую глупость. Не скрою, в тот момент я почувствовала, что ей всё ещё хочется быть той наивной, искренне любящей девушкой. Но то хорошо, что хорошо кончается. Ирина победила Бориса и, прежде всего, себя».

Справившись со сбившимся дыханием – стенокардия давала знать, – Инна продолжила обрушивать на подруг массу эмоциональной информации.

– Не распознал Борька своего счастья. (*А может, ему не нужно было этого стерильного счастья?*) Конечно, редко кому удаётся прожить свою жизнь без помарок, но когда у человека сплошь одни ошибки, это заставляет задуматься. Ты уже знаешь, что первое время после развода Борис захаживал к Ирине. Болезненное самолюбие разъедало его душу. «Сама ушла! И к кому? Не к маме, самостоятельно живёт». Хотел убедиться, что её мучает раскаяние в своём поступке, хотел позлорадствовать. Какое самомнение! Надеялся, что она прозябает в нищете, сожалениях и сомнениях, думал покрасоваться перед ней.

Возможно, в каждом из нас есть эта глупая, глубоко запытанная зло-вредность – желание сделать назло – и в минуты обид она выплывает наружу. Особенно в детстве. Говорят, что только святые не унижают других. Но Ирине не хотелось унижать Бориса. Она сама была слишком ранима и не могла позволить себе оскорбить даже врага. Она молча закрывала перед Борисом дверь. Может, считала, что выставить человека за порог – лучший способ заставить его поразмыслить о жизни или ей самой нужно было время, чтобы подавить, изжить в себе неприязненное чувство к бывшему мужу, научиться спокойно реагировать на его появление? А он досаждал и досаждал ей своей болезненной назойливостью. Понимал, что с глаз долой – из сердца вон... А вдруг для него самого назойливость была самым простым способом борьбы с оскорбленным самолюбием? Не знаю. Не ве-

рю я в дружеские отношения после развода. Что до меня – это не про меня. Мне кажется, что бывшие партнёры должны исчезать из жизни друг друга навеки. Зачем будить призраки былого, тем более гадкого? Но и собачиться незачем. Всё выяснили, обрубали концы и разбежались. В любой ситуации надо оставаться людьми.

После Ирининого развода я не беспокоилась насчёт Бориса: такой всегда приземлится на чьи-либо молодые длинные ноги или крепкие богатые руки. Так и вышло: он легко и быстро утешился в объятьях очередной жены. Его опять «любовь за собой повела», точнее – очередная влюблённость. Ещё три раза женился. Я склонна рассматривать каждый его брак как попытку удовлетворить свои амбиции. Прошли годы, и перестройка Бориса окончательно сгубила.

– При чем тут перестройка? – не поняла Жанна. – Она ударила по всем.

– Борис не смог выжить потому, что не умел бороться, цепляться за жизнь. Привык всё получать готовым. Недалековидно считал, что административное положение его отца в любой ситуации незыблемо, поэтому и финансовое – непоколебимо. Надо сказать, я не слишком удивлялась, когда жены уходили от него. Они горюшко с ним хватили не по причине голода и холода, а от его стервозного характера. Гоношистый был больно. На пустом месте возносился до небес, хотя своих заслуг так и не заимел. Зная свою неуживчивость, зачем детей заводил? За детские слёзы, за их искалеченные

души нет ему прощения! – вскипела Аня.

Инна продолжила рассказывать:

– Борькина третья жена Новелла жаловалась мне: «Нам, женщинам после сорока пяти лет, когда дети выросли, себя как-то реализовать хочется, а у них, у мужиков, кризис среднего возраста, видите ли, занудствуют, дико комплексуют, стремятся самоутвердиться на стороне, блуд им застилает глаза. И это в лучшем случае».

«А у некоторых, как оказывается, вся жизнь состоит из периодов возрастных кризисов. У нормальной зрелой личности «перепадов» не бывает, их слабаки, неспособные побороть отрицательные черты своего характера, придумали», – одобрила я её мнение.

«Не будем так категоричны. Иногда в жизни случаются очень веские причины для глубокого внутреннего кризиса, – улыбнулась Новелла. – Но мой первый муж тоже только перед пенсией начал оценивать своё поведение и понимать, что не за тем гонялся, не тому служил. А я считаю, нечего всю жизнь спать и просыпаться для семьи только после пятидесяти, а то и шестидесяти, в надежде потом наверстать, потому что «потом» может и не быть... Сразу надо гнать таких мужей из своего сердца, сдувать как ненужную пену с кружки пива. Всем хочется, чтобы душа парила от счастья всю жизнь. Только приходится признать, что непозволительная роскошь иметь много счастья. Но я искала, надеялась. Нашла Бориса, подобрала то, что другая женщина бросила, хо-

рошо пристроила. Думала, осмотрится, попривыкнет и взовётся, взорлит. А я помогу. Возможности были. Понапредставляла, сама себя разожгла. Наконец-то всё честь по чести будет! И опять конфуз вышел. Борис сердце сорвал с петьель на слишком короткое время. Быстро утолил свою жажду любви, недолго был щедрым через край, разыгрывая заботу. Его чувства – буря в стакане воды. Обманулась я в своих ожиданиях.

Ох и досталось мне! На «ровном месте» мог до инфаркта довести. Иной раз голову об стену ему разmozжить хотелось. Его поведение озадачивало и возмущало. Как можно создать в семье атмосферу согласия, если этого добивалась только я? Не хочется вспоминать жуткие дни нашей совместной жизни, не стоил он моих слёз и нервов. Ну, да речь не о том. Такие субчики в принципе не остепеняются. Гнилое семя. Я сама прервала его массированное вторжение в мою жизнь. Потом проходила мимо него с высоко поднятой головой и злорадно думала (прости меня, Господи!): «Нарвёшься на заразу, умоешься слезами. Вот будет интересная парочка – гусь да гагарочка!» Но после меня не нашёл он больше дурёхи, которая бы его содержала и нянчила. Бомжом Борис стал, к вину пристрастился, всё рвался к удовольствиям, которые его убивали. Метался, совсем запутался в своих желаниях. Не зря говорят, что судьба человека – его характер. Его выковывать надо. До пенсии Борис так и не дожил. Жалкий конец. Ни одна из бывших жён не приехала его хоронить», –

закончила свой невеселый рассказ Новелла.

– Неправда, Ирина о нём позаботилась, – возмутилась Аня, тоже краем уха слушавшая историю жизни Бориса. – Сердца Ирина на него не держала. Первой и последней её любовью он оказался, хоть и не достоин был. Но так уж сложилось... Я, наверное, не смогла бы вознестись на такую высоту, чтобы забыть все горести и унижения совместной жизни и ухаживать за прикованным к постели бывшим мужем, столько лет отравлявшим её жизнь. Может тогда, в последние свои месяцы Борис наконец понял, что влюбленность поманит да обманет, а настоящая любовь – никогда.

– Аня, не заскакивай вперёд. Слушайте, что произошло с Ириной после развода с Борисом. Она всё же решилась попытать счастья во втором браке. В незамужней жизни много ли радости? Душе привольно, а сердцу грустно и тоскливо. Со вторым мужем у неё всё обстояло совсем по-другому, но, можно сказать, ещё хуже. Ирина уже ведущим специалистом в НИИ в то время была, но всё бросила и за офицера замуж пошла. Нарисовался он ей некстати. Но, знаешь ли, каждой женщине хочется услышать слова негромкие, неизбитые. Вот он и говорил, что есть в ней и земное, и нечто небесное, ангельское – тут я с ним полностью согласна, – называл её «моя королева». Ирине показалось, что перед ней неожиданно разверзся долгожданный мир блаженства, который залечит её душевные раны. С мамой она не посоветова-

лась, боясь спугнуть внезапное шальное счастье. А та до последнего дня не хотела отпускать дочь, надеялась переубедить, образумить. Чувствовала беду. Ей одного взгляда хватило, чтобы распознать в женихе гения зла. Она сразу оценила его странно обострённое чутье на женские души, его патологическую, сексуальную озабоченность. Но Ирина не поверила, а в итоге мама, как всегда, оказалась права. Быстро офицеру удалось её заполучить, приступом взял. Видимо, психологом был прекрасным. Только хитрым садистом оказался, дьяволом с лицом Аполлона.

Много позже Ира рассказывала мне с непередаваемой тоской, как при виде Юрия, бывшего второго мужа, тёмный страх заползал в самые глубины её души и липким холодом охватывал всё сердце, как впадала она в состояние душевного окоченения. А ему это доставляло безотчетное, какое-то наркотическое удовольствие. Любовь и страх не могут сосуществовать... На год хватило Ирине терпения, беременной на восьмом месяце от него сбежала. Вместе с мамой они двоих прекрасных сыновей вырастили. К счастью, дети и внешне, и внутренне в их породу пошли. По истечении многих лет, все события жизни с Борисом и Юрием кажутся Ирине нелепым нагромождением абсурдов. Страх, рабство, обиды, ненависть знаменовали то сложное время. И только разделавшись со всем этим аморальным хламом, она по-настоящему сумела оценить последовавшую свободу. Теперь Ирина смотрит на всё происходившее с ней иначе, проще. Но

до сих пор не может понять, почему любовь принижала её, лишала уверенности, заставляла так долго терпеть несправедливость. Видно, наше женское сознание слишком сложно организовано. В нём глубоко и неоднозначно переплетены разные его пласты и сферы влияния. И если в мозгу из-за стрессов рвутся или смещаются какие-то связи, то нередко это предвещает изменения и в других областях его деятельности, возможно, даже наступает временное локальное торможение в них электрических сигналов. Здесь даже специалистам непочатый край работы, куда уж нам, сирым.

Я люблю изучать интересные ситуации. Как-то спросила у подруги Альбины Смирновой: в чём причина её долгой и вроде бы достаточно счастливой семейной жизни? И знаешь, что она мне ответила? «Каждый мужчина мечтает, чтобы женщина растворялась в нём. И к чему это приводит, ты тоже знаешь. А моему мужу приходится всю жизнь доказывать, что он стоит моей любви и моего внимания». Я тогда подумала: «Как же надо было суметь сначала принизить мужчину, прежде чем заставить его служить себе? Такое, наверное, доступно не просто умной, но ещё и очень хитрой женщине.

– А вдруг ей повезло найти идеальный вариант? – Это Аня попыталась заступиться за чету Смирновых. Но Инна не позволила.

– Может, у них там всё много проще: муж зависел от её родителей материально или перспективой хорошей должности. Мне встречались такие семьи. В них мужья по струнке

ходили». Но я промолчала, не стала разочаровывать и при-
нижать Альбину в её собственных глазах. Но про одного зна-
кового офицера всё же рассказала. «Подкаблучником был.
Все в семье им командовали: и жена, и дочери. А он, в от-
местку, всю жизнь втихаря погуливал».

Услышав про Альбину, Жанна усмехнулась про себя:
«Совсем не обязательно, чтобы женщина была очарователь-
ной, особенной или слишком умной. Мне кажется, в этом
случае важно, каков мужчина. Знала я одну стерву – лживая
до мозга костей, хитрая, злая и пакостливая, в общем – змея,
ничего собой не представляющая ни внешне, ни внутренне,
блеклая во всех смыслах, но муж обожал её до потери пуль-
са. Она мне по секрету хвалилась, мол, я звезда небесная в
его глазах, такой и чувствую себя. Он каждый сантиметр мо-
его тела обцелует... Не было в том заслуги женщины. Тот
мужчина умел редкостно любить. Видела его в парке с сыно-
вьями: заботливый, красивый. Я намеренно съездила, чтобы
убедиться, что моя знакомая не врет.

Всем нам хочется нежного, ласкового мужа, чтобы насла-
ждаться с ним постоянным осязанием радости, чтобы по-
нимал он милые переливы женского настроения, жалел, це-
нил. Женщина ищет мужчину не за тем, чтобы иногда чув-
ствовать оргазм. Она хочет быть счастливой. Иной прекрас-
ной женщине судьба такое дерьмо пошлёт, что в ноль низве-
дёт он все её достоинства и принизит так, что ей и жить не
захочется. Он только и может, что посягать на её порядоч-

ность, измываться над её добротой и мягкостью. И почему так причудливо тасуются колоды карт... человеческих жизней? Судьба – безусловно, гениальный композитор, только не всем дано суметь прочитать партитуру своей жизни. А некоторые и не изъявляют желание изучать, плывут по течению, не оставляя себе и тени сомнения в правильности выбора, ни минуты не веря в свои способности к чему-то более высокому, не пытаются бороться, ломать барьеры. И тем до минимума упрощают свою жизнь, делают её пустой и примитивной».

И тут же Жанна мысленно проехала в свой адрес: «Я сама придумала или кто-то это нашептал мне на ухо?»

– А недавно Ирина пригласила меня по старой памяти к себе домой. Она была такая домашняя, уютная. Мы были необыкновенно расположены друг к другу, вспоминали молодость. Только своих мужей не касались. Остроумно, но не ядовито перемыли косточки общим знакомым. Славно посидели! – закончила Инна свой рассказ.

Аня слушала и восхищалась способностью Инны не только просто и легко принимать этот огромный странный мир во всем его завораживающем, а иногда и пугающем разнообразии, в который она, очевидно, надёжно встроилась, но и её поразительной готовностью ориентироваться в самом немыслимом нагромождении обстоятельств, объясняя себе и другим их причинно-следственные связи; желанием Инны – и это при всех ее недостатках! – помочь, спасти, огра-

дить кого-то, отстегнуть что-то доброе от своих моральных и материальных запасов. Анино мнение об Инне начинало меняться в лучшую сторону. И всё же она засомневалась: «А вдруг у неё вместо сострадания обыкновенная сентиментальность и любопытство к чужой жизни? Ну, зачем я так?» – сделала сама себе строгое внушение Аня.

Не всякая жизнь достойна реквиема

– Жанна, ты помнишь Лину с химического факультета? – спросила Аня. – Забыла? Добро пожаловать в клуб склеротиков. Я в нём уж лет пять состою.

– Она была много старше нас?

– Да. Лина в общежитии через комнату от нас жила. Так вот я тебе про её сына хотела рассказать. Он из породы талантливых. Это когда мозг сам всё время требует напряжённой работы. Лина это поняла, когда сынок был ещё совсем маленьким. У него с раннего детства было прекрасно развито воображение и фантазия, он беспрерывно сочинял «трактаты» на любую тему. И если начинал говорить, «выключить» его было трудно. Мальчик уже в дошкольном возрасте «открывал» вокруг себя законы физики и химии, а в школьные годы – искал им экспериментальное подтверждение. В старших классах Лина обнаружила у сына помимо таланта учёного еще и прекрасные педагогические данные. Она сама была незаурядной женщиной, но потратила свою молодость на семью и только в предпенсионном возрасте наконец поз-

волила себе выйти из тени мужа и начать проявлять себя хотя бы в некоторой части своих способностей. Мужу она нужна была как домработница, его не волновали её способности и возможности. Помню, он как-то при мне пренебрежительно сказал: «Ты умеешь решать задачи из «Эврики» и «Кванта»? Она побелела и сдержанно ответила: «Ты забыл, что это я в МГУ училась, а ты всего-навсего в военном училище». Муж Лины мимо ушей пропустил её слова. Он и в своем ребенке не замечал особых талантов, не занимался им, как и ничем другим, что касалось их семьи.

А Витя и в вузе с легкостью решал задачи и не считал их серьёзными, достойными научных статей. На первом курсе руководитель секции сразу понял, что перед ним конкурент, угроза его сыновьям и «прихлопнул» парня, не выпустив на конференцию, потому что его работа оказалась самой сильной на всём факультете. А Лениному сыну и в голову не приходило, что она чего-то стоит. Он же делал её легко, с удовольствием, будто играя. Профессор из Пензы, муж моей подруги, попросил прислать ему эту работу, чтобы сравнить её с уровнем научных разработок своих студентов-дипломников. Она оказалась настолько сложной, что он попросил прокомментировать каждый ее пункт, потому что молодой человек в окончательном варианте опускал промежуточные выкладки и целые блоки расчётов, которые казались ему слишком тривиальными. Правда, сын Лины отмахнулся, мол, нет времени на расшифровку простой задачи, пусть его студен-

ты сами этим займутся. Не захотел он возвращаться к пройденному, его тогда уже интересовали другие темы.

«Не для данных Виктора наш вуз, ему бы в Новосибирск, в кузницу талантов, в Москву или Питер. Только как пошлешь ребёнка в другой город, если перестройка, если нет денег? Сейчас никто никому не нужен. И муж против, ему помощник нужен. В наше время отпустить детей учиться туда, куда им хочется, – родительский подвиг», – сетовала Лина.

Потом, будучи в аспирантуре, каждый семестр её сын разрабатывал новые лекционные курсы и практические занятия современных спецкурсов, которые до этого в их институте не читались. Но у парня не было времени их оформлять как методические пособия и статьи, хотя много чего предвидевшая мама неоднократно просила сына об этом. И заведующему кафедрой выгоден был такой молодой специалист. Руководитель диссертации не смог оценить уровня таланта своего аспиранта, но сумел использовать. Лихо обошёл с ним. Когда молодой человек нашел ошибки в его научной работе, он отказался с ним дальше работать и отдал результаты расчетов сына Лины другому аспиранту, своему покладистому родственнику. Собственно, как я теперь понимаю, такая была давняя задумка его жены, её хитрый ход. Решила обойтись малой кровью. На готовеньком-то... Родственник руководителя защищался на бывшей Лениной кафедре. И все сотрудники считали, что это был ее сын. Такой вот казус

вышел.

– Вот так победа правды одних оборачивается поражением совести других, – усмехнулась Жанна.

– Лина согласилась на настойчивое предложение профессора послать сына к нему в аспирантуру, потому что до переезда в наш город они вместе проработали много лет. Она не ожидала от него подлости. Так случилось, что тогда она занималась маленькими внуками старших детей и упустила момент, когда ещё можно было помочь сыну. Обыкновенная история. Сын Лины зарабатывает больше того профессора, но деньги для него не главное, он чувствует, что в нём пропадает учёный.

Жанна задумалась о чем-то своем, но Аня продолжила рассказ.

– Сгубил тот профессор талант Виктора, обломал на взлете...

– Не то слово! – вздохнула Жанна.

– Да бог с ним... с этим руководителем... Но мозг молодого человека опять требовал достойной нагрузки, жаждал творческой работы. Ум-то никуда не делся. Виктор хватался за интересные ему темы в Интернете, разрабатывал их, делал расчёты, строил графики, собирал и исследовал статистические данные. И, по сути дела, готовые главы диссертаций отправлял в Интернет, для «дяди», мол, кому-нибудь пригодятся. А в вузе преподавал за гроши, для души. Горел в нём педагог ярким пламенем. Лина корила себя, предлага-

ла сыну другие варианты аспирантур, но он больше никому не верил. А она страдала и переживала, что слишком подчинялась мужу и не сумела в своё время стать амбразурой для себя, а теперь и для сына. Потом вуз рассыпаться стал. Профессорам и доцентам работы не хватало. Перестройка многое поломала и в головах, и в судьбах людей. Надо было о хлебе насущном думать, зарабатывать деньги на жильё. И занялся сын не своим делом – бизнесом. И там у него дело ладилось, но параллельно он увлечённо, самозабвенно, бесплатно, занимался любимым делом, потому что не мог иначе жить. Такая вот судьба. Так вот и получают люди, проживающие чужие жизни, не использовавшие до конца свой талант. Самые плодотворные молодые годы быстро пролетели. Сын Лины и сейчас на досуге продолжает творить. Пусть работает, раз хорошая голова дана. А талант педагога, если захочет когда-нибудь, на репетиторство потратит, хоть в какой-то степени его использует. Жаль, конечно. Уметь с юмором легко и интересно объяснять самые сложные вещи – величайшая редкость. Преподнесённое таким образом осознаётся и впитывается студентами с восторгом и запоминается на всю жизнь. В МГУ – Лина рассказывала – только один подобный педагог ей встретился. А уж там талантливых людей хватало!

– Хорошие учителя запоминаются на всю жизнь, – согласилась Жанна.

– Как-то я спросила Лину:

«Ты была на похоронах бывшего научного руководителя своего сына?»»

Она ответила грустно:

«Сначала не думала идти, хотела намеренно проигнорировать. Обида пересиливала. После известия о его смерти на душе было стыло, тоскливо, беспокойно, противоречиво. Обрушились воспоминания. Как ни старалась их избежать, они наплывали. Чередой захлестывали жалость, обида и раздражение. Местами заносчивая испепеляющая бессильная ярость налетала. Ночь прошла в кошмарах. Не шли из головы неприятные мысли. И всё же приехала. И не пожалела. Поправила бумажный венчик, что лежал поперёк лба, и сказала над ним: «Простила. Прощайте». Ни на что больше не отважилась. И правильно... Беспробудного горя от «встречи» не ощутила, но стало легче. Что теперь старое ворошить? Душа смягчилась, на место вернулась, перестала дергаться, умиротворилась, отрешилась от терзавших воспоминаний, острых обид. Ему ведь теперь ничего не исправить, а у меня появилась возможность хотя бы простить. Конечно, горький осадок до конца не избыла, но всё же... Не испытала я и волнующего ощущения собственной праведности, – усмехнулась Лина. – Я считаю, что люди обладают врождённой способностью ощущать нравственные ценности. Ведь не одним же естественным отбором объясняется стремление человека к самосовершенствованию. У коллеги этот стержень казался мне надёжным. Но зло умеет скры-

ваться, обольщать и соблазнять...

Переформатировала профессора жена, умело манипулируя его привязанностями и слабостями, в шоры взяла, и сдался он, безоговорочно во всём ей поверив. Стал смотреть на мир через призму её понятий. Он так и не сумел привыкнуть к замысловатой логике своей жены и не научился ей противостоять. Был простой деревенский парень, трудыга. Никогда не нарывался на неприятности, не делал ничего противозаконного. Но постепенно с лица его исчезло добродушие, искренность, благородная печать ума. В глазах появилась хитринка, недоверчивость, некоторое злорадство и затаённое беспокойство. Стал взятки брать, а потом дошёл до того, что родственнику жены диссертацию сделал за счёт чужих данных, бросив на полпути всех своих учеников. Помню, как он отправил неоперенных птенцов-аспирантов на научную конференцию совершенно неподготовленными, чем надломил в умных молодых людях уверенность в себе. Они вернулись растерянные, задумчивые. Но руководитель не поддержал их, потому что занимался только своим любимчиком. Коллеги сочувственно говорили о нём: «Оказался человеком, потерявшимся в определённых обстоятельствах».

У каждого поступка есть последствия. Несогласное сердце профессора стонало и мучилось. Он даже в религию ударился, чем вызвал недоумение и иронические усмешки коллег. Я понимала его: ищет себе оправдание, успокоение ду-

ше, замаливает грешки. Пытается истребить в себе раздвоенность, сшить куски разорванного сознания воедино. Ею он старался защитить себя от грязи, от непорядочности в своих деяниях. Молился не устами и перстами, а измученной душой. Но, видно, не получалось простить самого себя. Слишком часто заставляла его эта хитрая злобная завистливая женщина переступать через себя, нарушать принципы, идти вразрез совести. Умела нащупать его тонкие струны, окрутить, повязать, разубедить, надавить. Талантливо играла на его мелких слабостях, растравляя их, разжигая, опутывающая ложью, подтасовывая факты.

Представляешь, как-то уже после всего случившегося, профессор заявил мне: «Вы распускали слухи о том, что у меня слабая диссертация и что на защите меня пожалели». Я возмутилась: «Я слышала об этом от профессора, который приезжал в наш институт на чью-то защиту как оппонент. Но неужели вы считаете, что я так глупа, что могла бы плохо говорить о руководителе своего сына, портить с ним отношения и тем более пользоваться неподтверждённой информацией? Я не имею привычки сплетничать и поэтому не смогла даже вам рассказать об услышанном от «заезжего» человека. Посчитала это бестактным». А он мне начал объяснять, мол, моя жена... И осекся. Понял, кто настроил его против меня и почему. Потом он ещё много подобных «фактов» мне рассказывал. Видно, оправдаться хотел. Я, конечно, все их опровергла. Да что толку после драки кулаками махать?

Его жена всегда действовала решительно, потому что привыкла бороться за «свою собственность». А он отступал и уступал... Но долговременная неудовлетворённость своей жизнью, как известно, ведёт к болезни. Вот и ушёл он раньше отмеренного ему природой срока. Источил его рак. А какой поначалу был добрый, искренний, честный и неглупый человек!.. Здоровый во всех смыслах.

Хоронили его по-новому, без музыки. Тишина навалилась на всех присутствующих тяжёлым грузом. Мне подумалось: «В молчании очень трудно прощаться с человеком». Я бы предпочла, как в советские годы, духовые инструменты. И ещё скрипку. А его по старинке отпевали в церкви. Оказывается, это два несовместимых ритуала. Священник был молодой, мал росточком, худ, суетлив и равнодушен. Его блеклое, ничего не говорящее лицо раздражало. В моём представлении батюшка должен быть солидным, представительным, вызывающим доверие. Несоответствие моим канонам злило. Религиозный обряд проходил нудно, заунывно. Отсутствовал торжественный трагизм ухода человека в иной мир. Тщедушный священник бубнил что-то себе под нос как-то буднично, скороговоркой. Глаз от пола ни разу не поднял. Совсем как двоечник на экзамене. Я понимаю, традиции нужны как целительная успокоительная сила, они для людей – непреложная истина. И с этим надо считаться.

Потом речи над гробом, стоя у края разверстой могилы, сотрудники говорили тихими голосами. И они не помогли

мне к покойному с сочувствием приблизиться душой... Опустили, закопали. Будто кусок дороги выровняли, холмик насыпали и венками обложили. Без музыки не чувствовалось торжественно-таинственного, печального завершения земных дней человека. И потом не было минуты сосредоточенного молчания, когда у присутствующих в головах происходит непривычная работа сакральных мыслей, когда через тишину можно услышать недосказанность, почувствовать любовь или горе... Постояли, потоптались неловко в сторонке от могилы, как бы не решаясь всерьёз прикоснуться к чужому горю, словно боясь унести его с собой... И пошли к автобусу растерянные, неудовлетворенные качеством свершившегося ритуала, какие-то немного испуганные. Пожилые коллеги глаза отводили. У некоторых лица были сосредоточенные, точно погружённые в сложные научные расчёты своего... возможно, близкого конца. Молодые люди посторонние неуместные разговоры завели. Был один из обиженных аспирантов. Он достаточно громко выражал своё недовольство усопшим. Я его слегка окоротила, мол, неприлично, неудобно сейчас...

Я стояла и смотрела на непривычные для лета чёрные костюмы мужчин, скромные, приглаженные прически женщин и не переставала задаваться вопросами: «Ушёл из жизни, а что у него дальше?.. Одному Богу ведомо?..» Еще пару лет назад такая мысль у меня просто не могла возникнуть. А вот теперь после череды одних за другими ушедших... рано

отозванных Всевышним... Неожиданная вспышка понимания обожгла холодом горечи... и страха. Стала искать, чем бы мысленно в себе примириться со смертью... или хотя бы отвлечься... Вспомнила похороны своей коллеги в деревне. Батюшка что-то строго и торжественно говорил, певчие печально вторили ему высокими красивыми голосами. Вдруг на гроб бросилась немолодая женщина в черном и громко жалостливо завывала: «На кого же ты нас покинула». У присутствующих невольно потекли слезы. Это были слезы очищения, прощения и прощания. И я ощутила, как на душе моей полегчало и посветлело, будто вопли плакальщицы унесли и мою скорбь... И подругу в такой же ситуации вспомнила. Она была печальная, поверженная, молчаливая... Тихое горе – обычное дело на похоронах немолодого человека. Я только прикоснулась к её плечу. Сочувствие на похоронах не доходит, оно отталкивается болью... А тут... Кто оспорит? Мы же не знаем сокровенных мыслей и чувств друг друга. Но глаза не обманывают... И на меня она неприязненно косилась. Не ожидала, что приду.

Жена провожала профессора как-то по деловому, без особой печали, будто горе ещё не прочувствовала. Могла бы хоть в этот день сколько-нибудь скорби почерпнуть из своего очерстневшего сердца. Муж долго не мучил её своей болезнью, из последних сил работал... Заплакать прилюдно над человеком, с которым долго прожила, значит при всех, не скрывая, засвидетельствовать ему свою любовь и оказать

уважение. А она слезинки не уронила. И всё говорила и говорила... Хочется верить, что ещё не слишком углубилась в свои последние переживания.

Почивший любил жену, верой-правдой служил ей и её прихотям. Был хорошим семьянином и добытчиком. Ей одной дарил свою светлую душу. Отдал полностью, всю без остатка, себе ничего не оставил... А она его только использовала. Ложью и мелкой подлостью удерживала рядом. И он безоглядно ей верил. А каким прекрасным человеком был в молодые годы! Почему правильных не любят, хотя они заслуживают уважение и восхищение?.. Когда и чем жена надломилась так, что всё в нём пошло наперекосяк? Его бы в хорошие руки... Куда как достойней могла бы стать его жизнь! Да что уж теперь...

Может, только по ребёнку горюют безраздельно, разрывая сердце напополам? Вот где тоска, неистовство, ярость на неоправданную изошрённую жестокость слепой безжалостной судьбы. Но ведь сорок лет под одной крышей – тоже срок. И это надо уметь ценить.

Вспомнила своего свёкра. Видела его всего два раза и успела полюбить. Сердце ночью почувствовало беду... Как оно болело предчувствием его утраты! Слез не могла остановить. А у жены профессора их не было. Может, какая-то до конца ещё не прощённая обида высушила ей глаза? Не похоже... не тот он человек...

...Опять у меня перед глазами открытый звериный – вол-

чий – посмертный оскал усопшего. Неприятно поразил он меня. С чем он боролся в последние минуты своей жизни: с физической болью или с демонами страха, преследующими его последние годы?..

За этот месяц я третий раз на кладбище. Сосед Юра – крепыш, беззаботный балагур – выглядел усталым, похудевшим, очень посерьезневшим. Он будто сам был удивлен с ним происшедшим. Черты лица сделались более тонкими, какими-то даже благородными... А внешность профессора Михаила Андреевича, прекрасного человека, уже не была значительной. Он страшно исхудал, выглядел подростком. Личико с кулачок... Только его выпуклый лоб был, как и прежде, высок и чист. Какого ума и души был человек! Слез я не сдерживала...

Я стояла посреди кладбища, погружённая в мысли, соответствующие скорбному месту, овеянному печалью многих тысяч... «Раньше на похоронах удары в литавры мне душу прожигали. Казалось, что боль утраты на их звуках доносится до небес. Печальный голос трубы заставлял моё сердце трепетать. Тоскливо-возвышенная траурная музыка навевала массу хороших мыслей об усопшем, и я омывала уход человека слезами благоговейной жалости, вспоминала и личные потери, думала о бренности существования всего живого на земле и будто давала отчёт о своей жизни, исповедовалась перед собой. Ещё любимую бабушку всегда вспоминала. Намучилась-настрадалась, бедная, смерть ей избавле-

нием казалась... И уходила я с кладбища размягчённая, настроенная философски, готовая прощать, помогать, по пустякам не тревожить и не тревожиться... Если бы я могла открыть портал или параллельный мир, где возможно теперь обитает бабушкина ангельская душа, я бы ей столько теплых благодарных слов сказала!»

Своё печальное вдруг вспомнила. Давно не ездила на родину, не стояла у могил родственников. Остро почувствовала нехватку чего-то очень важного... Растрогалась, слёзы навернулись... Решила в ближайшее время посетить их последнее прибежище.

Очнувшись, не сразу сообразила, где нахожусь. Будто на время утратила связь с реальностью. Проходя между могил, наткнулась на бомжей, елозивших по свежесрезанным цветам на старой могиле. Двое жестко делили стаканчик водки, стоявший на приступке памятника. Третий был под ними... Рассудок свело судорогой омерзения. Разве на такое поминание чужими людьми надеялась родня усопшего, рано покинувшего этот бранный мир?.. Закрыть глаза, отвлечься, убежать... От себя?..

Заторопилась к автобусу. Вошла последней».

Аня замолчала.

Её Величество Женщина

1

Лена наконец-то расслабилась и настроилась на сон, но

уже через минуту поняла, что оптимизм её был неоправданный, потому что Жанна тихо сказала, обращаясь к Инне:

– Неудачным оказался марьяж Эммы с Фёдором.

«Ох, чувствую, заведутся сейчас девчонки. Лучше бы они эту тему не трогали», – заволновалась Лена.

Инна, конечно же, мгновенно отреагировала на слова Жанны, хоть и шепотом, но очень бурно.

– По недоразумению мужем обзавелась. И откуда только этот Федька нарисовался? Заглотила, бедная, наживку и заполучила «брильянт». Как же! Счастье нежданно-негаданно привалило. Прекрасная партия, достойное приобретение! Он – ключевая фигура в её судьбе! Не верила свалившемуся на неё счастью. На свадьбе, как счастливая дуручка, бесперечь улыбалась, губы не смыкала. В самое сердце поразила её отравленная стрела амура. Нет, в голову. «Околдована, очарована!» – презрительно пропела она и выразительно закатила глаза. – Смотрела Федьке в рот. Не могла на него надыхаться. Как же, верх совершенства! Не на того поставила. Собственно, ошибки – тоже неотъемлемая часть нашей жизни...

– Инна, что на тебя нашло? Успокойся, – тихо попросила Лена.

– Крутой диагноз. Тонкий психоанализ. На горе подвернулся Фёдор Эмме. На свете существует связь всего со всем. Злая судьба их свела. Эмма стала заложницей её пакостливого случая, – зачастила Жанна.

– Надеюсь, что «для единоличного употребления» мужа заимела. Это результат сочетания научных методов и изумительной интуиции? Что ж, и на старуху бывает проруха. И ведь не скажешь, что без царя в голове была, но не скоро прозрела. Не продумала ни тактику, ни стратегию своей жизни.

– Что тут удивительного? Много о себе замалчивая, Фёдор был не тем, каким его видели окружающие. Он умышленно искажал правду, роль играл, – заметила Аня.

– И вот, испытывая Эмму на прочность, судьба ударила бедняжку наотмашь и превратила её жизнь в цепь непрекращающихся проблем. Впрочем, как у многих из нас. Но я бы у Федьки в долгу не осталась. Так отбрила бы, чтобы на всю жизнь меня запомнил!

– Смотри, Инна, поймаю на слове, – усмехнулась Жанна. – Значит, Фёдор – обыкновенное «причудливое безобразие»?

– Гадёныш, деспот, прелюбодей чёртов! Изверг рода человеческого. Устроил из Эмминой жизни свистопляску.

«Не переговоришь Инну, не остановишь. И остальных сейчас вовлечёт. Ее захлестывает волна тёмных чувств. Бельмом в её глазу стоит беда Эммы. Не усну теперь», – недовольно подумала Лена, но отнесла своё занудство на счёт усталости и нездоровья и постаралась отвлечься приятными мыслями.

– Крепко, терпко загнула! – покачала головой Аня.

– Речь идёт ни много ни мало о судьбе, которая каким-то непостижимым образом превратилась из прекрасной мечты

в беду. Станным образом переплетаются пути-дороги людей. Иногда возникают обстоятельства, делающие невозможными события, которые сторонним наблюдателям кажутся очевидными. А в результате оказывается, что юношеские мечты не имеют ничего общего с прожитыми годами, – авторитетно заявила Жанна.

– Мужа отхватила! Угораздило же Эмму влипнуть. Она считала, что равные притягивают равных? Только забыла, что привязанность часто начинается с иллюзий. Не проявила должной осмотрительности. Как же, любовь – светоч жизни! Отдала своё счастье на волю слепого случая. Вот так и возникают неустроенные женские судьбы. Никакой другой причины, кроме как глупой влюблённости, я здесь не вижу. Она была отправной точкой, началом всех её несчастий. (*«По себе знаю», – усмехнулась Инна в свой адрес*).

Оно, конечно, от любовного жара никто не застрахован. И Эмма, находясь в беспечной счастливой уверенности, попала в западню. То была её пиррова победа, её трагический триумф. Федькино появление в жизни Эммы, как теперь принято говорить, спутало все нити её судьбы. Закономерность случайности? Любовь – божественное чудо! О сладкая боль высокой безумной любви! Такова была предыстория... И что от любви осталось? Кучка серого пепла, которую рассеял сквозняк обид».

Аня обратила на Инну недоуменный взгляд, не вполне уверенная, что поняла истинный смысл её слов: «О подруге

и так резко? Каждый человек может оказаться на грани или у последней черты. Ему помочь надо, а не критиковать».

«Легко Инна осуждает. Если бы мне довелось классифицировать подруг по степени жёсткости, Инна, безусловно, возглавила бы этот список», – подумала Жанна, но вслух ничего не сказала.

– Не пойму, как Федьке так скоропалительно удалось заполучить Эмму? Как он добился её расположения? Можно подумать, целое море необыкновенного обаяния на неё вылил! Чем она пленилась? С подкупающей искренностью стихами окроплял, цветами осыпал, на коленях стоял? Одухотворённая личность! Восхищаться некоторыми эффектными качествами можно, но не долго. А вот чувствовать уважение хочется всю жизнь. Но было ли оно? А честность и доверие? Где они? Заморочил Эмме голову лирикой – и она под колпаком?

Федька не производил на меня впечатление человека, способного на серьёзные самостоятельные поступки. Я никогда не видела его в роли мужа и отца. А у меня глаз намётанный. Он же пустое место. Чем до свадьбы хвалился на стороне? Выпитым, гулянками, грубостью. А перед Эммой – сама любезность! Не понимаю, как он сумел поставить себя в исключительное положение, взять над нею верх и закабалить? А я ей говорила: «Не связывайся с ним, не твой он человек, не станет тебе родным! Я в этом убеждена так же, как в том, что зовут меня Инна».

«Разошлась... Понятно. Ночами человек наиболее уязвим перед своими и чужими бедами», – подумала Лена.

– Теперь, задним числом, мы отдаём себе отчёт в том, что совершали, а раньше... – Аня привычно вздохнула.

– Видно, наступил такой момент, когда Эмма стала тяготиться одиночеством, захотела создать семью. Мысли теснились, теснились... и вот результат, – предположила Жанна, уловив основную мысль Инны. И продолжила рассуждать:

– Ей надо было кого-то жалеть, о ком-то заботиться и обязательно поднимать любимого до небес. А любовь – это родство душ, девяносто процентов её – общие интересы.

– Для сумасшедшей страсти и головокружительной влюблённости ничего этого не нужно, – рассмеялась Инна. – Но именно они – эти страстные чувства – вдребезги разбивают на первый взгляд крепкие семьи.

Только Жанна свою линию продолжила гнуть.

– В семьях, понимающих это, минимум разводов. А то ведь как часто бывает: для него одно хорошо, для неё – другое, а это уже плохо. Требуется единодушие. Надо, чтобы её понятия любви, чести и достоинства совпадали с его пониманием этих базовых истин. А если нет? Где Эмма с Фёдором встречалась до свадьбы? В кино бывали, по паркам гуляли. Им бы вместе в походы отправляться, по горам лазить или ежедневно собак выгуливать. Когда лучше всего раскрывается человек? В действии, в работе. Я знаю крепкие семьи, в которых три поколения вместе в походы ходят. Женщины

в них не красавицы, но мужья за них горой стоят. Ещё хорошо, когда муж и жена одной профессии, тогда друг другу сразу видны все их достоинства и недостатки.

– Ты права, пока Эмма на прогулки ходила, Верочка воспитывала своего будущего мужа, под себя подстраивала, пока он без памяти в неё был влюблён. И теперь у них прекрасная семья, – рассказала о своем наблюдении Аня.

– «Тебе судьбу мою вершить!» Не в те руки Эмма себя вверила. Видно, Федька как-то сумел зайти с разных сторон и добиться своего. Меня бы он не поймал на крючок. Прохиндей, бабник. Идёт, бывало, патлы свои разлохматит... Остриги – и останется от него всего ничего. Если только истерия да неявный маниакально депрессивный психоз. Не послушала меня Эмма, и досталась ей доля страшно болезненной обнажённости. И кто это сказал, что потрясения очищают? Убила бы того гада.

«Наша судьба – наш выбор. Хотелось бы услышать не отредактированную биографию Фёдора, не «житие», а рассказ о становлении обыкновенного человека, совершавшего много плохих поступков, берущего за них ответственность и изменившегося к лучшему... Или хотя бы качественную, объективную оценку его поведения. В каждом человеке борются светлые и тёмные стороны. Светлое по большей части побеждает. Но, похоже, здесь не тот случай... Я услышу сейчас предвзятые выводы обиженной жизнью женщины. А может, и правда, её персонаж не такой уж «геройский»?.. Многосло-

вие Инны в этом возрасте признак неврастении или результат длительного одиночества?» – Лена поставила под сомнение свой собственный диагноз.

– От заблуждений тоже рождаются дети, – пошутила Жанна.

– Юморист Михаил Жванецкий как-то изрёк: «Веди себя естественно, и женщина сама найдет, за что тебя полюбить», – вставила непонятно к чему своё замечание Аня. Наверное, о какой-нибудь своей знакомой подумала.

А Инна бурно отреагировала:

– Вот и нашла. Не нравился мне Федька. Не жаловала я его и никогда не скрывала этого. И сейчас от своих слов не отказываюсь. В порошок бы стёрла гада. Психопаты бывают дружелюбные и агрессивные, а этот – гибрид какой-то недоношенный. В шестидесятые годы идеалисты верили в красоту и величие человека, в то, что он способен к самосовершенствованию. И Эмма из их числа. А теперь биологи смеются над этим.

– Ну и напрасно. Влияние среды и воспитания они не могут отрицать. Хорошая семья может уберечь от совершения преступлений, – возразила Аня.

– Идеального генома в природе не существует. И идеальных условий жизни тоже. Многое в характере человека зависит от условий жизни и случайного сочетания генов. В геноме человека что-то порядка двадцати пяти миллионов вариантов. Цифра говорит сама за себя! Отсюда разные лю-

ди. Попробуй подобрать к каждому индивиду метод воспитания. Даже близнецы в утробе матери ведут себя по-разному, – не согласилась Инна. Ей хотелось поспорить. – Биологи уже забрались в такие глубины, что их начали одолевают бредовые идеи типа: «Человеческое сознание возникает на пустом месте? Есть ли семимерное пространство и сможет ли там жить человек или только его сознание? Будет ли компьютеру больно, если его отключить от питания? Поможет ли нам компьютер заглянуть в иной мир?» Раньше подобные вопросы считались фантастикой и метафизикой, а теперь их задают ученые.

Жанна наводящих вопросов ей задавать не стала. Поддакивать и подталкивать к беседе тоже не захотела, ограничилась неопределённым пожиманием плеча. Но Аня твердо стояла на своём:

– И, тем не менее, воспитание даёт положительные результаты.

И она заспорила с Инной. Но до Лены уже долетали только отрывочные фразы. И смысл их терялся.

– ...Хотят отредактировать геном человека и подстегнуть эволюцию?

– ...Подсаживают дополнительные гены животных и даже растений. Не ставят морально-этические вопросы... Имеем ли право вмешиваться в живую материю, в естественный ход развития?.. Решать за Творца? Использовать науку во зло человечеству?

– ...Мутируют. Родилось животное с лицом человека.
Ужас.

– ...Выживут только крысы и тараканы. Заскучавшее человечество сходит с ума...

– Я лично выделяла Фёдора из общей массы, – неуверенно произнесла Жанна.

– Вот это новость! – приподняла Инна высокие брови.

– Всё мое существо восставало против него, – пояснила Жанна, опережая возможные вопросы.

– Фёдор хоть по очереди женщин перебирал и «оприходовал», а Ритин так сразу к нескольким ходил пополнять свой багаж «знаний» и удовлетворять свои жеребьячи наклонности, – покривив свои тонкие бледные губы, прошептала Аня. – Это же разложение, падение ниже некуда! Он моральный урод.

– Талантливый растлитель, – рассмеялась Инна.

– Ты смеешься? Но это же страшно! – заволновалась Аня.

– Нет, это жизнь, – спокойно ответила Инна.

– Что до Ритинового бывшего мужа, так у него патология.

Не отдельные рецидивы случались, он постоянно «отрывался» на полную катушку. Поставил своё «дело» на поток и исполнял его с ловкостью человека, безнравственного от природы. Купался в своём «прекрасном Эдеме», просто горел этим. «Бедолага», еле успевал отряхиваться. «Как прелестен порок, как скучна добродетель!» Тот ещё повеса. Нашёл се-

бя в «публичном» доме. Он дальнобойщик или таксист. Говорят, его некоторые... рвали из рук друг у друга. Снискал себе славу. Любопытно, он со всеми подряд или выборочно? Наверное, ему всё равно с кем, лишь бы познать новую женщину. Рита как-то приподняла в его кабине шофёрское сиденье – кто-то подсказал, – а там залежи презервативов! Глаза муженька заметались, лицо задрожало от злости. Ну и сами понимаете... Рита сразу развелась, – доверительным тоном рассказала Аня.

– Не знал, что добродетель открывает дорогу в рай. Наблюдаю кризис морали. Наверное, он стремился к максимуму наслаждений с этими женщинами, но не мог его достичь без духовного контакта с ними, – строго заметила Жанна.

– Спать надо с достойными, – рассмеялась Инна.

– А сам был таковым? Я слышала, будто он ревновал жену к героям её взрослых книг. Ему казалось, что физическое и моральное наслаждение, которое испытывали её персонажи, – отголоски того, что она ощущала к кому-то, только не к нему, – сообщила Аня смущенно.

– Это надо же! – насмешливо фыркнула Инна. – Ритин муж напоминает мне мышь в одном из экспериментов учёных-биологов. Помните, она не могла ни есть, ни пить, только удовольствий жаждала. Так и погибла. А человек может силой своей воли контролировать и подавлять в мозгу центры порочных увлечений. В голове у нас существуют два способа, два пути принятия решений: эмоциональный и рацио-

нальный. Эмоциональная сигнальная система – быстрая, но часто выдает ошибки по причине необдуманности выводов. Как-то так.

– Большинство глупостей мы совершаем по причине несдержанности. Сначала надо потерпеть – посчитать до десяти, – и только потом принимать решения, – согласилась Жанна.

– Ритин бывший – человек со слабым интеллектом, у него в основном развита эмоциональная составляющая, как у мыши. Я думаю, он нас ещё не единожды удивит, тем более что для него количество «любимых» женщин – повод и пища для его тщеславия. А Федька просто насмотрелся ярких «громкоголосых» журналов. Хотя душа его и колобродила, одновременно на нескольких фронтах он не мог воевать, пороху не хватало. Не того калибра оружие, не того полёта птица. Пытался, но не потянул, жидковат для этого оказался. Он – маленький «герой» «большого» секса.

– Жидковат – категория не юридическая, скорее медицинская, – не присоединилась к насмешке Аня.

– Оба тщеславны. Женщины помutilи им разум, – не согласилась с Инной Жанна. – Еще бы, испытывают торжество плоти... над разумом!

– Они сами не знают, чего ищут в себе и в женщинах. Ходят туда, не зная куда, ищут то, не зная что, – предположила Аня. – Мужья Эммы и Риты слишком поздно родились. Им бы попасть в насмерть запрещённое сообщество времён

поэта Игоря Северянина «Долой стыд!» Вот где было бы им раздолье!

– Причудливые неологизмы жизни и поэзии того времени, когда гнев или растление гения только прибавляли популярности... «Глаза парят над головами...» «Лирический ажур его стихов», – медленно и задумчиво пробормотала Инна, что-то припоминая.

– В голове не укладывается странная, недоступная мне парадоксальность мышления их мужей. Мерзость вселенского масштаба! Как больно видеть такое в семьях! Как это скребёт мне сердце!

– Мышления? – в шутку переставила ударение Жанна, только для того, чтобы взбодрить приунывшую Аню.

– А спроси, почему они так себя ведут, ответят: «Хочу и буду». Не в состоянии осмыслить мотивацию своих поступков. Их лозунг: как можно меньше душевных затрат и максимум удовольствий. Казановы доморощенные. Только недостойны они этого звания, – сердито пробурчала Аня. – Они оправдывают своё развратное поведение неконтролируемостью порочного влечения и своей беспомощностью перед ним. Мол, секс глух к разуму. Только у взрослых людей выбор поведения – результат коренных убеждений, а не стихийных выбросов эмоций. Мне кажется, что поведение в интимной жизни – прежде всего духовное выражение личности. Ничтожного человека тянет на сексуальные приключения, на кратковременные иллюзии собственной значимости.

Самостоятельный мужчина не стремится на стороне утвердиться в собственной ценности. Его душа и зов плоти не конфликтуют. Он не испытывает страсть к женщине, которую не уважает. К проститутке, например. А если испытывает, то не может достичь истинного наслаждения – слияния физического и духовного. Любовь рождается из восхищения.

– Кем? С собой? – насмешливо спросила Инна. – Аня, что ты в толк не возьму к чему ты клонишь? Ты хочешь сказать, что человек, устремлённый к высоким идеалам и в интимной жизни стремится к истинно прекрасному?

– По-моему, да. Как бы тебе объяснить... Чувствовать глубоко интимное – это как искать связь между запахом, контуром и окраской цветка.

– Ну, не знаю... – удивленно протянула Инна.

– Если не знаешь, что сказать, говори правду, – насмешливо заметила Жанна.

– Какие-то странные фантазии и ассоциации. Тебе бы мужчин наставлять! – съехидничала Инна. А для себя заключила: «Мой горький опыт говорит о том, что у мужчин физическое доминирует над духовным».

– У преступников не задействован участок мозга, отвечающий за запрет насилия. И у мужей наших невезучих подруг тоже каких-то шариков-роликов в голове не хватает. И совесть у них спит или вовсе отсутствует, – заявила Жанна.

– Разбуженная совесть – источник огромной энергии.

Только не чувствую я в их мужьях силы, способной на созидание. Непонятно на что её растрачивают. Пусть меня извинят мои подруги, если я прямо скажу: некоторые мужчины, как я сегодня окончательно поняла, в этом деле вообще не включают мозги, – сказала Аня невесело.

– Для таких особей главное, чтобы им говорили о любви, а кто – им безразлично, – презрительно заметила Жанна.

– Интересно излагаешь. Но Эмма любила Фёдора! – возмутилась Аня.

– Ну и что? Это не спасает положения. Кому из мужиков это когда мешало? – рассмеялась Инна.

– Проехали, – раздражённо буркнула поставленная в тупик Жанна и с немым укором в глазах упёрлась взглядом «в лаконичную утилитарность» гостевой спальни мебели» – в матрас на полу. И чтобы отвлечься от неприятных мыслей, подумала с легкой усмешкой: «Когда к нам приезжают дети и внуки, интерьер нашего зала меняется аналогичным образом. Традиции – по бедности – те же, но цветовая гамма другая».

– От ума зрелость мыслей и поступков. От ума и вкус к жизни, – тихо сказала Лена.

«Только ум в каждом секторе жизни человека разный: в работе он одним способом проявляется, в семье – другим. Поведение в интимной сфере больше от темперамента зависит или от воспитания?», – задумалась Инна.

– Как Фёдор посмел так обойтись с Эммой? Это так унижительно! Она в согбенной позе... и перед кем?! Чувство собственного достоинства – это умение себя сохранить. Почему у неё не получилось? – сочувственно спросила Аня.

– Иногда «унижение паче гордости», – криво усмехнулась Инна. В интонации её слов Лена почувствовала острую боль, пронизавшую сердце близкого ей человека. Её руки автоматически мягко задвигались в темпе блюза по напряжённым плечам подруги, массируя их и расслабляя.

Аня наморщила лоб. На её лице читалась усиленная работа мысли. Она пыталась понять Инну, а может, и себя в предложенной ситуации. «Что в человеке самое ценное? Талант, с которым он родился? Все дети появляются на свет с какими-то способностями. Даже у моей дебильной подружки детства был дар поразительной силы – доброта. А Фёдор считает своим талантом и смыслом всей жизни блуд? Но ведь это просто жажда наслаждений, как у некоторых стремление к власти или к наживе. Значит, он так и не нашёл себя в чём-то существенном? Ни он сам, ни семья, ни школа не раскрыли заложенных в нём прекрасных данных? А без этого жизнь человека не может быть по-настоящему осмысленной, интересной, полезной. Неужели Фёдор прожил жизнь, не пытаясь в ней разобраться? Неужели секс так ослепляет и «обезглавливает»? Сколько же в нем человеческого? Он... как живот-

ное? – простодушно удивилась своему выводу Аня. – А вдруг он не хуже всякого другого? Не может того быть! Иначе весь человеческий мир давно бы рухнул. Почему Федор изменяет? Не любит? А где брак без любви, там любовь без брака».

Но вслух она ничего не сказала. Побоялась выглядеть в глазах подруг слишком наивной.

– Ха! Можно подумать, мужчины знают толк в женщинах, – усмехнулась Инна, вспомнив своих мужей.

– Они изучают нас только для того, чтобы управлять нами. Сенека утверждал: «Золото проверяют огнём, женщину – золотом, мужчину – женщиной». Гениально сказано, не правда ли? Впечатлило? – спросила Аня, довольная своей эрудицией.

Зная мнительность Ани, Инна, прежде чем утвердительно кивнуть, с удовольствием растянула паузу.

В комнате на какое-то время стало совсем тихо.

– И вот на наших глазах, в Эмминых огромных райкинских очах...

– И до тебя докатывались слухи, будто Эмма безропотно расплачивается за свою ошибку или сегодня впервые услышала? – прервала Инна Жанну.

– Хватит стонать, рабыня Изаура, – прошептала Лена. – Есть неписанный закон: не сплетничать и не злословить по поводу отсутствующих.

– Я сочувствую Эмме, – насупилась Инна и продолжила:

– Охмурил, усыпил бдительность и завоевал. Видно, это ему трудно далось: штурмовать, оспаривать, доказывать своё право владеть. Устал, отдохнуть захотел. Закрываясь ежедневной, бессовестной ложью, не стал он делить с Эммой хлеб дальнейших жизненных испытаний, легко отрешился от семейных забот. И с тех пор живёт в своём восхитительно простом беспечном мире, стремясь на максимум выжать из него всё ему интересное и полезное. А Эмма не умела, вернее, не могла следовать Фёдкиному примеру. Нянчилась с ним. Приняла эстафету от его мамы и гордо самостоятельно вошла на эшафот. Как сладко выполнять желания любимого! Знать бы ей заранее, какие муки стыда, горечи и разочарования ждут её в этом союзе. Опозорил Фёдка свою семью, в грязи жену вывалял. Собственно, нечто подобное произошло и с Галей, но там корни другие: сумасшедшая ревность мужа. – Инна не сладила с чувствами и уронила-таки слезу. *(Пробить её на слезу?.. Столь слабая защита от нахлынувших эмоций? Разве можно было такое себе представить ещё год назад! Скорее... забористый мат.)*

– Крепко приложила! Похоже, Фёдор – объект твоей горячей ненависти, – заметила Жанна.

– Не выношу его холодное рыбе равнодушие. Конечно, редко кому дано читать знаки судьбы, но Фёдка дал почувствовать Эммочке всю меру стыда за свою непорядочность и за её собственное бессилие – вот она и выпала в осадок. Здесь бы ей и поставить точку, сделать хотя бы первый шаг к

пониманию главного в жизни, но она, порабощённая любовью, терпела. И перестаралась. Дождалась, пока всё сплелось в неразрешимый клубок противоречий. Ей бы сразу муженька приструнить. Ведь не единичный был эпизод измены. Что теперь-то кукситься?

– Обуздать, стреножить, чтобы навытяжку стоял и руки по швам держал? Нельзя загнать пасту назад в тюбик. Любить в рабстве? Если только в состоянии гипнотического транса.

– Федьку никто не держал, он сам не уходил. Эмма никогда не бросалась на колени, заклиная мужа не оставлять семью, не ударялась в слезы, подавляя желание устроить истерику. Ей претил этот старый как мир унижительный способ сохранения семьи. Ей ближе гордое молчание, – набросилась на Жанну Инна. – Федька, наверное, считал, что делает одолжение своим присутствием в семье.

– Своей нелюбовью Федор поставил Эмму на колени и уничтожил! Известно, что, смеясь, легче выживать, выходить из ступора и выздоравливать. А она даже взглядом всех отталкивала, боялась общаться, не хотела поддержки, – вздохнула Аня, крепко пропитанная настоями коллективизма.

– Боль выражать через смех? Ты сама-то пробовала шутить в подобной ситуации? Поделись опытом, – раздраженно возразила Инна.

«Она повергает меня в недоумение. Как быстро в ней разгорается «спортивный» дух спорщика! Надо срочно выправ-

лять ситуацию, пока она окончательно не завелась», – решила Жанна.

– По-моему, любовь в человеке живёт всегда – мы по законам вселенной подспудно стремимся друг к другу, – но когда она направляется на недостойных, то взаимодействие оказывается непредсказуемым и зачастую плачевным, – пасторским тоном поведала она. – Если человек любит кого-то, то достоинства любимого его восхищают и радуют, а недостатки умиляют. А тут... Боже ты мой! Жизнь Эммы – странное смешение всплесков радости, горечи и вспышек нервного возбуждения. Своеобразные составляющие... Это же атмосфера катастрофы!

– Эмма говорила, что такого ощущения подлинности любви до Фёдора не знала, – сказала Аня.

– Своей, но не его. Почувствуй разницу, – возмутилась Инна.

– Напрасно она скрывала свою беду. Обычная страусиная политика замалчивания, – опять высказала своё мнение Аня, меряя Эмму по себе.

– Осуждаешь? Мы за этим тут? О трагедии не кричат, – заметила Лена.

– Видимо, так для Эммы звёзды сошлись.

– Не звёздам надо верить, не Богам, а чувствам, – не согласилась с Жанной Аня.

– И что в результате этих чувств Эмма имеет? Столько лет стыдилась своего униженного положения, наедине со свои-

ми бедами оставалась. Ей бы ударить во все колокола, попросить помощи у друзей и родни. – Аня упрямо продолжила «долбить» своим мнением подруг.

– Обременять собственными проблемами, ждать сочувствия? Ты что! Эмме даже перед собой было неловко за всё, что с ней происходило, – раздраженно заметила Инна.

– От неё в студенческие годы исходила чистота, честность и открытость, а тут замкнулась, отеклась от внешнего мира, – вздохнула Жанна.

«Такой разговор – и на публику?» – поморщилась Лена.

– Проморгала Эмма своё счастье. Может, она упустила какой-то важный момент, укрепляющий семейные отношения? – спросила Жанна.

– Мне нравятся твои вопросы, потому что в них уже заключен ответ, – усмехнулась Инна. – Это Федька-то счастье? Да попадись мне такое дерьмо, я бы ему так впаяла, чтобы небу жарко стало! В два счёта выставила бы за порог.

– В состоянии отчаянной храбрости, замешанной на горе и ярости? Ты у нас всегда свои трудности переживала как интересные приключения.

– Да, я человек эгоцентричный, неудержимый, не люблю тишины, ищу бури. Я всегда жила как на вулкане: в состоянии мобилизации и на высоком эмоциональном уровне, – ответила Инна, швырнув в Жанну тем, что подвернулось под руки – подушкой, – и спокойно продолжила:

– Печальный вывод напрашивается сам собой: заела Эмму

кручина. И оставалось ей в слезах топить свою боль и расписываться в беспомощности. Представляете, как-то сказала: «Федю ничто не радует, ему ничего во мне не интересно. Я ничем не могу заслужить его расположения. Ему не нужны мои сложности, высокие материи. Они его раздражают и бесят. Он всё отрицает, всё презирает, над всем издевается, топчет красивое, доброе, искреннее. На флаг, на ура поднимает в себе самое худшее. И считает это нормальным. Он принижает меня. Говорит: «То, что тебя трогает, – ерунда, мелочь». И всё потому, что ему самому хватает общения на уровне тел. Стал как переходящее знамя, как приз от одной к другой, из рук в руки. А я корю себя и не могу простить себе единственную в жизни серьезную ошибку. Знать бы во что она выльется». В ответ я буквально вспыхнула дикой злостью: «Да бога ради! Да без вопросов! Вали куда подальше, пока целёхонек. Видали мы таких, готовых в любую минуту сбежать налево. Он же в восторге только от себя. Такие типы не умеют ни ценить, ни наслаждаться тем, что им дано».

– Инна, ты это о ком? Я что-то пропустила? – очнувшись от задумчивости, вскинулась Аня и тут же прикрыла еще пустые после кратковременной дремы глаза.

– Спи спокойно, я обычно присутствующих не имею в виду, – усмехнулась Инна.

– Фёдор всё получил из рук Эммы, но не стал её домашним животным, убежал туда, где ему интересней. Пошёл на поводу у своих инстинктов. Получается, принимая от жены

свидетельства её любви, уважения и обожания, сам не торопился предоставлять свои, – грустно сказала Жанна.

– Бывает любовь невероятной силы, над которой почти не властен разум человека. Мне кажется, она случается только раз в жизни. А у Фёдора их вон сколько. Это ненормально, – сказала Аня, теперь уже окончательно придя в себя, и направила на Инну свой пристально-внимательный, настороженный взгляд.

– Экая невидаль! Он одержим бесами необузданного вождения! У меня тоже не раз башку сносило от влюбленности в других мужчин, когда я бывала замужем за недостойными. Очаровывалась, была симпатия, восторг, трепет. Ну, чувствовала в груди предательское стеснение, ну, голова шла кругом. Рыдала, конечно. Думала: «Классный мужик! Какая мощная мужская энергетика! Вот был бы уникальный тандем! Но два огненных темперамента могут взорвать, убить друг друга или загасить». Вибрации чувств случались такие мощные, будто меня бросало на оголённые провода с напряжением триста восемьдесят вольт. Бывало, не могла спокойно пройти мимо обожаемого объекта. Готова была вцепиться в него губами, руками... Ничего не поделаешь – темперамент! Влюблялась как сумасшедшая, но не до полной же потери бдительности, чтобы не помнить себя. Ничего, брала себя в руки, успокаивалась. Понимала: дороже сохранить чистое обожание.

– Какие плотоядные желания! – усмехнулась Жанна.

– И всё от того, что мне не хватало внимания в семье. Это досаждало, бесило. Могла бы целенаправленно добиться своего. Мол, давай, смелее, и всё получится... Но я же понимала, что это моя излишняя возбудимость, а не дыхание судьбы. Не хотела быть разлучницей и за свою семью неслала ответственность. Умела останавливаться, не теряла соображения. Сознвала, что меня могут неправильно понять. Не запараллеливала любовь и влюбленность.

Конечно, мне нравилось играть на очаровании ветренности, чтобы кровь не прокисала, замирать от неожиданно нахлынувшей нежности и тревоги. Были мужчины-друзья, с которыми хорошо беседовать, были поиски настоящего, единственного... Всё бывает, когда живешь с мужем как с квартирантом... Жалко тех глупых лет. Но ведь пока разберёшься в своих чувствах... – созналась Инна и с насмешливым интересом взглянула на Аню. Но та не среагировала, а может, не захотела про себя откровенничать. Но о Фёдоре высказалась вполне определённо:

– У него не любовь – блудливость, круги на воде. Он, видите ли, непредсказуемый. Насобачился... по кустам. Пошлит – и в норку, к жене. А та пожинает плоды его вольностей. Он плыл по течению, куда влекла очередная профурсетка. (*Слово-то какое откопала!*) Простите, пассия. И даже не ужасался своей черствости. Он противен мне до омерзения. Нельзя давать воли страстям, потакать подлости и пошлости. Нельзя прощать предательство!

– Всё запрещенное интересно. Зачем ты так о невезучих женщинах? Коробит меня твоя безжалостность. Забыла шёпот искушения? Пробуди в себе память прошлых чувств. Никому не известно, отчего вдруг между двумя разнополюсными особями рождается не предполагаемая, ничем не спровоцированная взаимная страсть. Она как горячий ветер. Ночь, звёзды с блюдце. И вдруг полёт! И мир прекрасный и удивительный!

– Ты серьёзно? Страсть испепеляет. Скрывают стыдное, позорное, гадкое! – попалась на удочку Инниного трёпа Аня. – У моей подруги муж умер, а её душа до сих пор переполнена человеком, которого давно уже нет, его прошлыми глубокими, сильными чувствами.

– Только им? Только к ней?

– Всё-то ты опошляешь. Пропала в тебе романтическая приподнятость.

– Я не оцениваю прошлое с позиции увядающих сморчков. – Инна попыталась сменить горькую тональность Аниных эмоций на насмешливо-ироничную. – Если все наши высказывания сложить, получится несколько иная картина.

«Как всё у неё гладко сошлось и склеилось! Чтобы мне досадить, так сказала?» – включила свою мнительность Аня.

– И спросит Всевышний Фёдора пред вратами: «Любил ли ты кого-либо так, чтобы твоя любовь достигала вершин прозрения, или ты признавал только себя и свои желания?» – возвестила Жанна тоном проповедника.

Женщины не откликнулись на религиозные сентенции подруги.

– Да, прошла Эмма через горнило... Только смерть освободит её от многолетнего, глубокого до отчаяния разочарования, в которое повергла её жизнь с Фёдором. Холодно ей жить на свете. – Аня последней фразой выдохнула и свою боль несостоявшейся личной жизни. – Как хочется иногда пожить в детской счастливой справедливости! Это старость?

– Она самая. Ты у нас непревзойденный мастер пессимизма, – ответила ей Жанна.

– Оптимизм у меня украли ещё в детстве.

– И с концами, – подтвердила Инна.

– В сырой земле холоднее. Не кляни свою судьбу, каждый день встречай с радостью. Пока мы ругаем жизнь, она проходит мимо, – непререкаемо заявила Жанна и принялась кончиками пальцев нервно растирать виски.

«Даже когда злится, не забывает о том, что женщина всегда должна выглядеть изящно и грациозно. Инна зажала бы голову в основаниях ладоней», – произвольно мелькнуло у Лены.

«А Ленка хотя бы словом обмолвилась. Не интересно ей? Презирает нас? – с обидой подумала Аня. – В череде других фобий эта для меня особенно важная или обычная?»

– Муж – человек, который может защитить жену от всех бед, кроме себя. Если захочет, – засмеялась Инна.

– Я помню Эмму обаятельной, улыбочливой, непосредственной, трогательной, органичной и благожелательной. «С лицом небесной лепки».

– «В тени лиловой врубелевских крыл», – продолжила Инна мысль Ани строкой поэта Александра Межирова.

– И вот теперь она несчастливая, бездарно и тоскливо несущая свою перевозданную, собственноручно загубленную красоту. А у Фёдора всё с точностью наоборот.

– Ну, допустим, не бездарно и не собственноручно, а посредством постоянного подавления мужем, – остудила Жанна пылкий монолог Ани. – Когда любим, мы дарим себя, а мужчины часто не ценят легко достающееся даже в семейной жизни. Их все время надо на взводе держать, чтобы старались, добивались. Чтобы любовная лодка не разбилась о быт и держалась правильного направления, надо постоянно искать способы укрепления её курса.

– Можно подумать, Эмма не искала. Такими жёнами не разбрасываются. Ему, дураку, неслыханно повезло: женщина его любила, чуть ли не с радостью носила свои оковы, а он распоясался! – вспыхнула Инна.

– Эмма говорила, что, когда была счастлива, на крыльях любви летала и никогда не уставала. Когда ждала мужа, ласковая, нежная тишина окутывала её каким-то удивительным покоем. И всё, что происходило вокруг, как бы к ней никак не относилось. Настроение было точно ровная линия. Но стоило любимому появиться, она начинала кружиться, на-

певать что-нибудь беззаботно-радостное или бравурное. А теперь она вся изломанная, взгляд плывущий. Руки стали какие-то нервные, несуразные. Доброта тоже должна быть разумной, иначе она может такое натворить с человеком! – вздохнула Аня, как всегда, находясь во все-оружии своей незащитности.

– Эммино счастье расплзлось, как старая ветхая ткань, и она ухнула в обиду. Наверное, дурное в Федьке существовало всегда, но дремало до поры до времени. И вдруг очнулось, встрепенулось и подсказало, что не отягощён он морально-нравственными нормами. И снизошло на него «озарение» – новое видение своей семейной жизни, – съязвила Инна. – Вот и верь мужьям беззаветно. «Любовь моя – верши своё добро!» Вершила, чёрт побери!

– Только не брал он Фёдора, – по-своему быстро отреагировала Жанна.

– Можно подумать, у Эммы не было искушений, но она же держала себя в рамках. Влюблённость – радость, а любовь по большей части – страдание. Любовь без ревности, верная, верящая – святая! – провозгласила Аня.

«В ней интересно сочетается наивное, доброе и трагичное. Никакого интриганства, двойных стандартов. Легко с ней», – промелькнуло в голове Лены.

– Верить мужчине – значит, по меньшей мере, демонстрировать своё простодушие, а простота, сами знаете, – хуже воровства. Вот и судите, – сказала Инна. «Давно ли я сама это

поняла?» – напомнила она себе.

– А говорят, что простодушие одних делает других людей добрее.

– Таким, как ты, Аня, говорят.

– Фёдор ставку во взаимоотношениях с женой делал на агрессию, а опорой жизни Эммы были вера, любовь и доброта. Но теперь под натиском гадких фактов остался в ней только грустно-философский взгляд на жизнь. Горькую пилюлю преподнесла ей судьба. И как тут найти общий язык?.. Вот и сдала позиции. А муж для себя её трагедию превратил в фарс. Я к таким субъектам поворачиваюсь спиной.

– Анечка, поражаешь пронизательностью. Какие мы теперь все умные! – улыбнулась Лена.

– Я где-то читала, что в момент искреннего признания в любви человек открывается во всей своей потрясающей красоте, а Федька, когда они целовались...

«Надо думать, что скрывать, а что выносить... Пикантные подробности на весь белый свет? Это не тема для прилюдных обсуждений. К чему этот стриптиз? Вряд ли Эмма одобрила бы подобную обескураживающую откровенность. О сокровенном лучше не распространяться», – прошептала Лена на ухо Инне. И, сама того не замечая, стала отбивать кончиками пальцев на её плече нервный ритм.

Та отстранилась и посмотрела на подругу. В её глазах читалось: «Я лишь слегка приоткрыла правду об их взаимоотношениях. Сболтнула лишнее? Сверлишь гневным взгля-

дом, наставляешь на путь истинный? Неужели ты думаешь, что это меня остановит»? Но тон несколько изменила.

«Ну, хоть что-то», – усмехнулась Лена и прикрыла усталые веки.

– ...Потом, когда подозрения превратились в реальность – против фактов не возразишь, – Эмма уже ни на минуту не сомневалась. Вот тут-то вся её предыдущая жизнь с Федькой предстала перед ней в ином свете. Но она еще пыталась отсрочить развязку, оберегала свое железное чувство долга, укрепляла в себе стойкость к невзгодам, всё на что-то надеясь. А Федька, зараза, заложив большие пальцы за проймы модного жилета – помните его привычку? – зависал над ней в горделивой позе победителя. Самовлюблённая посредственность! Как же в нём властно заявили о себе новые желания! Таковыми оказались его воззрения. И это не шло ни в какое сравнение с тем, что Эмма от него ожидала. Штмп в паспорте не гарантирует незыблемость семейных устоев. А возмездие, как всегда, не торопится, чтобы воздать предателю. И жила Эмма в ощущении постоянных потерь, – похоже, довольная своей осведомленностью, эмоционально доложила Инна.

«Разговор об Эмме развернулся не так, как я ожидала. Он какой-то безнадежно вульгарный. Вот и поверяй подругам сердечные тайны», – нервно поежилась Лена.

– Устроила разбор полётов? Душераздирающая история.

Какие «муки счастья» еще преподнесешь? Певец страданий, и только! Ты у нас прямо-таки Шекспир...

– Доморощенный, самодеятельный, – договорила за Жанну Аня.

– Высказалась весьма исчерпывающе. Скорее уж Мопассан. Тронула сердце? – не признавая за Аней способности к иронии, спросила Инна.

– Я, к стыду своему, в их отношениях долго не видела признаков разлада или раскола, – повинилась Аня.

– А то бы фитиля вставила?

– У всех случаются маленькие размолвки. Я даже сначала отчаянно им завидовала.

– Ну, если подходить к людям с позиции презумпции невиновности и симпатии...

– Конечно, будучи у них в гостях, я кое-что замечала, чувствовала их замешательство, но в общую картину это не складывалось. Я считала, что всё у них устоялось и стабилизировалось. Выходит, ошибалась. Жаль, что Эмма увязла в болоте хронической «болезни» мужа, да ещё позволяла вить из себя верёвки. Она более чем кто-либо заслуживает любви и уважения.

– Коль чем заниматься, так уж по-настоящему, без халтуры и разгильдяйства, – съязвила Инна в адрес презируемого «субъекта».

– В мире нет ничего страшнее нас самих, – еле слышно пробурчала Жанна и грустно разродилась избитой шуткой:

– Так уж получается, что всё приятное в нашей жизни либо противозаконно, либо аморально или приводит к ожирению.

После некоторой паузы Аня, смущаясь, зашептала:

– Девчонки, может, наша многострадальная Эмма и Фёдор в чём-то друг друга не устраивали? Скажем, не подошли темпераментами или их биоритмы не совпадали. И вкус к удовольствиям и наслаждениям у всех разный. Кто-то гурман в еде, у кого-то склонность... к разврату – к этой пошлой разновидности физической «плотоядной» любви. Может, женившись, Фёдор не нашёл воплощения своих фантазий, вот и стала его привлекать пикантная таинственность замужних дам и разведенков.

– Когда каждый день тебя кормят пирожными, хочется чёрной засушенной корочки? – хихикнула Жанна.

Аня вдруг почувствовала отчаянную и, может быть, не совсем обоснованную потребность быть понятой.

– Я не ханжа, но не приветствую распутство. Жизнь подчас скучна и примитивна, а каждому хочется каких-то позитивных переживаний, ярких событий... Вдруг Фёдор решил претворить в жизнь свои трудно осуществимые, нешуточные сексуальные фантазии? Это его бесконечное, неукротимое влечение стало единственно желанным способом самовыражения, главной радостью. Оно звало, влекло, терзало, вызывало бурю неумных страстей. Он жил ожиданием

новых встреч. Возможно, в нём схлестнулись совесть и азарт. Может, сдерживая себя, он платил за это душевным покоем. Понимаете, к жене у него любовь, уважение, а тут страсть... Это мало с чем сравнимый комплекс чувств. И Фёдор как бы ощутил в себе способность к новому... прекрасному... к физическому разрыванию себя на грани возможного, к мощному взрыву эмоций. Ему было довольно странно и страшно чувствовать себя сверхспособным.

Не сразу он осознал себя обделённым. Вот и посчитал, что отважился на фактически невозможное чудо, потому что получил вызов, на который раньше не умел и не решался ответить. Даже представить себе боялся... А теперь должен совершить прорыв, – в возбуждении привстав с матраса, сказала Аня. – И вдруг он, не сумевший исполниться святости, одержимый демоном страсти – неуправляемой сексуальностью, или, как там её, – чувственностью, взорвавшую в какой-то неведомый момент его серую жизнь... будто проснулся. Он мечтал, мечтал, и только потом безоглядно бросился в бездну сладострастия как в буйное похмелье. Одна, ещё одна, ещё... Облом. И снова на поиски. Всё его внимание приковано к одному... В погоне за наслаждением он ничего не видит, не слышит... Для него это именно то, ради чего он живет... Он кожей чувствует... И на это поначалу тоже требовалось внутреннее мужество. *(Какая мозговая атака! Шторм!)* Это как болезнь, которая хуже, чем игра в карты и алкоголь. Он не может обуздать свой порок. Его словно пе-

реклинивает. Для него удерживать себя в рамках порядочности всё равно что убивать свою природу, естественное, мужское, здоровое проявление. Таким создал его Господь Бог. Его съедала страсть. Он такой – и ничего не мог с этим поделать. С его широкими запросами ему мало одной, двух, трёх... Саднила жажда новых впечатлений, жадность до сексуальных приключений. Азарт застилал глаза, оглуплял мозги. В нем кричала похоть. У него были крылья не из любви... а из пепла. Влюбляться и стогать!

Я бы тоже не против такой обоюдной любви. Чтобы лететь навстречу друг другу... Но только с одним на всю жизнь. Но страсть кратковременна. И мне это не подходит. А Фёдора, наверное, именно это устраивало. Потому что он часто вспыхивал. И тогда для него не существовало ни семьи, ни детей. Он не контролировал себя. В моменты страсти он не существовал как личность, жил под её наркозом. Помните, у Достоевского?.. И у Толстого. Наверное, трудно сохранять равновесие между страстью и порядочностью? Страсть заставляет людей ошибаться, совершать преступления...

Инна зашлась в еле подавляемом смехе и ничком повалилась на подушку.

– Ну, мать, ты даешь! Фантазёрка. Но Федька, к сожалению, вовсе не такой. Я удивлена до крайности. Ты с такой яростью и искренностью пытаешься в поведении Федьки обнаружить причинно-следственные связи? Нашупала? Есть люди, которые неистово любят, а, впадая в гнев, до сумасше-

ствия ненавидят. Только подвиги хороши на пути благородства, а не распутства.

Жанна не поняла причины смеха Инны и строго процитировала:

– Единство духовного и плотского – это, может быть, одна из самых прекрасных нравственных ценностей. Она наиболее трудно достижима... для женщин. Я, например, только после тридцати лет, после рождения второго ребёнка, поняла вкус к сексу, а мужа всё равно любила. Поэтому сначала тоже считала, что духовное отдельно, телесное отдельно. Но при чём здесь Фёдор с его непорядочностью?

– Какая там духовность в сексе, если мужчина получает удовольствие даже при яростном нежелании женщины! Единение необходимо только нам, женщинам.

– Инна, я не думаю, что ты права, – сказала Жанна.

– Может, мы напрасно заставляем испепеляющее пламя страсти улечься? В этом есть некоторое противоприродное лукавство. Невозможно противостоять, если сердце настойчиво требует высоких амплитуд чувств. А если человек всерьёз ещё раз полюбил? Ведь есть же потребность верить себе, – осторожно продолжила свою мысль Аня, и румянец робкого смущения залил её бледное лицо. – Много вопросов задаю?

«Она до сих пор краснеет? Будто зарницей лицо полыхнуло. Растерянность звучит и в словах, и во взгляде. Какую тему подняла! Вот вам и тихоня», – подумала Лена, внима-

тельно изучая новое для себя лицо выступающей.

«К чему им мои откровения? Всё, о чем бы я ни говорила, Инна всегда оборачивает против меня. Я могу ошибаться. Это моя болезненная мнительность? Но ведь для неё имеют-ся причины», – грустно оценила себя и свой монолог Аня.

– Страсть – только одна из составляющих любви, дорогой мой страж справедливости и порядочности! Забыла, кому приходится расплачиваться за последствия сиюминутной сумасшедшей любви, этого неконтролируемого влечения? Это у мужчин авантюризм и мужская гордость обладателя. Ты могла бы простить неумение управлять страстью, если бы её следствием стало разрушение семьи? Думаю, нет. Я тоже, – вызываясь сдвинув брови, напустилась на Аню Жанна.

«Её волнует не что делать, а кого винить?» – удивилась Лена.

– Да-да, понимаю, сдерживающие факторы... – совсем уж робко, будто в своё оправдание, сказала сразу присмиревшая Аня. – А может, у Фёдора было сильно развито желание получать удовольствие и радость? Это отклонение? – бестолково залепетала она, совсем запутавшись в своих теориях. И окончательно затихла.

«Как откровенна! – растерялась Лена. – Может, она посчитала, что мы поймем её лучше, чем подруги по работе? Возможно, она не стесняется нас, зная, что мы как встретились, так и разбежимся, а её любознательность требует разъяснения и осмысления некоторых тонких вопросов».

– Откуда в Фёдоре эта хмельная в себе уверенность и надежда на возможность достижения никак не сбывающейся мечты? Кто и как промыл ему мозги? А спесь? Ну не из ничего же детства? – спросила Жанна и после некоторой паузы добавила презрительно:

– Понимаешь, Аня, у него не откладывалось в голове, что он подонок. Он счастливый человек!.. Ох уж эта пресловутая теория стакана воды! Вскружила голову мужикам. Видно, по сердцу им пришлось. Во времена Пушкина люди были более нравственны. Помнишь, как Аполлон Григорьев страдал и плакал... стихами, увидев на пальчике своей возлюбленной колечко? Какое целомудрие! В его строках навечно остались и любовь, и боль, и мука... узреть туфельку на ножке любимой было потрясением и очарованием. А видение на миг мелькнувших коленей вызывало у юных обожателей бурю тайных эротических эмоций.

Жанна романтично закатила глаза. Она явно не подыгрывала Ане.

– Раньше мужчины на портреты любимых смотрели, а теперь им порно подавай... О времена, о нравы! – вздохнула Аня.

– ...Страсть в этой замороженной рыбе? Да он спит на ходу! – бурно возроптала Инна. В этот момент Лене показалось, что у подруги нет лица, только огромные, горящие ненавистью глаза в тёмных полукружьях век. И она подума-

да, что все же глаза – самая заметная и самая выразительная часть на лице человека.

– Может, Фёдор только внешне такой?.. А вдруг положение, в которое он себя ставит, мучительно для него, расшатывает его устои?.. Инна, не смотри под руку, я начинаю волноваться и сбиваться с мысли.

– Аня, ты нам перед этим описывала наркомана или ма-
нюка? Тогда его лечить надо, – убеждённо сказала Жанна.

– Фанатичное увлечение профессией – тоже страсть, подобная наркотической, – сказала Аня, чтобы увести Жанну от её неожиданных выводов.

Но та почувствовала, что наличие любой, даже отрицательной одержимости приподнимет и оправдает в её глазах примитивного Фёдора. Этого она не хотела себе позволить, поэтому продолжила свою линию нападения:

– После страсти ничего не остается, кроме горечи и тоски.

– У кого как. Муж одной моей подруги говорил: «Брось свои стирки и приборки. Я это сам сделаю. Ты мне не для этого нужна». Наверное, трудно лишать себя удовольствий, – выдержав выразительную паузу, осторожно предположила Аня и тут же сконфузилась, встретившись с полными любопытства глазами Инны, и нервно затеребила край подола своей ночной рубашки. Две другие слушательницы, шокированные наивной откровенностью Ани «по чистой случайности», дружно отвели свои безразличные взгляды в разные стороны. И в воздухе повисла деликатная пауза.

– Оправдываешь Федьку? Ах, какая извилистая траектория судьбы, какой запутанный лабиринт жизни! В них затаённый трагизм несчастной, неудовлетворённой души великого человека! Ты ещё скажи, что Федька святой и падший в одном лице! Любящую, единственную разменял на десятков других... И кто же это на пустом месте привил ему чувство собственной исключительности? Ему всё позволено! А люди с чувством долга, верности и ответственности обязаны исполнять его капризы, терпеть, служить ему? Ха! В глазах других женщин он видел тайны Мира и глубину Себя!

– Какая простая и верная мысль! – поддержала Жанна ехидный настрой Инны.

3

– Объясните мне, бестолковой: почему мужчина бросает прекрасную во всех отношениях жену с двумя детьми, положившую на алтарь семьи карьеру, здоровье, жизнь, и женится на пьющей, разбитной стерве? Боится ей слово против сказать, выполняет все её капризы, переписывает на нее дачу. Я бы поняла, если бы он ушёл к более молодой, красивой или умной. Но она – черт-те что и сбоку бантик!

Ответом Ане было молчание. И она сменила тему.

– Есть предел, до которого женщина способна закрывать глаза на фокусы мужа. Но Фёдор его постоянно расширял, просто через него перешагивал. Такому лучше бы вовсе не

жениться. Ему нужен «дом свиданий», – в робком смущении, запинаясь, добавила Аня, чтобы смазать впечатление от своей неожиданно наивной речи. – А если там, у тех женщин, болезни, наркотики? Они смертельны... И СПИД рядом. Тоже не дай Бог. Почему не боится занести жене? Ему надо искать что-то более морально-нравственное? Оно сослужило бы хорошую службу?... – продолжила растерянно и бессвязно бормотать Аня.

Произносимое ею превосходило любые ожидания подруг. – В наших рядах СПИД? Тормози, старушка. Не боишься сорвать «овации»? – сказала Инна и наградила Аню непоощрительным шлепком по спине. И тут же спросила себя: «В её словах бывает хоть доля лукавства или она и на него не способна?»

– «Знаем слово мы в слово приговор твой суровый». Брось кривляться, отвяжись от Ани, – неожиданно взвинтилась Жанна и замолчала от внезапно возникшей между нею и Инной отчуждённости.

– Да не дергайся ты, – отмахнулась от неё Инна. – В отличие от Ани я всё про Эмму сразу поняла. Аня у нас теоретик, у неё огромный опыт только неразделённой любви, от которой не бывает... физической ломки.

Аня не обиделась на Инну и заступничества Жанны не приняла, но продолжила неуверенно:

– Супруги разбегаются, когда один из них требует невозможных вещей, когда надоели друг другу до чёртиков и

больше нечем завлечь. Может, Фёдору не хватало в жизни мечты, цели? У женщин всегда есть перспектива. Они то детьми, то внуками, как гроздьями винограда, обвешаны. А мужчины, если на работе не клеится, ищут отдушины. Кто пьёт, кто по женщинам... Есть тяга к перемене мест, а бывает к перемене... женщин. Что же делать, чтобы сохранить семью, когда всё серо, буднично, обыкновенно и... зачастую нудно-противно? Или секрет крепкой семьи давно утерян?

– И тебе пришло время обнажать скрытые пружины механизма семейной политики? – удивилась Инна.

– Настаивать на неотлучном присутствии мужа в семье? Терпеливо вести постыдную жизнь в надежде, что он остепенится? Разве есть универсальные рецепты? Кто-то из наших друзей сказал об Эмме: «Она истинно русская женщина: стойкая и трогательная, мужественная и одновременно такая слабая!.. Сильная, когда дело касается других и надо помочь, но ранимая и неуверенная – если ее. Она верная, надёжная и решительная, но иногда на удивление беспомощная. А возле мягкой женщины, как правило, появляется недостойный мужчина». Что тут можно посоветовать?.. Если уж Эмма несчастливая, то чего уж мне было трепыхаться? – В голосе Ани звучало тоскливое отчаяние. – Я в принципе, познавателью... У одной моей знакомой статная фигура, мощный темперамент, острый, но не злой язычок – полный набор прекрасных качеств, – а счастья не было. Бывало, шла – толпу рассекала! Мужчины оглядывались, вслед

смотрели, а муж не замечал её достоинств. Но она не уходила от него – дочь у них, – и по сути дела сама семью содержала. И вдруг муж в пятьдесят лет в школьницу влюбляется! Ни уют, ни умопомрачительные борщи и соленья жены ему больше не нужны. Нос от них воротит.

История получила неожиданное развитие и завершение: через год он отбыл с молодой женой в неизвестном направлении, чем, конечно, страшно всех озадачил. А меня что-то неприятно толкнуло изнутри: «Бедная девочка! Её ожидает крушение надежд по всем статьям. Куда её мать смотрела? Ну, был бы хоть «мужик – только держись!» – молодой необъезженный мустанг. А то ведь так себе, старая развалина: капризный, вялый, сухой какой-то. Не та харизма». Может, он изменится и станет героем? Мужчины не умеют себя трезво оценивать и соизмерять свои желания и возможности? А Сократ говорил, что «непознанная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой».

– Давай, равняй всех по гениям, – буркнула Жанна.

– И на бровях этому горе-жениху случалось приходиться, в хлам пьяному. Бывало, назююкается, «подгробет» к подъезду, а подняться на пятый этаж не может. Жена забирала, доволакивала. Какая-то у нее Христова любовь к нему была. Правда, красивые слова ее муж по молодости умел «петь». Я ему иногда говорила, мол, нельзя вам пить, вы слишком быстро деградируете нравственно и умственно. Пока не употребляли, вы любили жену, а теперь демонстрируете ей свое

неуважение. А-а... бесполезно мужчине о чем-то толковать, если мозги у него чем-то затуманены. Не важно чем, – безучастным голосом закончила рассказ Аня и плашмя устало плюхнулась на матрас.

– Не сплетничай, – сделала ей замечание Жанна.

– Я же не называю имен, – с негодованием огрызнулась Аня и продолжила:

– Может, у мужчин есть юношеская любовь и любовь зрелого мужчины?

– Ищешь дураку оправдание?

– Да уж, наверное, не дурак, коль молоденькую охмурил. Жалко глупышку.

– А первая жена обездолила без муженька? Небось, наконец поняла, какое ярмо сбросила, – рассмеялась Инна.

«Истории о плохих мужьях – Анин Клондайк, и повод для продолжения разговора», – подумала Лена.

– Один мой коллега десять лет добивался своей дамы сердца, укротил-таки ведьму. Но принесло ли это ему счастье? Когда слишком много ожидаешь, получаешь разочарование. Мне так кажется. А одна моя подруга второй раз замуж вышла, но первого мужа не отпустила. По сути дела, обоих при себе держит, не может выбрать между ними. Первого к себе зазывает, и он приходит. Почему?

– По правде говоря, звучит заманчиво, – рассмеялась Инна.

– Она подумывает к нему вернуться? Может, уже и засо-

биралась? А зачем тогда разводилась? Гарем завела. Вот и пойми их всех... Наверное, есть вещи, сознательное объяснение которых невозможно.

Аня растерянно развела руками. У нее, как всегда, на все случаи жизни нашлись примеры неудачных или оригинальных судеб своих знакомых. Но они не прибавляли ей понимания жизни.

– Говорят, женщину «просчитать» труднее, чем мужчину. Сегодня она мягкая и пушистая, а завтра коготки выпустит. А я легко предвижу поведение героев в фильмах, потому что их создают в основном мужчины? – спросила Аня.

«Вышла на новый виток муже- и женоненавистничества», – недобро подумала о ней Жанна.

«Вот ведь натура у Аннушки! Почему концентрируется в основном на несчастливых судьбах? Изучает?» – удивилась Лена.

– А может, не надо стремиться глубоко понимать друг друга? Иначе жить станет неинтересно, – сделала неожиданный вывод из своей речи Аня.

– Надо, Федя, надо, – всем известной фразой из кинофильма серьезно ответила Инна. – Анюта, ты хочешь создать «теорию равновесия» семейных отношений?

– Куда мне! – отмахнулась та. – Это ты у нас не страдаешь недостатком воображения и логики.

– Судьба – сумма случайностей и, похоже, она не всегда выбирает лучший вариант для своих объектов-субъек-

тов. Стоило ли Эмме сохранять свою семью? Я бы сказала Федьке «пока!», и все дела, – заявила Инна. – А Эмма в любой ситуации выбирала семью. Даже ценой нечеловеческих усилий.

– Что касается Федора. Надо выяснить, что ведет его по тропам распущенности. Главное, поставить правильный диагноз, а потом подобрать «лекарство», – уверенно сказала Жанна.

– И начать упражняться в благородстве? Перебьется! Но ты у нас крупный специалист по семейным патологиям. Вай, советуй! – издевательски ласково разрешила Инна.

– А если человек не может освободиться от любви, если она как неизлечимая болезнь в нем застряла? – снова задала риторический вопрос Аня.

– Придется повеситься, – с серьезной миной отреагировала Инна.

– Самоубийства случаются, если люди зацикливаются на себе, на своих бедах, – не менее серьезно заметила Жанна. – Лучше развестись и переключиться со своего горя на проблемы детей. Не усмирять свой характер надо, а менять акценты.

– Здравсте-пожалуйста! А я о чем толкую? Эмме с Федькой давно надо было разбежаться по разным галактикам.

– Инна, умерь свой пыл. Аня, хочешь знать рецепт счастливой семейной жизни? Мужчине надо давать то, что он желает, но сам еще об этом не догадывается. Способ, проверен-

ный веками. Я бы именно с этого начала.

– Поясни, что ты имеешь в виду. Жена должна увидеть в муже то, что он сам в себе не видит? Она подсознательно должна это почувствовать? Как женщине угадать желания мужчины? – растерялась Аня. – А если он захочет юную особу? Помолодеть ни у кого не получается. Молодости ничего не противопоставишь. По понятиям мужчин и ум, и доброта ей проигрывают, поэтому возможность такого варианта я даже рассматривать не буду.

– У Федьки другие запросы. Проще. Он из тех: куда смотрит «перископ», туда же и «башня». Слышала такой анекдот? И еще он из тех, которые за комплименты кого угодно продадут. Такие руководствуются в своей жизни не делами людей, а их словами, – рассмеялась Инна.

– Жанна, ты не ответила на мой вопрос, – капризно поджала тонкие губы Аня.

– И ты на мой тоже, – отшутилась та. Но пояснила свой тезис:

– Разнообразить надо семейную жизнь. Спокойная – даже счастливая – подобна монотонной поездке с постоянной скоростью. Нужны положительные встряски, вспышки встречных составов. Необходимы новые и лучше если долговременные увлечения. Понимаешь, самой надо благоверному желания придумывать, с учетом его характера, и направлять по ним. И тем выставить заслон нежелательным явлениям. Ты помнишь Олю, мою подругу по оркестру? Так вот, чтобы

супруг не забаловался от безделья, она нахваливала его деловые качества, а потом, когда он уши развесил, сад ему купила. Он там уже много лет дом строит, а она рядом счастливая ходит, цветочки выращивает. Божественная гармония! Надо менять не только привычки мужа, но и его желания, потому что они – двигатель жизни. В этом я вижу залог надежности и стабильности семьи. И еще. Француженки говорят, что если мужу не нравятся твои духи – поменяй мужа. Так это шутка. Если человек тебе дорог, ты сама тоже обязана смирять свой нрав. Дружно жить в семье, не меняя своего характера, не получится. Где-то на мужа надавишь, в чем-то сама подладишься. Семья – это сплошные компромиссы. По-другому поступать недальновидно.

– Сад всучила! Козел везде капусту сыщет, – со скучающе-досадливым выражением заметила Инна.

– Менять себя, свою суть, чтобы понравиться мужчине? Стоит ли оно того? – неуверенно пожала плечами Аня.

– Маленькое резюме: мои советы не догма, а руководство к действию. Ладно, предлагаю еще один, самый простой способ: советоваться с мужем по всем проблемам, даже самым мелким. Это возвышает его в собственных глазах: он царь и Бог, он герой! Беспроегрешная тактика.

– Посвящать мужа в каждый свой чих? Вываливать ему на голову все свои проблемы? Себя глупой выставить? В поддавки играть! Такого удовольствия я мужчине не доставила бы. К тому же на ниве вранья ни у меня, ни у Эммы никогда

не было заметных успехов. И второй вариант я отмечаю, – с жаром запротестовала Аня.

– Ты слышишь глас народа и смеешь пренебрегать общим мнением многих поколений жен и выражать несогласие? По какому праву? – рассмеялась Инна.

– Иногда нужно немного проиграть, чтобы много выиграть. Живой интерес к себе надо подогревать тем, что нравится мужу, что он любит в тебе. Вот тогда и доживешь с ним до «своего отчетного периода». Есть еще один метод: не указывать мужчине на его недостатки, не злить. Безотказный прием. Мужчины не любят, когда им в лицо тычут справедливой критикой, напоминают об их плохих или неудачных поступках, – продолжила советовать Жанна.

Брови Инны недоуменно выгнулись.

– Хотят, чтобы их любили и уважали больше, чем они того заслуживают?

– Да. Это им необходимо, чтобы чувствовать себя комфортно, – авторитетно подтвердила Жанна.

– Во всем надо соблюдать меру. Видела я на родительском собрании одного захваленного мужа. Он просто светился от осознания собственного «великолепия» и желания похвалы. Он жаждал ее как наркоман. Мне хотелось подойти к нему и сказать: «Не воспринимайте себя и свои заслуги слишком серьезно, будьте скромней. Сравните себя не с теми, кто хуже вас, а с теми, кто много лучше», – сердито возразила Аня.

– Не замечать недостатков мужей? Потому-то некоторые из них в мужской компании гордятся не достоинствами, а своей подлостью и непорядочностью, да еще с самодовольным смешком. Горазды трепаться, когда больше особо нечем выделиться. И по глупости, сами того не желая, изрядно себя подставляют. Сарафанное радио, я думаю, не женское изобретение. Однажды... – тут Инна перешла на заговорщицкий шепот.

Но Жанна не дала ей высказаться.

– Возражений не принимаю. Я вот иногда тоже критикую Колю, приходится. Но с улыбочкой это делаю, чтобы в подтексте всё равно звучало: люблю, ценю, прощаю. Мужчину усмирить можно только лаской. Их надо холить, лелеять, «поливать» комплиментами. Они, как хрупкие цветы, без этого вянут.

– Расщедрилась! Жеманничать? Многоходовая ситуация. Не по наущению, своим умом дошла? Бог с тобой! Такой совет меня и подавно не устраивает. Я не сильна ни в кокетстве, ни в легкомыслии. Можно подумать, ты нашла новый, неожиданный ракурс решения проблемы! Опустись с небес, приземлись. Эмма много лет улыбалась мужу, и что? И эта твоя версия рассыпалась в прах, – ответила решительным отказом Аня. У нее даже вырвался нервный смешок.

– Неужели Жанна сказала что-то, чего кто-то из присутствующих не знал? Аня, а ты надеялась установить с мужчиной суровый молчаливый контакт? – вклинила замечание

Инна. Не утерпела, чтобы не проехаться.

– Язвительность тебе удастся гораздо лучше. Она не идет ни в какое сравнение с твоим юмором, – кольнула ее Жанна.

– Юмор и не твоя сильная сторона, – мгновенно отреагировала Инна.

Но Жанна уже обратилась к Ане:

– Разве ты не замечала, что женщины, использующие слабости мужчин, добиваются своего счастья с большим успехом, чем умные, но прямолинейные. Мужчины хитрят и лгут для нашего закабаления, а ты отказываешь женщинам в такой малости, как кокетство?

– Я за честные отношения, без виляний и унижений, – заупрямилась та.

– Все-таки ты идеалистка, – недоверчиво покачала головой Жанна, не обращая внимания на «перестрелку» подруг глазами.

– Да куда уж быть практичнее?

– Запомни, умной и хитрой женщине всякий мужчина подчинится.

– Не всякий. А от подчинения некоторых мужчин тошнит. Они кажутся еще более противными, – брезгливо передернула плечами Инна.

– Всё, сдаюсь! – шутливо подняла руки кверху Жанна. – Какие способы ни применяй, стопроцентную гарантию счастья может дать только Господь Бог и то, если пожелает. В противном случае хоть обревись – все равно не удержишь

мужчину, уйдет, и никакими калачами не заманишь, если у него тараканы в голове завелись... «Ариадна разбрасывает нити судьбы, а мы их на лету ловим или с земли подбираем». И неизвестно, кому какая из них достанется и какой из нее получится узор. Во все времена были грешники и праведники, умные и не очень. Нравственное состояние общества зависит от количественного соотношения в нем плохого и хорошего.

– Жанна, а если мужчина упрям как баран и дух противоречия превосходит в нем все остальные качества, что посоветуешь? – поинтересовалась Инна.

– Надо запрещать ему делать то, что на самом деле необходимо выполнить.

– Он с удовольствием воспримет любой запрет, только бы ничего не делать. Да еще в «благодарность» восполнит отсутствие изящества мыслей и речей чем-либо... покрепче, – насколько могла нейтрально сказала Инна и перед ее внутренним взором замелькали «незабываемые» картины ее собственного общения с мужьями. Они оставляли желать лучшего.

И даже Аня почувствовала по воцарившейся паузе, что Инна меньше сказала, чем скрыла.

– Мы часто судим о многих вещах не по подлинникам, а по их приукрашенным копиям или по тому, что сами себе вообразили. Отсюда ошибки, – сделала свое вкрапление в разговор Лена.

– А мне кажется, что мужчина сам знает, что должен, чего не должен делать, – заявила Аня, не вникнув в Ленино замечание. И уловила тихий смешок, донесшийся со стороны, где лежала Инна, а потом и грустные слова:

– Это верно в случае, если он на самом деле умный, тонкий, понимающий, добрый, снисходительный. Такого сама не станешь обрывать, дергать, направлять. С таким можно всё спокойно обсудить, выяснить. С ним одно удовольствие что-то вместе делать. Только где же таких гладких, без острых углов мужиков отыскать! Может, они когда-то где-то были, да все вышли.

– Как все мужчины предсказуемы! Любовница моего знакомого чинила ему бушлат. Так он хвалился мне, мол, какая она хорошая, заботливая, все руки ради него исколола. А когда жена делала то же самое, он не замечал, – возмутилась Аня.

– Вот тебе наглядный урок. Надо было афишировать каждое свое деяние, а не считать свою работу делом обыденным. Мужья, пока им под нос не сунешь, не видят трудностей, которые жены преодолевают, и не ценят заботы о себе, – вынуждена была признать Жанна.

– Так почему же женщины теряют этих предсказуемых?

– Потому что мы считаем их лучше, чем они есть на самом деле, – объяснила Жанна.

– Ты знаешь, мой знакомый потом жалел, что поддался

любовнице. Он с ее ребенком так общего языка и не нашел, и свои дети после развода любовью к нему не пылали, хотя бывшая жена не только не запрещала, а, наоборот, сына к нему подталкивала, приваживала. Совесть его замучила. Ранно умер. А ведь в принципе добрый был парень, только легковверный и слабохарактерный.

– Нет чтобы вернуться в первую семью. Гонор не позволил?

– Любовница такой фейерверк с его разводом на весь город устроила, после которого отступать ему было некуда. Хитрая, опытная. Жалко мужика. Он сдуру пожаловался ей на проблемы с женой, а она и воспользовалась, приголубила. Пожалела! Будь мужиком, я бы вернулась и этим унизила бы любовницу, – выдала свою версию Аня.

– Уходят мужчины из семьи, когда верят, что кто-то их подберет и обогреет. Только теперь таких дурочек немного. Были, да почти все «вымерли» в условиях мужского душевного холода и безразличия. Как динозавры. Некоторые, правда, поодионочке в своих норах отсиживаются. Выживают только стервы, которые ради квартир подлавливают глупых мужиков. Таким бабёнкам и черт не брат. Да ладно, шучу я, – усмехнулась Инна. – Хотя в каждой шутке только доля шутки.

– Надо чаще напоминать нашим мужчинам слова поэта Андрея Дементьева: «Не впадайте в благодать. Без женского пристрастия и упора нам эту жизнь вовек не обуздать», –

сказала Жанна.

Женщины разговаривали еле слышно, словно не желали нарушать камерности обстановки, а на самом деле чуть смущаясь затронутой темы.

– А что мужчина должен делать для сохранения семьи? – спросила Аня. Вопрос прозвучал наивно, но Жанна ответила:

– То же самое, что и женщина. Заботиться. Русскую женщину легко сделать счастливой. Она не требовательная, не забалованная ни жизнью вообще, ни мужчинами в частности. Плечи расправит, нос на Полярную звезду – и вперед, на борьбу с трудностями!

– По мне так радость – главный стимул жизни, ее топливо. Все трудности человек преодолеет в надежде на дальнейшую радость, – сказала Аня. – Без нее, как без солнца.

– И без воды, и без воздуха, – насмешливо добавила Инна.

– ...У моей подруги была прекрасная семья. И вдруг муж влюбился. Теперь водку как воду глушит. Все у них в семье кувыркком пошло. Он изнемогает от любви, а уйти не может набраться смелости. Шлейф старых семейных проблем его назад тянет.

«Аня опять не преминула привести конкретный пример из жизни своих знакомых. Похоже, умеет она заговаривать чужие беды, перетирая их в сочувствие. Вот и исповедуются перед нею», – подумала Лена. Она еще полностью не стях-

нула с себя остатки дремоты и пыталась привести в порядок разбегающиеся мысли.

– Бойтся разочароваться в той, второй. В мечтах всё идеально. Но когда всё слишком стерильно, то так и кажется, что именно там должна быть масса секретов и неувязок? – предположила Жанна. – Когда мой знакомый влюбился, я у него спросила: «Стоит ли твоя подруга того, чтобы ради нее менять свою жизнь? Может, сначала детей доростишь?»

«А потом всю оставшуюся жизнь жалеть об упущенном счастливом времени?» – ответил он.

«Воображаешь, что оно будет для тебя счастливым? – усмехнулась я. – Опять ты только о себе? Когда человек начинает думать о других, все в его семейной жизни становится на свои места. Может, выход из ситуации там же, где и вход? Иногда бывает так, что за счастьем далеко ходить не надо, а мы не видим его, всё мчимся куда-то. Издали оно кажется и ярче, и слаще? Большие мечты часто идут в комплекте с большими нагрузками, так сказать, с тяжелыми прицепами... Ведь снова будут пеленки-распашонки, бессонные ночи... И возраст будет о себе напоминать».

– Каждой жене хотелось бы, чтобы в ответ на приставание другой женщины ее муж ответил: «У меня хорошая семья, и мне этого не надо». Да еще тоном, в котором звучало бы честное, грозное предупреждение! Сказки венского леса. Приятно иногда предаваться фантастическим мечтам. Мужики считают, что, отказывая женщине, они теряют свое

мужское достоинство. Они боятся показаться слабаками в глазах любой женщины, кроме жены. Для них это хуже смерти, – как кошка фыркнула Инна и напустила на себя холодно-неприступный вид. – Как по-разному мы с мужчинами смотрим на одну и ту же ситуацию!

– По мнению юмориста Жванецкого, «идеальная жена та, которая возбуждает и успокаивает», – вспомнила Жанна недавнее выступление артиста по телевидению.

– Не в бровь, а в глаз. Четкое мужское понимание брака! Вот что для них в жизни главное! А ты: дети, внуки.

– От первого до последнего вздоха для человека самое важное – семья, – уперлась Аня. – Услышать бы от Жванецкого понятие идеального мужа.

– Это определение должна придумать женщина.

– Переадресовала и успокоилась? Учитывая душевную и эмоциональную сложность женской природы, боюсь, определение не будет так однозначно, – серьезно заявила Жанна.

В комнате наступила звенящая тишина. Подруги пытались формулировать.

– Идеальная жена, оказывается, годится не каждому, – вздохнула Аня. Она намекала на Федора.

– И все-таки у Эммы не все дома. Столько лет пребывать в полном неведении! Отдуться за двоих! Свидетельствую долговременное завихрение помрачившегося от любви сознания, – насмешливо высказалась Инна.

– Противоречишь себе: то жалеешь Эмму, то насмехаешься. Ты способна уничтожить в человеке самое лучшее.

«Преувеличения и обобщения – Анины слабости, – мысленно отметила Лена. – Шумит, разоряется, а во взгляде все та же готовность к жертве. Я не скуплюсь ей на «комплименты»?»

– Жестокая ты, – почувствовав поддержку Ани, Жанна продолжила воспитывать Инну. – Эмма просто не знала, как к мужу подступиться, не умела сдерживать «бесчинства ошалевших стихий его сердца». Ты бы научила ее отторгать и забывать беды, чтобы они не продлевали страданий. Она же, наверное, мечтает избавиться от своей ненормальной любви, стать спокойной, непроницаемой для боли, безразличной к мужу. Она устала бороться с ненавистью, с жалостью к себе. Ты бы подкинула ей свой рецепт. У тебя, я слышала, хорошо получается справляться с самыми трудными семейными проблемами. Ты же у нас пофигистка. (*Знала бы она, чем платит Инна за маску самоуверенности!*) Но ты, я вижу, не в меру заносчива, – тихо и вкрадчиво добавила она.

– А в меру можно?

– Нужно.

«Ну, если бы сгоряча или по недосмотру, а то ведь нарочно выпендривается. Воображает, что её ай-кью зашкаливает и ей все позволено, – подумала Аня об Инне, сердито дернув себя за непокорный вихор. – Ей бы над собой так издеваться. Была бы реальная польза».

«Ох уж эта мне шоковая, назидательная педагогическая терапия! Ох уж эта большевистская интеллектуальность...», – вяло мелькнула в голове Лены ироничная мысль непонятно в чей адрес.

Она одними глазами мягко укорила Инну, мол, сделай одолжение, и та будто спохватилась:

– Прости, увлеклась.

«Фу, пронесло. Меня точно жаром обдало. Лена вмиг поставила подругу на место. Знать, ее влияние не иссякло, – преждевременно порадовалась Аня. – И Жанна правильно поступила, осаживая Инну», – привычно, по-учительски рассудила она.

– Бисмарк говорил, что только глупцы учатся на своем опыте, – сказала Аня.

– Мура все эти изношенные осточертевшие фразы! Только дураки прикрываются «обломками» чужих философских мыслей, – раздраженно откликнулась Инна.

– Усомнилась в правильности его изречения? Хочешь конкурировать с великими мыслителями? Тебя не пугает глубина их мыслей и чувств?

– Они тоже были людьми.

– Но какими!

– Я лучше тебе слова Гиппократу приведу.

– Не откажу себе в удовольствии послушать.

– «Брак – это лихорадка навыворот: он начинается жаром

и кончается холодом».

– Да он был с юмором!

– Скорее, обладал иронией. Видать достали его семейные радости.

– Для Эммы брак – не приключение, а обязанность, выполняемая с любовью. Для нее рай – это любовь, счастье в семье и высокое чистое небо над головой, – с уважительной симпатией сказала Аня.

– И где она очутилась со своей любовью?

– А для Федора счастье – это, прежде всего, свобода и блуд. Только пресытиться удовольствием, как и наркотиком, невозможно. Это явления одного порядка, – предположила Жанна.

– А для меня такое пристрастие – шоколад, – как-то совсем по-детски сообщила Аня.

«У каждого свои слабости: Инна прикрывает обиды остервенелой иронией, Федор реализует комплексы количеством... Такого типа мужчина меньше обидится на критику своих умственных способностей, нежели на сомнение в его мужских возможностях. Ладно бы только он...» – вздохнула Лена. Настроение ее покатило как санки с горы.

– Вот говорят, снисходительность порождает ложь и зло, а доброта развращает, – продолжила серьезный разговор Аня.

– Говорят, говорят... Все мы в той или иной степени страдаем пороком «говорильни», – усмехнулась Жанна. – Особенно педагоги.

– В гробу и в белых тапочках я видела всех философов. Я доступно излагаю? Может, и мне покопаться в хламных закромах моей памяти и выдать что-то совсем уж свое, но страшно замысловатое? Я запросто и всегда – пожалуйста.

Охотников выслушивать Иннины перлы и вникать в предложенные Аней теоретические взаимоотношения базовых, нравственных понятий не нашлось.

– ... Упал Федор в моих глазах ниже некуда. Я не уследила, что было первопричиной разлада в их отношениях. Ведь не на пустом же месте сложилась такая дикая ситуация? Обычно эта «хворь» – хождение налево – симптом неудавшейся семейной жизни. Я не хочу создавать собственную реконструкцию их жизни. Объясните мне ее суть в общих чертах. Что и почему у них пошло не так? Может, Эмма сама чего-то не учла, вовремя не распознала, не додумала, что для Федора самое важное в жизни, вот и пошло у них всё вверх тормашками, – сказала Жанна.

– Эмма виновата? – вскипела Аня.

– Где корни проблем ее семьи? – настойчиво спросила Жанна.

«О Боже, сейчас опять завяжется долгий, нудный разговор», – занервничала Лена.

– Как с ножом к горлу пристала. От праздного жгучего любопытства до сплетен и злословия один шаг. И пойдут круги по воде, – завредничала Инна и окинула Жанну испытую-

ющим взглядом. – А потом задним числом удивляемся... Во избежание эксцессов...

– Опять эти намеки и восточная уклончивая недосказанность. В кои-то веки вырвешься из дому, приедешь, а тут... на тебе – обвинение. Если человек всегда поступает правильно, ему не нужно завоевывать доверие. Оппоненту достаточно разумно проанализировать его прежнее поведение и сделать вывод. А вот тот, кто почему-то упорно желает заручиться доверием другого, сам часто имеет нечестные намерения. И это верно независимо от того, признается он себе в этом или нет. Никаких дурных мыслей у меня нет, и не может быть. Я живу на краю света, проделала долгий путь, чтобы встретиться, а ты... Плохо ты меня знаешь. Я от чистого сердца, из добрых побуждений, из сочувствия к Эмме, – взялась сердито и обидчиво оправдываться Жанна. – Может, ты ревнуешь меня к ней?

– Скажешь тоже! Начало твоей дружбы с Эммой восходит к временам студенчества, а мое – с детства, что особенно важно. Мы в одном дворе жили до того, как родители отправили меня в деревню и возложили заботу обо мне на бабушку. Освежила свою память? Вот под знаком этой предваряющей информации и рассуждай теперь уж без оговорок. Кстати, почему вы перестали переписываться? Некогда, быт заел?

Жанна не пожелала ответить.

– Бернард Шоу говорил: «Я счастлив потому, что мне

некогда было подумать о том, что я несчастлив», – сказала Аня, желая хоть чем-то успокоить начинающих заводиться подруг.

И добавила грустно:

– Порой мне кажется, что в семьях с детьми люди становятся еще более уязвимыми, беззащитными друг относительно друга, чем живя порознь. В жизни на их пути – всё время «ремонт дорог». Дети становятся серьезным аргументом в спорах родителей. Не лучше ли сразу изживать из сердца любовь, пока она там не укоренилась? Ох и странная это авантюра под многоговорящим названием «брак». Я, конечно, понимаю и допускаю...

«Все-таки Жанна несколько поверхностна. Как Евтушенко писал? «Поверхностность, ты хуже слепоты». С ее стороны несколько бесцеремонно вторгаться в чужое запретное. Ей мало того, что с излишней откровенностью уже выдала Инна? Ах, если бы люди были хоть немного более чутки друг к другу!» – вздохнула Аня.

«Однако же, недурно сказано про занятость! Эти слова очень подходят Лене», – подумала Инна, но хвалить Аню и развивать предложенную тему не захотела.

– Инна! Не заставляй себя упрашивать. Рассказывай. Не подкачай, – капризным тоном попросила Жанна. – Аня, твое предисловие что-то слишком затянулось.

– Хочешь что-то услышать – лучше помолчи, – огрызнулась Инна, но к повествованию приступила решительнее.

– Исполняется впервые... – мною! – артистично начала она, но под взглядом Лены осеклась и с патетики перешла на деловой тон. – Запасись терпением, долгая история, доложу я тебе, двумя словами не обойдусь. Я не стану блокировать подробности и расскажу все как на духу. Сведения достоверные, так сказать, исключительно из первых рук, из уст самой Эммы. И, как в шутку говорят, я знала, «что она знала, о том что я знала», но помалкивала. Я ничего не выведывала, не выуживала, не вызывала Эмму на откровенность. Она сама со мной делилась, сама душу свою обнажала.

Инна заметила искорку интереса в глазах Жанны и с удовольствием продолжила «тянуть резину»:

– Раньше я по рукам и ногам была связана обещанием. Эмма просила ни под каким видом не открывать ее тайны, даже не упоминать ее имени в разговорах. И я до сегодняшней ночи скрывала, что много лет служила ей жилеткой для слез. Глупая, гордость долго не позволяла ей даже передо мной полностью открываться. А я сама не приставала, речи об их семейных неурядицах первая не заводила, но внушала: «Освобождайся от боли, легче станет. Чаще вспоминай счастливые моменты». Но Эмма отвечала, что ей трудно думать о чем-то радостном, когда сердцу больно, когда тоскливое не покидает голову. Собственно, она права. А теперь, когда всё уже вышло наружу и рассекретилось... Даже я шокирована спонтанным откровением Эммы. Видно, вином язык развязала. А может, накопилось в душе сверх меры... Не ста-

ну томить, совершу экскурсию в ее прошлое, хотя это невыразимо трудно. Неважные подробности, конечно, опущу.

4

– Не завидно сложилась Эммина жизнь. Во-первых, я не могла понять, чем Федька ее покорила, чем сразил наповал. С наскоку взял своим трёпом? Он же селедка замороженная, белоглазая. Ха! «Холодная парадность его лица!..» В его геномном аппарате явный дефект. Он же скучный, неэмоциональный. Услышать от него что-то восторженное по какому бы то ни было поводу невозможно. И вдруг у Эммы такая мощная, яркая любовь к этому, с позволения сказать... Не тот портрет предпочла сделать иконой. Ладно. Не стану предварять события.

«Знаешь, что такое мучительная, разрушающая тебя любовь? – спрашивала меня Эмма. – Это когда тебя нет, вообще никого нет, везде только он один. Я во всех мужчинах видела Федю».

Меня испугало то, что Эмма была слишком взволнованна, и я попыталась перевести наш разговор в иное русло:

«Один философ писал, что «всякая усиленная привязанность приносит страдания». Крайности в любом деле вредны. Возьми хотя бы сыроедение. Ешь морковь, капусту, репу. Но зачем употреблять рыбу и мясо без термообработки?»

Но Эмма не потеряла своей нити в разговоре:

«Федя – мое наваждение. Я не могу противиться его гипнозу. Я будто им зомбирована, душой прикипела к нему намертво. Не отскоблить. Весь мой мир сузился до одного человека. Никто мне больше не нужен!»

«Верю, со мной тоже нечто подобное случилось, – отвечала я, подавленная полнейшей невозможностью облегчить беду подружки. – Мало того, что я презирала любимого человека, я его просто жутко ненавидела, и тем не менее никак не могла сбросить бремя постылой безнадежной зависимости, потому что влекло меня к нему как мощным магнитом. И не пугало меня все большее обнажение им своей неприглядной сущности. На меня какой-то умственный паралич напал, когда он был рядом. Я словно оказывалась в своего рода долговременном психологическом ступоре. Мужчин, находящихся в таком состоянии, не страшит ни развод, ни потеря детей.

Но не пора ли тебе прозреть? Тот, кого ты обрядила в одежды Бога и вознесла до небес, на самом деле не более чем посредственность. Почитать мужа за добродетели, которых он не имеет? Вкалывать ему на пользу? Ты соображаешь лучше него, а он не позволяет тебе высказывать свое мнение, поступать по своей воле. Он распоряжается твоей судьбой, как своей. (*Инна настолько сведуща?*) Наглые люди часто управляют мягкими и умными. Разумно ли это?

Федька не сомневается, что ты будешь верна ему до конца своих дней, но, когда ты заболеешь или вовсе свалишься, он

найдет себе другую жертву. У таких мужчин нюх на добрых и порядочных женщин. Человек не должен жить ради другого, если только это не малый ребенок. Люди в семье должны соучаствовать друг в друге. Твой Федька хочет незаслуженной любви и восхищения собой, требует от тебя посвятить ему жизнь, а сам в принципе не способен на полную отдачу кому бы то ни было, кроме себя. Да еще и относится к тебе с изрядной долей насмешки.

Ты сама себе цель, а не средство для осуществления прихотей мужа. Такая власть держится на молчаливом согласии жертвы, которая мирится с деспотизмом. Вот твой муж и застолбил за собой право командовать».

«В семье мне хотелось, чтобы муж до мозга костей понимал меня. Я стремилась к сотворчеству, а Феде надо было доминировать», – согласилась со мной Эмма. – Как-то при очередной ссоре Федя спросил меня: «Ты хочешь быть правой или счастливой?» Я ответила, что для меня эти понятия рядом стоят. Если я не права, я несчастлива и стремлюсь исправить положение дел. А что ты понимаешь под своей фразой?» «Я уже сказал: или-или», – усмехнулся он.

«Он благоденствует, пока ты позволяешь пахать на себе. Быть терпимой к мужу только ради его права на мнение, отличное от твоего? А если оно закабальет тебя? А он терпим? Это называется жить по разуму, отрицая разум. Вот и пусть катится со своими эгоистическими сентенциями куда подальше! Я, конечно, не вправе подозревать, что всё у вас

именно так и есть, но...» – тяжелым, как налитым свинцом голосом внушала я Эмме.

– Это совсем уж... слишком. Надо соизмерять в себе... – возмутилась Аня не то поведением Федора, не то откровенностью Инны. – При такой зыбкости отношений я бы не стала длить годы обид и надежд. Сама бы ушла.

– И я знаю такое, – деликатно слукавила Жанна, чтобы интересная тема продолжилась. – В жизни и похлеще бывает. Странные существа эти мужчины. Моя подруга ушла с ребенком, а бывший муж остался жить в ее квартире. «И не было изгнания подлей». Многое во взаимоотношениях между супругами открыл мне этот случай. Мой собственный дед оставил красавицу жену, великую труженицу с двумя малыми детьми ради женщины, которая умела только отдыхать и развлекаться. Спасая себя от таких мужчин, я старалась не находиться в опасной зоне.

– Круг очерчивала, как в гоголевской байке? – усмехнулась Инна и продолжила рассказ.

– Помню, Эмма признавалась мне с беспросветным отчаянием в голосе: «Федор был такой необыкновенный! Любили. Целовались так, словно не могли насладиться, насытиться. Казалось, мы нашли друг друга и крепко вцепились... Я сама себе завидовала. Он пожирал меня глазами».

«И это взгляд решил твою участь, поставив жирную точку в твоей судьбе», – попыталась я остановить Эмму.

«Врезалось мне в память его ликующее лицо перед одним из наших свиданий. И закрутилась карусель любви. И я счастливо растворилась в нем... Обычная романтическая предыстория. Я никогда не допускала мысли об изменах, верила, что стыдливый, совестливый. Он – моя первая осознанная любовь, мой единственный мужчина. Он стал смыслом моего существования. Я считала, что должна деятельно участвовать в жизни мужа и обязана сделать его счастливым».

Инна продолжила Эммин монолог, прерванный недовольным взглядом Лены:

«Правда, иногда по ночам неведомо почему в мое сердце закрадывалась какая-то непонятная грусть, но я не считала ее предчувствием беды. Ведь сначала шли рука об руку, мечтали, строили прекрасные планы. Был ряд неуловимых и, как я теперь понимаю, безошибочных признаков лжи, но я не верила этому и относила их к своей необоснованной мнительности. А оказалось, что созданная моей верой неуязвимость мужа и возможность безнаказанности кружили ему голову. Мысли Феди четко работали только в направлении своей выгоды, и он быстро отбился от семьи. Боюсь, его поведение уже перешло ту грань, когда прощение в общепринятом смысле уже неуместно и невозможно.

Разве много мне было нужно от Феди? Ощущение покоя и защищенности. И чтобы они ограждали меня не от будущего, а от прошлого, от того, что я видела в семье мамы. А

огребла предостаточно чего угодно, только не надежности. Я уже не жду от него понимания».

«Он ответит за свою неразборчивость и тогда поймет, что семья – это непреложно. Судьба позаботится об этом, – зло сквозь зубы пробурчала я. – Верила! Презумпцию невинности ставила во главу своих взаимоотношений в семье! Вера – это щадящая форма самообмана. Принцип «доверяй, но проверяй» меня никогда не подводил. А ты даже в ваших ссорах не хотела искать симптомы глубокого разлада. Всё списывала на его маму, на нездоровье и нервы мужа. Жалела его. Оставь жалость достойным. Воображение часто играет с нами злые шутки. Мы часто живем иллюзиями, которые заводят нас невесть куда. Придумываем себе героев и молимся на них, пока они не оседлают нас. Ха! «Как мы любим их, восхищаемся ими, пока они не разочаровывают нас своим присутствием»... Поведение твоего мужа – ясная иллюстрация моего тезиса. Нет, я, конечно, признаю за мужчинами несомненные достоинства... если они присутствуют в них. Федька – твой Порт-Артур, твоя Цусима. Для таких мужчин жена – нечто прикладное, не имеющее самостоятельного статуса».

Я говорила тихо, монотонно, в надежде усмирить, усыпить эмоции Эммы, а она снова и снова пыталась разобраться в своих чувствах. В ее взгляде я читала массу вопросов.

«Я любила безоговорочно, без всяких оценок. Никому не пожелаю подобного. Не прихоти ради, не от скуки или оди-

ночества меня к нему потянуло. Мое чувство было выше любого бытового житейского счастья. Мне казалось, что все люди, которые общались с Федей, отнимают у меня время, которое я могла бы провести с любимым. Моя любовь была так сильна, что я ничего плохого вокруг не видела, а если и замечала что-то по мелочи, то тут же забывала. В таком состоянии я обреталась целый год. Но оно отпустило меня, когда мы поженились. Любовь моя сделалась осмысленной, спокойной, без бурной страсти, но всеохватывающей. Не знаю, можно ли любить сильнее. И я почувствовала себя по-настоящему счастливой. Я старалась рассмотреть в муже хорошее, перетерпеть то, что мне не нравилось. Уже в самом начале с Федей и его мамой было непросто, болезненно непросто, но я любила мужа и всё прощала. Я же понимала: мама есть мама. И ничего тут не поделаешь. Придется мириться с ее сложным характером. Я даже пыталась с ней подружиться. Но душами мы с ней так и не приняли друг друга. У нас никогда не было близких отношений. Ты представляешь, она требовала от меня не нарушать устоявшийся порядок вещей, хотела моего полного слепого подчинения!»

«Какое «позитивное» начало семейной жизни! Твоя любовь как мягкий ровный благодатный свет, а у Федьки – лишь отдельные эротические вспышки. И ты с тупым добросердечным упорством норовила его перевоспитать? Только не ты, а они тебя ваяли, под себя хитро приспособливали, «прошивали» так, чтобы тебя в семье не стало видно. Та-

ков был их хитрый многоходовой расчет. Но тебе это казалось душевно-интеллектуальной близостью. Пойми, Федька – не причина твоей любви. Он только объект приложения твоей прекрасной способности любить», – с болью в голосе разубеждала я Эмму.

Жанна остановила Инну и поделилась своим наблюдением:

– Был у меня эффектный, с офицерской выправкой парень, трубку с длинным чубуком курил, красиво ухаживал. С ума я по нему сходила. Пожаловалась своей хорошей старшей подруге, тете, мол, и с ним не могу и без него тоже. Так она мне четко выдала: «Замуж надо выходить за того, с кем можешь и без кого можешь. Иначе будет сплошная маята. Доверяй своей природной интуиции, не торопись в чувствах, чтобы они длились всю жизнь». Она понимала меня и мой характер. И я сочла за благо ее послушать. И не разочаровалась в своем решении. Я и дочке, и внукам своим, а заодно и их подружкам говорила и продолжаю говорить, чтобы боялись слишком много и красиво говорящих юношей. Они этим к себе внимание привлекают. Хотят всем нравиться – это их сверхзадача, – потому что себя больше всего любят. Замуж надо выходить, будучи хорошо подкованной, теоретически вооруженной, чтобы и словами отбрызгать могла, защищая свое достоинство, и чтобы за «практикой» дело не стало, если понадобится. Я советую им не ждать принца на

белом коне, а искать человека близкого своей душе.

А еще я им предлагаю не заикливаться на мужчинах, потому что найти достойного – задача не из легких. Мужчина – это только часть вашей жизни и при том не самая надежная и часто не самая позитивная. Может оказаться, что без мужчины вам будет лучше, чем рядом с каким-нибудь психом или дураком. В жизни много чему еще можно радоваться».

Инна недовольно покосилась на Жанну, но выговаривать ей не стала. Продолжила рассказывать.

– А много позже Эмма писала мне с трагической иронией: «В глазах Федора всегда было что-то еще, кроме того, что я понимала о нем».

«Ларошфуко говорил, что «истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто её видел». Ты это подтверждаешь?» – шуткой отвечала я Эмме.

«Не могла я решить: искреннее чувство у Феде или нет. Он не проявлял себя... И попала я в плен света, исходящего из его глаз. И была ослеплена им».

«Было бы чем ослепляться! – злилась я. – Эмма, запомни, уверенная женщина говорит мужчине игриво: «Смотри не влюбись в меня!» или «И за что это я тебя люблю?», а неуверенная спрашивает: «Ты меня любишь?» И никогда не показывай, что ждешь его звонков.

Только чувствовала я, что она слабо воспринимала мои слова, не доходили до нее мои, казалось бы, очевидные истины. Вот и напоролась. А в результате – холодная сиротли-

вая постель и редкие минуты счастья с детьми на фоне постоянного семейного кошмара.

Жанна выразила свое мнение:

– Понимаешь, Инна, несмотря на массу прекрасных данных, у Эммы, наверное, энергетика жертвы, притягивающей к себе злую судьбу. Мистика присутствует в жизни женщин, сживающихся с ролью неудачниц, таким в мужа попадают либо спасатели, либо тираны. Эмме не повезло. Качество ауры человека зависит от наследственных черт и от условий жизни. Очевидно, в детстве семья не способствовала развитию уверенности в ее характере.

– Так ведь с отчимом жила, – напомнила Аня.

– Напророчила! Не отвлекай, – рассердилась Инна на Жанну.

Успокоившись, она продолжила свой рассказ.

– «Жизнь – печальная штука, если она без иллюзий и мечты, – говорила мне Эмма. – Всем нам хочется верить, что ради нас любимые поднимут алые паруса. Для меня любовь – это воздух, которым я дышу. Всё в жизни имеет смысл, если оно освещено любовью.

Магию обаяния – этот момент яркой индивидуальности – разгадать невозможно. А у Федора она была фальшивая. Где радость от совместного проживания, где многоцветье эмоциональных красок? Я его считала легким, артистичным, порыцарски благородным, а он играл. Иного пошиба оказался,

с пустой душой. Только печали множил. Но и этот факт не стал поворотным пунктом в моей жизни, потому что я не представляла себя вне брака, даже когда наши отношения висели на волоске. Не готова я была к такому повороту событий. Я еще доподлинно не понимала, сколь несовершенна его любовь ко мне, что то был камуфляж, прикрытие... Ни тяги к возвышенному, ни воли в быту... Прекрасное почему-то всегда хрупкое. Счастье или эфемерно, или недолговечно...

Я пыталась понять мужа, а он меня – нет. И это показатель его отношения ко мне. Он отвел мне место рабыни. Вот и ношу постоянно за плечами мешок с обидами и сбросить не могу. Я мечтала насладиться заботой и преданностью любимого человека, наполнить нашу жизнь гармонией и светом, слиться с его чувствами и мыслями, но все его фразы – вытяжка из мнений матери, с которой он до сих пор крепко связан невидимой пуповиной... толщиной с канат и верой в то, что он только ее собственность, и ее слово для него – закон. Не удалось мне разрубить гордиев узел их взаимоотношений. «Святая наука – расслышать друг друга» оказалась Феде недоступной. Я не нашла в его душе ни созвучия, ни отклика. Запланированное счастье не получилось. Дорога к нему мне заказана. Не скоро я поняла, что люди не меняются. Мы с ним «гвозди из разных стен...» Чем он сполна отплатил мне за любовь и преданность? И после всего этого он считает, что я обязана великодушно прощать его безнрав-

ственность?»

«Плохи твои дела. Любить и прощать молот, который вгоняет тебя в гроб? Мы нуждаемся в обществе хоть сколько-нибудь себе подобных, а Федька не чувствует чужой боли и не видит чужой души. Это ему неинтересно. Он не умеет любить простой человеческой любовью, когда любят кого-то, а не себя. Ох, я бы ему припомнила все обиды!»

«Молодыми мы не знаем, через что нам придется пройти в своей жизни. Понимаешь... Федя хочет делать мне больно... и делает. Для него нанесение обиды – наглядное свидетельство его превосходства. Я даже себе не могу признаться в этом. Ничто не может объяснить мне его поступки. Ну, были бы какие-то неполадки, проблемы с моей стороны. Истеричная воинственность, например, или стремление переспорить. Но ведь нет же. Я совершенно не капризная. Претензий не предъявляю, не пилю, упреков не высказываю, что бы не навлечь на себя его раздражение... Хорошо, когда ощущение радости жизни у человека вызывает красота. А у Фе-ди... я устаю от постоянного негатива, исходящего от него».

Взгляд Эммы сделался тусклым и холодным.

«Я каждый раз наталкиваюсь на Федин бессознательный эгоизм. А ему даже не приходит в голову, что он что-то делает плохо или неправильно. Я ему спокойно, без надрыва разъясняю и доказываю свою правоту, он соглашается с моими доводами, но тут же о них забывает. Он не воспринимает их сердцем, они не проникают в него, не прививаются. Он

может несколько раз за день поменять мнение по одному и тому же вопросу, потому что не имеет собственного. Откуда ветер сильнее подует, туда и склоняется. Мне это непонятно. Казалось бы, умный, так отчего же в нем эта странность?.. На него ни в чем нельзя положиться. Обещает, но никогда не выполняет. Подводит и в большом и в малом. Он человек без внутреннего стержня.

А иной раз скажет какую-нибудь глупость и настаивает на ней до изнеможения. Федя человек без чувства меры. Зачем на ерунде заикливаться? Стоит ему подметить в человеке какую-нибудь неприятную для него мелочь, и тот становится для него абсолютно невыносимым. Он быстро разочаровывается в людях, потому что не имеет к ним снисхождения. Мы все далеко не идеальные. Люди ему прощают много большее, а он этого не замечает и тем еще больше усугубляет неловкость в общении. И в моих глазах он не боится упасть. Вот так постепенно рушится его облик. Слабый, развращенный, с безудержным интересом только к своим желаниям... Меня изводит непонимание. Я прихожу в отчаяние.

«У вас обоюдное соревнование в жестокости?»

«Бог с тобой, как можно! Только с его стороны. Он ревнует меня к прошлой жизни, к той ее части, в которой его еще не было, и даже к профессии, и к моему успеху. Ему нужна удобная, серенькая жена, вот он и принижает меня до необходимого ему уровня».

«Было бы желание, а точку приложения своей ревности

всегда можно придумать. Кондовый мужик! – с внезапной злостью выпалила я. – У него не возникает потребности раскаяться в своих грехах?»

«Федя не считает свое поведение недостойным и тем более греховным. Он не признает своих недостатков и ошибок. Как-то не выдержала и решила на примере пояснить ему свою мысль, рассказав маленькую историю из своей юности. «Ехали мы в гости к родне отчима. Машина таксиста сломалась и нам пришлось перебираться через перевал верхом на лошадях. Я страшно боялась упасть в ущелье: дрожа всем телом, вжималась в седло, двумя руками вцеплялась в гриву и даже глаза закрывала, когда мы оказывались на очень узком участке дороги. Моя лошадка все время отставала от остальных «путешественников», потому что ощущала мой страх, сочувствовала мне и, оберегая свою трусливую наездницу, шла очень осторожно, мелко переступая передними ногами и притормаживая на крутых спусках задними. Спину она буквально в дугу изгибала. Я чувствовала, как напрягается ее сильное тело, я видела, как внимательно всматривается она в камни, на которые ей предстояло наступить. Она расслаблялась только когда мы оказывались на ровных, достаточно широких отрезках пути». А ты человек, но не умеешь беречь, жалеть и сочувствовать», – печально заключила я свой рассказ. И ты думаешь он тронул моего мужа? Федя умеет так уйти от неприятных ему вопросов, что потом трудно к ним вернуться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.